

Принцесса по Госту

Юраш Кристина

Глава первая

Всеобщая принцессолизация

Я рождена, чтоб сказку сделать пылью, преодолев пространство и позор!

— Что-то сильно смазливая получилась, вам не кажется, многоуважаемые министры? Такая еще и понравиться может! — опасливо прищурился первый министр, критически рассматривая портрет и потирая окладистую, стриженую бороду.

— Вот зря ты, Каспар, мне кажется, что сойдет! — прокашлялся в платочек министр финансов, потирая запотевшую лысину и поглядывая на часы.

— Сойти — не выйти! Там такие красавицы будут — глаз не отведешь! А нам надобно пострашнее! Понеказистей! Чтобы при виде нее перед смертью пить перехотелось! Чтобы при мысли о том, что наследники будут похожи на нее, хотелось спрятаться под одеяло, — сардонически заметил первый министр, присматриваясь к портрету. — Эй, художник! Мог бы что-нибудь с ее волосами сделать! Ну так, чтобы там три волосинки было? А то тут прямо локоны Не порядок!

Придворный художник трагично закатил глаза, словно уже мысленно нарисовал посмертные портреты всех присутствующих.

— Опять? Вы мне за глаза доплатите? — поинтересовался он, снова наводя краску. — Идите вы в тюбик!

— Тебе за глаза хватит! Рисуй! Если к утру не будет готов портрет принцессы, пойдешь в первых рядах добровольцев на войну, которую нам объявят! — рывкнул тучный министр обороны, расстегивая пуговицу камзола и нервно обмахиваясь посланием.

* * *

— С вас двести рублей, — равнодушным голосом заметила усталая парикмахерша, подметая старой шваброй мои волосы и бросая фен на столик. — Зи-и-ин! Кто там следующий по записи?

Моя дрожащая рука потянулась к старенькой сумочке. Я боялась даже взглянуть на «подровнять концы». Мне очень хотелось подровнять тот конец, который объявил режим строжайшей экономии. Из зеркала на фоне красоток, вырезанных из журнала неизвестным маньяком, на меня смотрело лысоватое нечто. Радостный Голлум вздыхал с умилением, глядя на «мою прелессссть!», понимая, что даже его судьба не обделила потенциальной парой.

— Ну как? — поинтересовалась парикмахерша, пытаясь ободрить меня, дабы я не покончила с собой после выхода из салона красоты «Туа Летуаль». — Вам так идет! Теперь придется с собой носить паспорт!

Согласна! Паспорт нужен обязательно, чтобы доказывать, какого я пола! Я выдала две смятые купюры, проверяя стопку чеков.

— Не могу дозвониться следующей! — послышался ленивый голос из-за стола администратора, которая тем временем со скоростью станка пилила ногти нахохлившейся женщине за пятьдесят, и прижимала к уху телефон. — Инесса Абрамовна, вам красненьким, как обычно? С золотишками? Алло! Вы не забыли? У вас сегодня запись

Я сглотнула, прижимая к груди свою старенькую шапочку с бубончиком, которая должна ближайшее обозримое будущее играть роль шапки — невидимки.

— Не хотите купить бальзамчик с кератином? Фирменный! — поинтересовалась парикмахерша, показывая на витрину. — Он у нас сейчас со скидками! Пятьсот рублей!

Сколько? Пятьсот рублей за бальзам? Да меня дома убьют!

— Нет, спасибо, — я выдавила улыбку, натягивая куртку и вылетая пулей из парикмахерской. Хоть бы не встретить никого из знакомых!

* * *

— В-о-от! Каспар! Взгляни! — пробасил министр обороны, когда усталый художник продемонстрировал результат. — Теперь другое дело! Три волосинки! Как и полагается! Пусть думает женишок, что больная она у нас! Наследственность плохая! Не растут у нее волосы!

— Ты прав, Андрес. Надо бы мешки под глазами нарисовать побольше! Или синяки! Чтобы точно знали, что она у нас пьет наравне с батюшкой! — звонко чихнул министр финансов, пытаясь отдышаться.

— А вдруг решат, что она не пьет, а о государстве думает? — критически заметил министр финансов, растирая мешки под глазами.

— Надо как-то подчеркнуть, что о государстве она совсем не думает! Чтобы по взгляду было понятно, что думать она вообще не умеет! — ударил кулаком по столу министр обороны.

— Ты не прав, Андрес! Женское дело — смирно лежать и детей рожать! Умная интриги плести начнет, или даже отравит, чтобы короной завладеть! — предположил первый министр, потирая руки. — Наша принцесса(, и писать, и даже считать умеет! Любому министру фору даст! Даже тебе, Оджерс!

* * *

В гипермаркете радостно со всех колонок неслись канувшие в небытие финансового произвола новогодние праздники, пока я застыла возле стеллажа с краской для волос. Нет, это дорогая Меня убьют! Двести рублей за краску — дорого! Так, а что у нас на нижних полочках Краска для волос «Принцесса». Что тут у нас по палитре? «Мореный дуб», «Огненный каштан», «Холодный Каштан» и «Ольха». Отлично! Берем ольху. Будем ольхой за сто рублей! С потертой упаковки фальшиво оскалилась девушка — бревно, намекая на то, что через три часа я себя в зеркале не узнаю! На меня будет смотреть не вселенское невысыпающееся зло, а настоящая принцесса!

— Назвался ольхой — полезай в лукошко, — пробурчала я, проходя мимо стеллажей с дорожкой краской. Пройти, не поднимая глаз — вот наш скромный семейный девиз.

О! Просрочка по скидке! Молочко, творожок и какой-то йогурт. Несем-несем на кассу!

— Вам пакетик какой? — равнодушно интересуется кассир, поднимая глаза на меня. — Средний или маленький?

— Пакетик не надо, — вздохнула я, доставая кошелек и пересчитывая деньги. — У меня свой есть! А можно краску отдельным чеком пробить? Чтобы не в общий?

— Поздно, я уже пробила! С вас восемьсот девяносто шесть рублей! — устало выдохнула кассирша, поглядывая дальше на ленту, а я достала деньги, отсчитывая сумму.

— Погодите! — прокашлялась я, шурша чеком. — А почему картошка по тридцать рублей? У вас там по двадцать написано!

— Потому что по тридцать! Ценник забыли поменять! — скривилась кассирша, пробивая

кому-то апельсины, копченую скумбрию и прочие лакомства, от которых голодный желудок скорбно заурчал, срочно требуя домой.

* * *

— Если наша принцесса больная, то пусть худой будет! — подсказывал министр финансов, снова чихая. — Чих... чих чихоточная! И росточку маленького! В детстве болела много, вот и не выросла! И такая вся, как воробышек! Чтобы не то, что корону Веер не подымет!

Художник вздохнул, глядя на соблазнительные формы, обрисованные дорогим платьем, и стоически достал скипидар.

* * *

Зависть берет в тот момент, когда вытаскиваешься с пакетами и видишь, как счастливые пары укладывают в багажник покупки, садятся в машину и уезжают с парковки, а тебе предстоит чавкать позапрошлогодними сапогами по хлюпающей чаче талого снега, неся в каждой руке по десять килограммов. Чертыхаясь так, что где-то испуганно жались друг к другу все обитатели ада, я тащила покупки домой, чувствуя, как руки превращаются в веревочки, а спина в знак вопроса. Опыт подсказывает, что именно в моменты, когда у тебя заняты руки, о тебе вспоминают двоюродные тетки, бывшие одноклассницы, подруги, с которыми уже пять лет не виделись, родственники и все-все-все, внезапно поймавшие себя на мысли «а не позвонить ли?».

Пришлось поставить пакеты на снег, доставая из сумки старый, треснутый, дребезжащий дурацкой задорной мелодией кнопочный телефон.

— Да! — устало выдохнула я, провожая завистливым взглядом проезжающие машины. — Я просто пакеты несу. Нет, не слышала, как ты звонил! Что значит, обиделся? Я не поняла? Обиделся на то, что я не хочу с тобой разговаривать? А ничего, что у меня руки заняты!? Мог бы и встре

Где-то в серости неба рождался снег, а на светофоре снова гудела пробка.

— Давай дома поговорим! Мне просто неудобно! — закатила глаза я, чувствуя, как чавкает гримпинской трясинной правый сапог. — Да, купила! Чеки сохранила! Все сохранила! Я же сказала, что мне неу

Трубку бросили, а я снова впряглась в пакеты.

* * *

— Видели принцессу Ильвину? — крикнул от восхищения, подкручивая ус, министр обороны. — Не баба, а мечта! Волосы до пояса, глаза А! Не умею красоту описывать! Но, короче, баба — хоть куда!

— Поговаривают, что императрицей станет Алира, — усмехнулся первый министр, расхаживая по залу и заложив руки за спину. Часы на стене пробили шесть, а художник наводил краску. — Там не принцесса! Там сказка! Если еще на портрете волосы распустит, то все. Сразу замуж выйдет! Ее три раза похитить хотели! Однажды даже

дракон!

Все посмотрели на портрет, понимая, что где-то плюется брезгливый дракон.

— Бедный дракон! Нашу он не потянет! Не донесет! — угрюмо констатировал факт министр обороны, нервно поглядывая на часы. Дверь распахнулась, а голос слуги заставил всех вздрогнуть:

— Гонцы от его императорского величества интересуются, когда будет готов портрет принцессы?

* * *

Я ползла беременной улиткой домой, чувствуя, как хлюпают уже оба сапога, а из открытых магазинов доносится задорная новогодняя музыка. А где-то в СТО(, стоит в разобранном состоянии уже полгода наш, почти семейный, автомобиль. Запчасти на это чудо техники, казалось бы, шли, но пешком с другого конца света, делая большие передышки и отдыхая месячишко-другой на границе. Зато каждую неделю чья-то рука исправно брала деньги из копилки на Малышку 2002 года выпуска, которую как-то случайно занесло на обочину. Подлое дерево не успело убежать, так что машина, за руль которой я никогда не садилась, все еще томится в темнице, где пахнет машинным маслом, грязные руки вытирают черными тряпками, сплевывают на пол и называют друг друга по отчеству: Михалыч, Андреич и Петрович.

— Пустяки, дело — то житейское! Ну-у, мася-я-я! — меня трепали по голове, вытряхивая из копилки последние пять тысяч, которые я отложила на квартиру. Последнее время у меня складывалось впечатление, что черная дыра, о которой твердят ученые, находится не в соседней галактике, а в соседнем районе. И смотреть нужно не в телескоп, а в микроскоп, разглядывая оставшиеся после ремонта машины деньги.

— О! Евочка! — неожиданно послышался удивленно — радостный голос. — Я тебя сразу и не узнала! Ты так изменилась!

Я подняла глаза на красавицу в дорогой норковой шубке, рядом с которой стоял огромный мужик, трепетно неся женскую сумочку.

— Евочка! Сколько лет! — меня чмокнули в щеку. На секунду я уловила запах потрясающих духов. — Как делишки? Замуж еще не вышла? А мы с Мусиком по магазинчикам решили пройтись! Мне сапожки выбрать! Не знала, какие брать, поэтому взяла четыре пары! И сумочку! И два платяца! Хочешь, покажу? Оригинал!

Я изобразила подобие радостной улыбки.

— Мы можем подвести! — заметила Катенька, лучезарно улыбаясь. — Мы тут недавно за границу летали! Прямо на праздники! Только вернулись! А как твои праздники?

— Отлично, — улыбнулась я, глядя на роскошные кольца и дорогие замшевые сапожки. — Просто чудесно! Посидели в семейном кругу!

Меня уже трамбовали в машину, сдвигая брендовые пакеты.

— Мусенька! Мы с ней вместе учились! И даже жили в одном подъезде! Подвезем ее? Тут недалеко! — красивые губы чмокнули небритую щеку. — Я ей рассказывала про то, как мы отдохнули! Вот-вот! Смотри! Это я на пляже! А это верблюды! Там такие коктейли!

Я сидела на кожаном сидении нахохлившимся воробьем, пока мне показывали фотографии с отдыха, какие-то платя, шурша пакетами, и щебетали о планах на будущее. «Мусик» спокойно и уверенно перестраивался из ряда в ряд, пропуская пешеходов.

— я ему и говорю, что у меня уже есть пять сумочек! А он молча несет ее на кассу!

Представляешь? — щебетали мне, повернувшись ко мне в поворот. — Ты все там же? А я вот не работаю! Мне Мусик запрещает! Нечего мне на работе делать! Ты на фитнес ходишь? Я хожу! Давай ходить вместе! Видела Ирську! Ей месяц назад муж машину купил! Теперь на права сдает! А позавчера встретила Ленуську! Она такая деловая! Выходит из машины, по телефону разговаривает! Нет, замуж не вышла! У нее свой магазин!

Я улыбалась, кивала, глядя, как под моими сапогами натекает грязная лужа, а носок противно хлюпает. В зеркале заднего вида отражался нахотлившийся подстреленный воробей в серой курточке, греющийся в карманах озябшие лапки.

— Ну, все! Пока! Чмоки-чмоки! — меня высадили рядом с подъездом, а я старалась не смотреть в сторону отъезжающей машины.

* * *

— Пишите, Оджерс! Эм Принцесса Как бы ее назвать? — расхаживал по комнате первый министр. — Как на счет Эванджелины? Звучит! Эванджелины! В честь ее прапрапра допишите сколько нужно этих «пра» прабабушки Эванджелины Прекрасной, дочери

— Эвоно как! Ловко! — благодушно согласился министр обороны, кивая и глядя на портрет.

— Эвана хм Пятого! Принцесса умна и хороша собой. Своей красотой затмила она всех вокруг! Надо написать, почему мы о ней ничего не говорили! — почесал бороду первый министр Каспар, задумчиво глядя на портрет. — И никто никогда ее не видел! Может, просто она очень скромна? Хотя нет, скромность — это достоинство. Упустим! Пишите! Мы никогда никому о ней не говорили из-за проклятия, которое наложил один злой чародей! Его Императорское Величество страсть как боится проклятий! Мы отдали ее на воспитание семье мельника, который передал ее семье дровосека, который отдал девочку семье пекаря

— Она у нас что? По рукам ходила? — нахмурился министр обороны Андерс.

— А вдруг соберут всех дровосеков и мельников? Вдруг его Императорское Величество захочет все разузнать? Нам тогда не сносить головы! — занервничал первый министр. — Надо, чтобы ее воспитывали те, кого можно предъявить, но кто ничего не сможет рассказать! Может, животные? Как вам? Принцессу воспитывала дружная семья волков в глухом лесу?

— Они же научили ее читать и писать! — согласился министр финансов, громко сморкаясь и скрипя пером.

* * *

Я сейчас реально взвою! Мне предстояло долгое восхождение на восьмой этаж без лифта, поэтому я набиралась сил перед последним марш-броском, пикируя домофоном. Возле двери дружно чесалась рок группа «Блохи», требуя, чтобы сердобольная я(, пропустила их в тепло.

Я упорно маршировала вверх, чувствуя, что, если ко мне подкрадется грабитель и вырвет из рук пакет, я буду ему очень благодарна и вежливо попрошу взять и второй. Альпинист — оптимист в моем лице штурмовал вершину, кряхтя и цепляясь за мысли о том, что дома он согреет чайник, нальет чай и сможет эволюционировать в человека прямоходящего. Несмотря на мои СМС-ки, которые лишь подтверждали грустную теорию Дарвина, ко мне так никто и не спустился. Беременным нельзя поднимать

тяжести! Да, считайте, что я беременна. Скандалом.

Ключ попал в замочную скважину, я открыла дверь, втаскивая сумки в убогий коридор, который следит за моей фигурой похлеще бизнес-тренера, не давая мне располнеть на лишний килограмм, иначе я в него не протиснусь. Из комнаты слышались взрывы, крик и пулеметная очередь. Кто-то орал так, словно в него всадили всю обойму. «Че-е-е-ерт! Вот дерьмо! А!» — именно благодаря этим крикам соседи намекали мне, что есть горячая линия для женщин, которые подвергаются домашнему насилию.

— А пришла уже? Я просто одевался! — послышалось ленивое из комнаты. — В магазине была? Чеки давай!

Через десять минут я чувствовала себя пресс-секретарём министра экономики, объясняющего текущий уровень цен потребителям. На что мне ответили, что в другом конце города видели картошку по двадцать четыре. И шампунь за шестьдесят рублей — это непозволительная роскошь в тяжелые кризисные времена.

— У тебя сегодня должна была быть зарплата! — осторожно заметила я, чувствуя легкий запах праздника, омраченный тем, что о ней никто не заикнулся. Подозрения усиливались с каждой секундой.

* * *

— Воспитанная в глуши лесной волками, наша принцесса выросла красавицей! А потом потом ее отдали на воспитание доброй фее, — прочитал вслух первый министр, нервно поглядывая на часы. — У доброй феи она научилась

* * *

— Ты что? Офеел? У меня что? Волшебная палочка, печатный станок? Вот нафя мне такой муж, который с зарплаты себе новый телефон купил! — я смотрела как пролетарий на буржуазию, чувствуя праздничный выхлоп.

— Ма-а-ась, ну не злись! — меня потрепали по волосам, тыкая в нос новой игрушкой. — Я же люблю тебя! Смотри, тут оперативка нормальная, камера сорок мегапикселей

* * *

— Мы оперативно вызволили ее из камеры, в которой она томилась после того, как ее похитили разбойники! — предложил министр обороны, вслушиваясь в скрип пера. — Они держали ее в темнице год! Живя с разбойниками, она научилась

* * *

— Где оставшиеся деньги? — финансовый минор смотрел на обиженного мажора, чью покупку не оценили. — Нам за квартиру первого числа платить! И есть на что-то надо! Давай сюда деньги! Гони сюда остатки зарплаты! Я кому сказала! Так, давай сюда

телефон! Где чек?

— Грабят! — возмущался владелец телефона в половину зарплаты. — Ма-а-ась! Чего ты такая злая? Масюня, ну купил я себе телефон, и что? Чек я выбросил! Нафига он мне?

— Где оставшиеся деньги? — прошипела я, понимая, что сейчас просто задушу его.

— Я купил тебе шоколадку! Потому что люблю тебя! — радостно сообщили мне, доставая маленькую плиточку с улыбчивой девочкой. — Ну чего ты жмотничаешь? Так у тебя там десятка лежала! Ты же на квартиру со своей зарплатой отложила!

Сейчас я кирпичи отложу, а потом выберу самый увесистый и постараюсь исправить ошибку природы!

* * *

— Злой дракон удерживал ее в своей пещере и требовал за не выкуп! Два года! Подчеркни, что два года! — палец первого министра поднялся вверх. — Итого, у нас получается четырнадцать лет! Сейчас еще что-нибудь придумаем! У алчного дракона она научилась

* * *

Я сидела и пересчитывала оставшиеся в кошельке деньги, на полу возле закрытой двери валялась шоколадка.

— Тысяча сто Тысяча сто пятьдесят Сто пятьдесят восемь, — чахнул над чеками и «добычей» маленький Кошей. — Ничего, на макаронах можно продержаться Десятку я спрятала в специи. Там он точно рыться не будет!

Из туалета слышалось обиженное:

— Да что-то Маська на меня обиделась! Я ей шоколадку купил, а она выпендривается!

Я прошла в комнату и украдкой сунула деньги в дырку матраса, прикрыв покрывалом сокровищницу.

* * *

— Надо что-то хорошее про нее написать, а то уже как-то сильно мрачно получается! Давайте напишем, что она детей любит! И всегда мечтала о детях! — предложил первый министр, глядя, как в кресле храпит министр обороны, а художник, напряженно сопя, пытается уменьшить грудь. — Пиши про детей и достаточно!

* * *

— Я вот тут подумал Давай заведем детей! — внезапно предложили мне, когда я налила

себе чай, заваривая пакетик третий, почетный раз. Я поперхнулась чаем, чувствуя, как у меня течет из носа.

— Машину и мозги заведи сначала! Я верю в единорогов, эльфов, драконов, сказочные замки и в твою машину! — рявкнул я, с горечью осознавая, что в где-то в мире есть хороший чай, который собирали бережные руки красавиц-индианок, а то, что у меня в кружке — явно топтал слон, выражая свой буйный восторг нервным опустошением желудка.

— Машина будет готова в воскресенье! — заявили мне, тут же превращаясь в настоящего принца на белом коне, который разговаривает с несчастной Золушкой. — Я взял у тебя десятку Еле нашел! Надо ж было так спрятать! В специях! Там просто Андреич случайно ключ на лобовуху уронил! Нужно новое лобовое

У меня складывается впечатление, что где-то на СТО Михалычи, Петровичи и прочие господа обеспечили семьи на десять лет вперед, а чьей-то мятый конь будет торжественно передаваться по наследству со словами: «Не вздумай починить! Подумай, сынок! Тебе еще внуков кормить!». — Так пусть сам покупает лобовое! — возмутилась я.

— Ну, ма-а-ась, ну чего ты? Я люблю тебя! Он и так нам по скидке делает! Там капельку осталось доделать! — шептали мне, целуя в щеку. — Совсем капельку. Я знаю, что у тебя там денюжка есть! Ма-а-ась! Нужно еще соленблоки менять И все! Малышка готова!

Я стоически молчала, поэтому на меня смертельно обиделись.

* * *

— Мне кажется, или светлые волосы — слишком красиво? Давайте какой-нибудь мрачненький цвет! Светлые сейчас в моде, — вздохнул первый министр, отходя подальше с видом ценителя живописи. — Нужно что-то унылое

И тут не выдержал художник, дрожащим голосом замечая, что его попросили нарисовать? портрет принцессы, а не гравюру для книги о чудовищах! И вообще? Где натурщица? Без натуры он не работает!

— Нужно что-то эм, — присматривался к лицу министр финансов. — Зеленое! Пусть будет зеленый! С зеленой! Вот! Совсем другое дело!

* * *

— Царевна! — икнула я, застыв перед зеркалом. — Лягушка

Фен чуть не выпал из моих рук в тот момент, когда на меня из зеркала смотрел плесневелый одуванчик. Красотка с распечатанной пачки улыбалась, а я хныкала, пытаюсь пригладить остатки зеленоватых волос.

— Кикимора болотная! — я поджала губы, глядя на «ольху». — Вот как я теперь на работу завтра пойду?

Я пыталась смыть все хозяйственным мылом, потом достала стиральный порошок, но стоило мне взглянуть в зеркало, как в голове заунывно и грустно кто-то мычал: «Затянуло бурой тиной, гладь старинного пруда». Попробую пятновыводитель!

* * *

— Ваше Величество! — дверь в роскошные покои осторожно приоткрылась. — Разрешите войти! Как ваше здоровье?

— Его Величество идет на поправку! — заявил целитель, глядя на торчашую из-под четырех одеял голову древнего старца. — Нельзя его беспокоить!

— Пусть войдут! — слабым голосом заметил дрожащий старик, пытаясь поднять худую руку.

— Ваше Величество! Мы нарисовали принцессу! — отрапортовал министр обороны Андрес, вытягиваясь по струнке.

— Какую принцессу? — слабым голосом спросил король, безвольно утопая в парчовых подушках.

— Вашу достопочтенную дочь! — снова по-военному выкрикнул министр обороны, закатывая глаза.

— У меня есть дочь? Где она? Я хочу ее видеть! — занервничал старик, водя костлявой рукой по расшитому покрывалу.

— Ваше Величество, смею напомнить, что вчера нам пришло официальное послание от императора! Его императорское величество, которому мы все присягнули на верность, изволил жениться на дочке одного из своих вассалов, — с поклоном заметил первый министр.

— Кажется, я вассал — король протянул руку к целителю. — Прямо в кровать

— Ваше Величество! Сейчас я позову слуг, и они все уберут! — задержался лекарь, звоня в колокольчик.

— Я хочу видеть свою дочь! Перед смертью посмотреть на свою девочку! — прокашлялся король, прикрывая глаза. — Где она?

— Ну что вы, Ваше Величество, вам еще жить да жить! — бодро заметил лекарь, А слуги суетились вокруг старика, меняя постель. — Вы еще ого-го! Отвар из лягушачьей шкуры и золотой пыльцы и мертвого поднимет! Это — очень действенное средство!

— В послании также говорилось, что те вассалы, которые не пришлют портреты своих дочерей, будут объявлены врагами! — вздохнул первый министр Каспар. — Вот портрет нашей принцессы! Ее точно не выберут, но приказ мы выполним!

В комнату слуги торжественно внесли портрет, подернутый тканью.

— Моя дочь — выдохнул старик, прищуриваясь, когда с портрета снимали ткань, поднося его поближе.

В абсолютной тишине послышался тихое: «А-а-а!».

— Ваше Величество! — бросился к постели лекарь, беря руку короля, а потом безвольно опуская ее. — Король мертв! Наш достопочтенный государь только что скончался! Горю-то какое!

* * *

Я сидела на кухне и тихо всхлипывала, глядя на свое отражение в зеркале. На столе остывал нетронутый чай. За стенкой слышался раскатистый храп.

— Все! — не выдержала я, вставая с места и проходя в комнату. — Собирай вещи и проваливай отсюда!

— Ну, ма-а-ась! Ты чего? — на меня посмотрели, зевая. — Ложись спать!

— Я кому сказала! Вон отсюда! — я вытащила его сумку и стала бросать туда рубашки, свитера, глядя, как он свешивает ноги с кровати. — Лопнуло мое терпение!

— Масенька! — меня обнимали. — Успокойся! У меня сейчас реально нет денег, чтобы снять квартиру! Я люблю тебя, маленькая! Прошу тебя!

Он плюхнулся на колени и обнял мои ноги. — Тогда я уйду! — решительно дернулась я, доставая вторую сумку. — Мне надоело!

— Я больше так не буду! Это было в последний раз! — умоляли меня, когда я пыталась вырвать руку из чужой руки, чтобы застегнуть молнию. — Ну с кем не бывает! Я люблю тебя! Жить без тебя не могу!

Пока что-то подсказывало мне, что без меня он действительно не выживет! Сердце колола жалость, а спонсором ее выступал грустный взгляд и сопли, размазанные по небритой щеке. «Ну кто тебе еще полочку прибьет?» — нашептывал финансовый кризис. «Да я его раньше прибью!», — отзывалась я, чувствуя, как меня пытаются поцеловать. «Ну кто тебя еще согреет?», — настаивал финансовый кризис. «Батарея!», — огрызалась я, понимая, что моя рука безвольно опускает на пол сумку.

— Я люблю тебя, масенька! Ты — все, что у меня есть! — шептали мне, пока я смотрела в зашторенное окно. — Если мы с тобой расстанемся, я я не буду жить! Поверь мне!

Моя совесть пересчитала грехи, закатила глаза и покачала головой, мол, труп на ней ну никак не поместится! Даже по частям! Меня дожимали, а моя рука опустила сумку. Я развернулась и ушла на кухню, а в комнате кто-то счастливо захрапел. И так каждый раз.

* * *

— Приносим соболезнования по поводу скоропостижной кончины вашего короля! Я спешил к вам с радостной вестью! — запыхавшийся гонец развернул послание. — Его Императорское Величество, объединивший тридцать девять земель, извещает вас о том, что принцесса Эванжелина, урожденная дочь покойного короля Эвона Девятнадцатого, только что прошла отбор невест и выбрана в качестве супруги Его Императорского Величества! С радостью сообщаем вам, что Эванжелина пленила сердце Императора настолько, что он соблаговолил прислать ей свой портрет в полный рост, в надежде на скорую свадьбу. Он настолько увлекся ею, что готов был скакать прямо немедленно на встречу со своей невестой, так что Его Императорское Величество прибудет сюда в шесть утра!

В абсолютной, гнетущей тишине послышался нервный кашель. Все стояли в трауре, скорбно опустив глаза.

— А можно отложить свадьбу на день? — спросил первый министр, поднимая глаза на гонца и глядя на намокшие под проливным дождем усища.

— Я бы хотел лично передать послание невесте! Его Императорское Величество настаивал, чтобы я отдал ей его лично в руки! — отрапортовал гонец, глядя на черное облачение придворных.

— Наша принцесса, — икнул министр финансов, пряча лицо в кружевной платок. — Наша дорогая Эванжелина Она сейчас В таком горе Просто неопишемом После смерти батюшки она не в себе! Заперлась в комнате и сидит Еще бы Для нее это такое горе! Давайте мы ей передадим! Как она обрадуется! Мы же не ожидали, что наша бесценная Эванжелина станет императрицей! Она сейчас точно не в себе! В последний раз мы слышали, как она рвет гобелены и ломает мебель А еще она воеет так, что сложно передать словами

— Понимаю. Горе ее действительно велико, — смиренно вздохнул усатый гонец, протягивая свернутое послание с алой императорской печатью. — Император лично приносит ей соболезнования и просил передать свой портрет, который должен утешить ее в эту трудную минуту.

Дверь захлопнулась, а выжидательная тишина завершилась пронзительным и истеричным криком: «Мы пропали!».

* * *

Я смотрела на свет одинокого фонаря, кусая губы.

— Я хочу чудо! — неожиданно и отчетливо прошептала я, опустив глаза и разглядывая хлебные крошки на столе. — Нет, не такое, какое дрыхнет в соседней комнате без задних ног, а настоящее!

Я осмотрелась по сторонам. Добрая фея не появилась из-под стола, золотая рыбка не вынырнула из раковины, джинн не вылетел из пустой бутылки дорогущего алкоголя, стоящей возле мусорного ведра, а список покупок не превратился в выигрышный лотерейный билет.

Перекрыв газ, шоркая старенькими тапками, я переоделась в футболку и улеглась на край кровати, пытаюсь отвоевать хоть кусочек одеяла.

— Маленькое чудо, — едва слышно шептала я, обнимая подушку. — Просто маленькое чудо! Малюсенькое! Совсем маленькое!

В меня что-то уперлось.

— Нет, не такое маленькое, чуть-чуть побольше! — я сдвинулась еще на край, чувствуя, как слипаются усталые глаза.

* * *

В украшенном траурными шторами зале, расхаживал первый министр. Иногда он останавливался, вскидывал голову, бросал хмурый взгляд на опустевший трон, на котором покоилась осиротевшая корона.

— А давайте скажем, что она тоже умерла от горя? Она же у нас слаба здоровьем! Вот не пережила смерть батюшки! — предложил министр финансов, скорбно глядя на портрет покойного короля. — И быстренько ее похороним рядышком? А Императору скажем, что сердечко бедненькой не выдержало?

— А вдруг подумают, что это мы ее отравили? — осмотрелся по сторонам первый министр, расхаживая, как маятник. — А ведь так и подумают! Император разбираться не будет!

— А если сказать, что она сошла с ума? Или отказалась от этой чести? — предложил министр обороны, стоя рядом с троном. — Оджерс! Ее все равно придется предъявить! — фыркнул первый министр. — Сумасшедшая или не сумасшедшая, все только и твердят о свадьбе! Давайте скажем, что она сбежала из дворца? Объявим поиски! Напишем с десяток указов! Награду пообещаем!

* * *

Я проснулась от того, что где-то просвистела СМС-ка. Мой взгляд остановился на часах, а рука потянулась под подушку. Я нащупала телефон, достала, понимая, что это не мой.

«Мяу!» — выдал Лысый СТО. Это вам кажется, что они — brutальные и потные, а на самом деле они милый, добрые и пушистые котики!

«Мяу-мяу!», — снова «мяукнул» Лысый СТО, намекая, что я очень близка к истине.

«Ну, котенька, ты чего не отвечаешь?», — мурлыкнул Лысый СТО, а я понимала, что ничего не знаю про «индивидуальный подход к клиентам».

«Твоя мымра уже спит? Мне просто завтра нужно, чтобы ты отвез меня в салон красоты на кератин! Мне на двенадцать!». Где-то в салоне красоты трепетно ждут Лысого на кератин.

«Спит!», — ответила я, беря телефон и уходя с ним на кухню. Чайник шипел, а я сидела и ждала ответ.

«И дашь денежку на ногти?» — снова поинтересовался Лысый. Нет, я понимаю, что копать в моторе нужно только с маникюром! А что? Длинные ногти — залог успеха автомеханика.

«Да», — написала я, с нетерпением ожидая продолжения.

«Я хочу тебя, мой сладкий!» — история умалчивала подробности ремонта машины, но воображение это не останавливало.

«Я тебя тоже хочу!», — ответила я, отхлебывая чай и отгоняя мысли о больших руках Лысого, испачканных в мазуте.

«Я представляю, как ты зубами снимаешь с меня трусики!», — порадовал меня суровый автомеханик, пока я представляла огромные семейные труселя, которые стягивают похотливые пломбы и один похотливый мост. А я-то думаю, что ж у нас на стоматолога столько денег уходит? А тут, видите ли, трусы зубами стягивают!

«Просто завтра ночью мой муж возвращается из командировки!», — сообщил Лысый и поставил рыдающий смайлик. А я — то думаю, почему этот бугай, которого я видела в последний раз на СТО три дня назад, такой грустный! У него муж в командировке! Пропадает суровый автослесарь без любви и ласки!

— Где мой телефон? — слышался голос, когда я искреннее сочувствовала Лысому, пытаюсь подобрать слова утешения.

— Тише, не мешай! — отмахнулась я, отхлебывая чай и глядя на фотографию в новом белье, спонсором которого стала наша дружная семья. А у лысого неплохая фигура! И чулки ему очень идут! Гораздо лучше, чем затертая черная роба.

— Ты все не так поняла!!! — с этим криком у меня из рук пытались вырвать новенький телефон. — Он просто нажрался и прикалывается! Он часто так делает! Ну debil он!

Я отбивалась от нападающего, набирая номер одинокого и безутешного автомеханика.

— Алло, котенька? — томно произнес женский голос, а у меня тут же выхватили трубку и сбросили вызов.

На кухне воцарилась тишина. Старенький ночник жужжал в розетке, а я молча водила пальцем по ободку кружки.

— Выметайся отсюда! — в ночной тишине прозвучал голос, отдаленно похожий на мой.
— Чтобы утром и духу твоего здесь не было!

* * *

— Наш гонец передал послание, что принцесса сбежала! Но его Императорское Величество, обеспокоенный судьбой своей будущей супруги, отправил сюда магов! Чтобы они вернули ее! Живой или мертвой! — отрапортовал слуга. — Они ждут позволения войти! Что им передать?

— Мы пропали! — схватился за голову и тихо взвыл министр финансов. — Надо было бежать! Это была твоя идея, Каспар!

— Тише! Пусть войдут! — чинно произнес первый министр. Дверь распахнулась, и процессия в капюшонах магов внесла портрет принцессы.

— Нас попросили помочь в поисках! — заметил сухощавый старик с бельмом на глазу, снимая роскошный, отделанный золотом капюшон. — Я — Магистр магии. Через час принцесса будет здесь. Живая или мертвая! Его Императорское Величество очень обеспокоен ее судьбой, так что не мешайте! Мы проведем ритуал, который вернет принцессу! Портрета будет вполне достаточно! Приступаем! Рисуйте круг, расставляйте кристаллы призыва!

* * *

— Мась! Ты там скоро? — стучали в дверь моей скромной керамической приемной, в которой я пыталась принять суровую правду жизни. — Давай, хватит выеживаться! Открывай!

— Пшел вон! — огрызнулась я, глядя на спущенные трусы и старые тапки.

— Нет, ну, мась, ну нихрена ты — не принцесса! Ну ты на себя посмотри, мась! Мне стыдно с тобой на улицу выйти! Ты сама виновата! — слышался голос за дверью. — Посмотри правде в глаза! Кто на тебя еще поведется? Или ты думаешь, что как только уйдешь, так сразу все! Принцесса? Я никуда от тебя уходить не собираюсь, так что давай, вылезай! Или я выключаю свет! Раз! Два! Я не шучу! Два Три! Свет погас, а я почувствовала, как меня дергает куда-то вверх, потом вниз. Я пыталась руками уцепиться за стены, но их не было, а через мгновение меня знатно приложило об пол.

— Хм — послышался голос надо мной, когда я пыталась натянуть трусы обратно. — Его Императорское Величество сильно огорчится, узнав, что первым он уже не будет! Мы немедленно доложим ему об этом инциденте!

Глава вторая.

До свадьбы заживу!

У вас товар, у нас — капец!

— Ваше Высочество! — радостно заорал кто-то, а я чувствовала, что падение с такого «высочества» стоило мне ушибленного колена. — Вы целы?

— Частично, — простонала я, пытаясь с видом скромницы натянуть трусы обратно.

— Как низко она пала! — скривился какой-то дедушка в женском платье. Я посмотрела на него, понимая, что где-то сейчас должна негодовать какая-то бабушка: «Вот, ирод! Опять (в мое платье нацепил! Маразматик старый!».

— Еще бы! — огрызнулась я, осматривая роскошное, но мрачноватое убранство зала.

«Куда, интересно знать, делась старенькая плитка — березка, и откуда, интересно знать, взялись эти экспонаты с выставки вышивального кружка?», — терзалась вопросом я, пока вокруг меня суетились холеные господа с натянутыми улыбками начальства. Эту улыбку узнает каждый бухгалтер перед камеральной проверкой, «родственник очень хорошего человека» при приеме на работу и студент, протягивающий купюру в зачетке.

— Ваше Высочество! — чьи-то руки пытались меня поднять и отряхнуть, пока я натягивала футболку пониже под холодный взгляд престарелого председателя клуба любителей сквозной вентиляции. — Кто посмел вас похитить? Скажите имя этого мерзавца, чтобы мы могли отрубить ему голову! Вас держали в темнице? Вас пытали?

— Пытались! — отмахнулась я, закрывая глаза и пытаюсь отогнать наваждение. — Чертов йогурт!

— Ах он мерзавец! Ах он подлец! — суетился толстяк с платком, округляя глаза и топая ногой с негодованием. — Йогурт! Как же мы сразу не догадались! Он всегда мечтал захватить престол! А тут такая возможность! Он собирает войско!

— Ага, бифидобактерий! — с усмешкой отозвалась я, потирая ушибленное колено и постанывая. Сейчас подоспеет подкрепление в виде эмульгаторов и красителей! Держись, желудок!

— Подлый Йогурт! Стража-а-а! — закричал бородатый, насупив брови, а в зал, лязгая доспехами, ввалилось человек пятнадцать настоящих рыцарей, в сверкающих доспехах. — Найти Йогурта! Живого или мертвого доставить во дворец! Выполнять приказ!

Ага, если что — на третьей полке в гипермаркете! Можете его обезглавить, только осторожно! Он проливается!

— Живой не берите, — скривилась я, чувствуя, как мстит мне проклятый злодей, разворачивая полномасштабную военную операцию в моем желудке. В борьбе за керамический трон побеждает умнейший, сильнейший и ловчейший. — Я, значит, его пожалела, хотя он уже был стареньким Нет, ну выглядел он еще неплохо

— Описать его сможете, Ваше Высочество? — пристал ко мне клуб ответственных потребителей, тряся меня за плечи. — Что вы помните?

— Примерно вот такой! Розоватый Или, скорее, фиолетовый! — пожала плечами я, показывая размеры бутылки, а на меня смотрели так, словно очень старенькая дама решила написать пикантные мемуары. Приятно вспомнить, не с кем поделиться. — Но сам по себе такой Мягкий Это в руке чувствуется Там еще две ягодки На вкус, хочу сказать, так себе Пробовала и лучше!

— Старый ублюдок! — выругался толстяк, воинственно глядя на дверь, словно прямо сейчас отправится бить морду производителю. — Я своими руками растерзаю его! Если нужно, мы бросим целую армию! Еще бы! Попытаться испортить нашу бесценную принцессу Эванжелину!

— Он успел? — пристал ко мне бородатый, держа меня за плечи. — Отвечайте, Ваше Высочество!

— Что успел? — удивилась я, вспоминая остатки йогурта в холодильнике, которые уже никуда не спешат в отличие от меня. — Я не понимаю, о чем вы?

— Слава Богам! — закатил глаза толстяк. — Мы успели раньше! Еще бы немного и наша дорогая, бесценная Эванжелина была бы испорчена! Еще бы! Она у нас такая красавица, что мы вынуждены ее прятать! Влюбляются в нее не на жизнь, а на смерть! Роковая женщина!

Я вспомнила свои зеленоватые волосы, понимая, что таки да! Любовь нечаянно нагрянет и до могилы доведет! Дедушка в бабушкином платье снова нахмурился и скривился, словно мы пили йогурт на брудершафт, но я оказалась проворнее и наглее, заняв стратегически важную точку с целью облегчить почку.

— Но мы все равно вынуждены доложить его Императорскому Величеству! — заметил старик, пока клуб любителей женского белья собирал какие-то мутноватые кристаллы и

стирал мел с пола.

— Дитя мое, — как-то ласково и по-отчески заметил мужик с бородой, накидывая на мои плечи(, принесенный слугами плащ. — Вы — единственная наследница Эстергарда. Я никогда себе не прощу то, что произошло! Можете казнить меня! Я обещал вашему покойному батюшке, что буду присматривать за вами!

Мужик неожиданно упал передо мной на колени, целуя руку. На колени плюхнулся и лысый, и толстяк, отдуваясь и морщась. «И я И я» — причитали они, глядя провинившимися котятками, орошая мою самооценку комплиментами, а руку соплями.

Делегация любителей женской одежды молча удалилась. Судя по сумрачным лицам, они ожидали бурных оваций, но я была сдержанна в эмоциях. Как только дверь за ними закрылась, бородатый осмотрелся по сторонам, вставая с колен и уставился на меня:- Ты что вообще такое? — подозрительно спросил он, пока другие окружили меня, глядя с дружелюбием нищей подружки, узнавшей, что у тебя в гардеробе появилась третья норковая шуба. Где-то дружно махали белыми платочками, провожая в бессрочный отпуск Вежливость. «Заходи к нам еще!», — улыбались Наглость, Подозрительность и Презрение.

— Эм — я подняла брови, прикидывая с чего лучше начать. — Я — хомо, иногда даже сапиенс

— Что будем с ней делать? — меня больно схватили за предплечье, с недоверием глядя на мои зеленые волосы и всматриваясь в мое лицо.

Театр «Любви и Обожания» отправился гастролировать в параллельную вселенную, а на меня смотрели, как на незаслуженного артиста.

— Куда теперь ее девать? — нервничал толстяк, оглядываясь по сторонам.

— Если что, — мрачно отозвалась я, протирая глаза и одергивая футболку. — Могу спрятаться за занавеской!

— Заткнись! — прошипел на меня толстяк, сузив поросычьи глазки. — И так все чуть не испортила! Вот угораздило тебя появиться не вовремя!

— Тише, господа! Это же наша драгоценная принцесса! — мужик с бородой нахмурился, изображая долгий и мучительный мыслительный процесс. — Она появилась как раз вовремя. Мы ее как бы коронуем, потом как бы выдадим замуж за Императора

— И будем уже как бы особо приближенными к Императрице? — на меня снова посмотрели с явным интересом, потирая ручки. — Императрица имеет право на собственный двор Это влияние, могущество, деньги

На меня снова смотрели глазами лучших друзей, но я предпочла бы иметь сто рублей, глядя на столь внезапные перемены политических настроений.

— Слушай сюда, — меня снова дернули, подозрительно осматривая. — Будешь делать то, что мы тебе говорим! Ты поняла? Лишнее слово, непослушание — мы объявим тебя самозванкой и бросим в темницу, где ты проведешь остаток своих дней! И так, ты — принцесса Эстергарда Эванжелина. Твой отец умер, а завтра ты выходишь замуж за его Императорское Величество!

Пока моя биография взывала к географии, пытаюсь понять, в каком классе я это пропустила, меня уже тащили за руку по мрачному коридору с плесневелой каменной кладкой. На стенах уютно расположился кружок «умелые ручки» в виде сотканых полотен, размалеванных гербов и еще какой-то дребедени, а я с каждой секундой мечтала открыть кружок «Умелые ножки» и исчезнуть отсюда подобру-поздорову.

— Слушай внимательно! Тебя зовут Эванжелина! Запомни! — твердили мне, пока я пыталась вырваться и сбежать.

— Так, я завтра собиралась на работу, а не замуж! — возмущалась я, чувствуя босыми ногами холод каменных плит, по которым неуверенно шлепала, подгоняемая эскортом. — Я вообще замуж не планировала! У меня родственники не оповещены! Так, граждане,

успокойтесь!

Так и хотелось заорать, что хулиганы девственности лишают, но мне зажали рот.

— Тише! — прошипели мне, увлекая по лестнице вверх и впихивая в гостеприимно открытую дверь, которая тут же гостеприимно хлопнула и очень радушно закрылась на ключ.

— Я хочу выйти! — орала я, чувствуя запах пыли и сырости, которыми веяло из мрачной комнаты в стиле Вампир.

— Ничего, завтра выйдешь замуж! — утешили меня.

— Хорошо! Я хочу сойти! — не унималась я, пиная дверь.

— Завтра сойдешь за принцессу! — обрадовали мою самооценочку.

— Я хочу, чтобы меня выпустили! — прохныкала я, понимая, что в ответ на такой радужный прием не мешало бы выучить пару хороших приемов самообороны.

— Выпустят тебя из родительского дома и даже благословят! — насмешливо ответили мне, а я слышала, как кто-то уронил ключ на пол.

Я выругалась, возмущенно сопя, а потом вспомнила, что это — всего лишь сон, улыбнулась своему отражению в огромном пыльном зеркале, провела рукой по старинному столу, понимая, что тут уже не уборщица — тут археолог нужен, а потом брезгливо подошла к огромной пыльной кровати. Неподалеку от кровати стоял унылый ушат для лягушат, а из-под кровати игриво выглядывал ночной горшок, похожий на ту огромную кружку, которую мне подарили на новый год, как бы намекая на то, что в новом году мне предстоит не только хлебнуть, но и расхлебывать!

Содрав покрывало и перевернув подушку, ужасаясь отпечатку чьей-то давно немойтой головы, я отряхнула покрывало и упала на кровать. Стоило мне только задремать, в надежде обнаружить себя в своей кровати, или хотя бы с шашкой наголо ой! С шишкой на голове на белом стареньком коне, как вдруг послышался топот и голоса.

— Вот она! Хватайте ее! — меня тут же стянули с кровати, поволокли в какую — то бадью, полоща в четыре руки, как котенка в центрифуге.

— Потерпите, Ваше Высочество! — заметил низкий, грудной женский голос. — Вы же хотите быть самой красивой на свадьбе!

У меня складывалось ощущение, что в данный момент отмывают не меня, а чьи-то деньги. К моей нежной коже устремилась лохматая щетка, способная по степени загрязнения посоперничать со стареньким туалетным ершиком. Едкое и вонючее мыло застилало глаза, заставляя кашлять. Если в этом спа-салоне «Принцесса» и есть жалобная книга, то будьте — так любезны, заверните! — Красавицей будете! — добродушно заметила толстая тетка, поливая меня кипятком. — Просто незабываемой девушкой!

— Незабываемой! — сопротивлялась я, чувствуя, как меня купают прямо в одежде.

— И мерки мы снимем! — успокаивала тетка, неся в полных руках кипятков, намекающий, что мерки придется снимать уже посмертно.

— Трусы и футболку снимите сначала, а потом уже ме, — договорить я не успела, как на меня опрокинули еще ведро.

— Ну вот! Совсем другое дело! — порадовали меня, растирая таким полотенцем, от которого хотелось попроситься ударником в ансамбль «Блохи». — Красотулячка! Императрица! Сейчас мы тебе личико натрем, чтобы еще красивше быть!

Мне на лицо ляпнули комок какой-то едкой грязи, щедро размазывая его по всей поверхности.

— Нет лучшего средства для отбеливания кожи, травы вперемешку с целебной грязью!

— порадовал меня салон красоты «Вычтотворите!».

— А можно хоть жениха посмотреть? — скривилась я, пытаюсь смыть с себя народное средство природного происхождения. — Для кого я эту гадость на лице держу?

Через минуту в мою комнату учтиво внесли огромный портрет такого красавца мужчины, что я на секунду даже забыла, от чего отплевываюсь. Красивые русые волосы струились по широченным плечам, мужественное лицо с горделивой усмешкой, роскошная одежда способны были произвести впечатление на любую женщину. Я усмехнулась, с горечью понимая, что, скорее всего, проснусь под одним одеялом с бледной немощью, у которой постоянно мерзнут ноги, но пока что сон продолжался.

— Мы приносим свои глубочайшие извинения, Ваше Высочество, — подобострастно поклонился бородатый, приторно улыбаясь. — Наше поведение было продиктовано заботой о вас! Смерть нашего достопочтенного государя подкосила нас, поэтому мы ни в коем случае не хотим вас потерять! Любой ваш каприз будет исполнен, любое ваше желание — закон для нас!

Я смотрела на портрет, пытаюсь найти хоть один изъян, но даже наметанный женский глаз не мог зацепиться за какую-нибудь деталь, чтобы выдать придиричливое «Фэ!».

— Его Императорское Величество объединил разрозненные земли, создал величайшую Империю! О его подвигах слагают легенды! — вмешался толстяк, пока я недоверчиво смотрела на будущего «мужа». — Со всех земель к нему прислали портреты принцесс, но его взор пал на вас и на наше скромное королевство!

Я посмотрела на себя в зеркало, пока с меня смывали «маску», пытаюсь понять, что он во мне нашел? «Природа не оставила улик красоты, дорогой Ватсон!», — послышался скрипучий голос Шерлока Холмса. «Друг мой, давай сбегает за лупой!», — ответил Ватсон, присматриваясь ко мне. «Нет, я так еще не бегал!», — обронил Шерлок, пока я смывала с лица «целебную маску».

— Он прислал вам свой портрет и послание, в котором заверяет вас в самой пылкой любви! — сообщили мне, пока я украдкой поглядывала на красавца. — Завтра утром он прибудет сюда, чтобы сочетаться с вами законным браком. По традиции свадьба проходит в королевстве супруги, а потом ее увозят в столицу Империи.

— Тут прическа никак не получится! — пожала плечами служанка, перекладывая мои коротенькие волосы.

— А мы бантик прицепим! И побольше! — предложил толстяк. — Принцессы любят бантики, не так ли?

— Там все равно корона будет! — высморкался лысый, пока на меня натягивали какое-то старинное платье. — Не нужно ничего мудрить! Мы ее быстренько коронуем! Народ уже собирается под стенами замка, чтобы взглянуть на нашу красавицу!

Вот это сон! Меня запихнули в белое платье, разрисовали, как матрешку, а потом повели по тем же мрачным коридорам, чтобы торжественно вытолкать на большой балкон.

— Граждане Эстергарда! — зычно заметил бородатый, а я смотрела на приутихшую публику. — На смертном одре Его Величество поведало тайну о том, что у него есть дочь и повелел разыскать ее! Мы тот час же выполнили приказ, поэтому трон Эстергарда не опустеет! Позвольте вам представить ее высочество, принцессу Эванжелину — будущую Императрицу!

— Ура-а-а! — кричало целое море людей под балконом. — Да здравствует принцесса Эванжелина! Да здравствует будущая Императрица!

Я дружелюбно помахала им рукой и послала воздушный поцелуй, а заодно и тех, кто шептал позади меня, что это — верх неприличия!

Мое имя скандировали, а я наслаждалась своим чудесным сном и минутой славы!

— Его Императорское Величество послал гонца и сообщил, что прибудет в течение часа! А также выразил недовольство нашими дорогами! — усмехнулся бородатый,

разворачивая послание.

— А кто у нас ответственный за дороги? — поинтересовалась я, поглядывая на свою свиту, читающую свиток.

— Эм А еще он признается в вечной любви к вам! — тут же улыбнулись мне, пытаясь спрятать послание.

— Дайте почитать! — настаивала я, а министры переглянулись.

— Не зачем портить зрение столь скучным чтивом, дорогая принцесса! — улыбались мне приторными, как мед в сиропе улыбками. — Столь скучный и официальный документ — не самое лучше чтиво для столь юной и очаровательной особы! — Послание! — я протянула руку, чувствуя, как по моим губам ползет улыбка. — Стража! Слушать свою принцессу! Если мне немедленно не отдадут документ, то

— Вот, ваше высочество! — занервничали министры, протягивая мне бумаги, которые я тут же развернула.

— И где здесь о любви? А? — поинтересовалась я, нехорошим взглядом глядя на бумагу. — Про дороги вижу, про нищету — вижу, про задворки империи — вижу, а про любовь что-то нет!

— Там любовь сквозит в каждой строчке! — нашелся бородатый, глядя на меня с улыбкой. — В каждой точке и запятой!

— Судя по отсутствию большинства оных, меня недолюбливают! — заметила я, возвращая послание.

И тут дверь распахнулась, продудели трубы, едва не оглушив меня, а с улицы под радостные крики: «Император!» ввалилась целая делегация. Министры вытянулись в по стойке смирно, успев усадить меня на продавленную подушку трона.

Толпа разодетых придворных ввалилась в полупустой зал.

— А почему с нашей стороны никого нет? — поинтересовалась я. — Где наши придворные?

— Есть придворные! — заметил бородатый. — Так вот, придворные находятся там, где им полагаются. При дворе. Покойный король их всех казнил, подозревая в измене! Их прямо и закопали при дворе!

Я представила, как орет лысый и бородатый мужик, что не изменял, причем, не жене, а королю, но тот качает головой, мол, «Не верю!».

— Его Величество, Император объединенных земель Сигизмунд Первый! — торжественно выкрикнул какой-то молодой человек, пока всех прижало в поклонах и реверансах. Сначала на пороге появился вооруженный отряд, плотной кучкой двигаясь в нашу сторону. Я закусила губу, предвкушая незабываемую встречу, как вдруг телохранители расступились, и мне навстречу шагнул сгорбленный старик. Я почувствовала себя ослепительной женщиной, ибо старик стал щуриться в мою сторону. Мутный блин передает тебе привет! Мутный блинчик может помахать тебе ручкой.

— Красавица, — прошамкал роскошно одетый дедушка, трясаясь передо мной. «Давайте разделимся! Мы на разведку, а ты — Длинный, Седой и Третий — останетесь прикрывать Лысину! Держитесь, ребята!», — прозвучало пару десятилетий тому назад. Ко мне потянулась костлявая рука, унизанная перстнями. — Ну, здравствуй, любовь моя!

Что-то мне подсказывало, что любовь сродни инфаркту. В данный момент статистика смертности от инфаркта среди людей до тридцати пяти, стала присматриваться ко мне.

— Моя будущая супруга! — снова прошамкал дед, глядя на первого министра, кашляя так, словно «будущая вдова». — Ты просто ослепительна! Твои роскошные кудри свели меня с ума!

Это — не кудри, это маразм. Я вспомнила портрет, понимая, что нужно было сразу

уточнять дату. Причем не только год, но и век!

— Свадьбу сыграем немедленно! — прошамкал дедушка, пытаюсь понять мое точное местонахождение, но пока что его «любовью» наслаждался бородатый. — Недурна! Ой, недурна! Я рассчитываю, что у нас с тобой будет наследник!

— Подследник! — сглотнула я, глядя, как старикан лезет целовать руку первому министру с требованием родить ему сына. Ни пособие, ни пенсия венценосного дедушки первого министра не прельщала, поэтому он учтиво нацелил «голубой огонек страсти и старости» в верном, так сказать, направлении.

Если где-то есть шапка-невидимка, то мне сейчас срочно нужна шапка-недадимка нас в обиду! Я нервно оглядывалась по сторонам, понимая, что жених с истекшим сроком годности вызывает у меня примерно ту же реакцию, как и злосчастный йогурт.

— Я умираю от страсти! — шамкает старичок, протягивая ко мне холодную руку. — Желаю свадьбу! Немедленно!

Какая свадьба? О чем это вы? Но старик Хоттабыч не унимался, почесывая жиденькую бороденку. Видимо, желаний он исполнил уже предостаточно, но я как-то больше склонялась к доброй фее.

— А пока все готовятся к церемонии, — заметил дед, — расскажи мне, красавица, о себе!

— О! Ваше Величество! — смахнул скупую слезу толстяк. — Это очень грустная история! Как только наша принцесса появилась на свет, ее прокляли!

— Какой у тебя приятный голосок, милочка! — умилился Император. — Просто нежный, как у птички! Продолжай, дитя мое!

— Принцессу прокляли, — повторил толстяк, увернувшись от поцелуя руки и сделав шаг назад.

— Да, проказа — это скорее проклятие, чем награда! — горестно вздохнула я, расчесывая руки. — Но ничего! Чешется, значит, еще не отпало! Кашляю, значит, дышу! Все в порядке! Мне сказали, что до свадьбы заживет!

— Для того, чтобы снять проклятие, мы отдали ее на воспитание волкам! — продолжил бородатый, искоса глядя на меня.

— С волками было вполне неплохо! Если бы не блохи, то вообще бы замечательно! Никак не могу от них избавиться! — ядовито заметила я, снова почесываясь.

— У нашей принцессы — хорошее образование! — вставил лысый. — Что является очень важным качеством для будущей Императрицы! — Да, помню-помню, как волки собрались всей стаей и спросили меня: «Куда поступать будешь? В политех или в ин. яз?». Вопрос застал меня врасплох. Вожак стаи, Акелла, сказал, что я — гуманитарий, так что политех отменяется! А вот в ин. яз слишком дорого! А потом они повыли на луну, и решили, что лучше в медицинский! На санитаров — леса! — зевнула я, гаденько улыбаясь.

— Потом, ее подобрал добрый дровосек и удочерил ее! — продолжил бородатый, утирая скупую слезу.

— Помню-помню, как лес валила! — вставила я, откидываясь на спинку. — Я еще помню, как мы всей семьей песенки пели: «Гоп-стоп! Мы подошли из-за угла! Гоп-стоп! Ты кошелечек отдала!». У меня еще татуировка есть!

— Но добрый дровосек скоро скончался, — горестно закивал толстяк, прищуриваясь в мою сторону.

— Еще бы! Рудники — не лес! Я ему говорила, мол, не надо бежать, а он мне: «Прорвемся!», — согласилась я, украдкой щипая себя. В этот момент противный звон будильника казался мне райской музыкой, а ненавистная работа, эксплуатирующая меня и в хвост и в гриву — курортом!

— Но мы за ней наблюдали! — вдруг заметил бородач. — Все это время мы внимательно следили за ней!

— Так это вас я в кустах видела? Ай-я-яй! — всплеснула руками я, кусая губы. — Помню, помню! Куда ни плюнь — вы утираетесь!

— Потом ее отдали в семью сапожника! — продолжил сказку толстяк, сердито глядя на меня. — Он был добр к ней!

— Ага, когда напьется! — согласился я. — Там я научилась отшивать настырных мужиков

— Что-что? — переспросил Император, а ему принесли нечто похожее на патефонный усилитель.

— Вышивать! — ласково заметил толстяк, награждая меня нехорошим взглядом. — Там она научилась вышивать! Из пустырных цветков! Узор у нее такой любимый! У нашей принцессы очень много талантов! О! Как она шьет!

— Уголовные дела! — я подперла руку кулачком, умоляя чертов будильник поскорее поднимать меня на работу. — За незаконный принцессооборот!

— И готовить она умеет! — закивал лысый.

— Все, кто пробовали — не жаловались! Еще бы! Лежат себе тихо под мраморными плитами! — улыбнулась я, не желая замуж.

— Какая молодец! — восхитился Император.

— Однажды ее похитил дракон! — вставил пять копеек бородатый, поглядывая на меня, как на врага народа.

— Долго плевался! Можете лично спросить! — согласилась я, щипая себя изо всех сил и трясая головой. — Когда же кончится этот сон?

— Стон, Ваше Величество! Стон! Стонала она бедная, ждала вас, томилась! И дождалась! — тут же крикнул в трубку от граммофона бородач.

— Я хочу проснуться! — я терла глаза, пытаюсь отогнать это Версаль подальше в историю!

— Она мечтает каждое утро просыпаться вместе с вами! — сладенько заметил толстяк. — Спит и видит!

— Ну раз так, — благодушно заметил император, трясясь, как Кошей Бессмертный. — Несите корону! Быстрее начинайте церемонию! Я просто сгораю от страсти!

Появился слуга, неся сразу две короны с такой торжественностью на лице, которой позавидовал бы любой человек — праздник! Меня стащили с трона, установив рядом со стариком и придерживая.

— Просто наша дорогая принцесса еще до конца не отошла от смерти любимого батюшки! — пояснил бородатый, улыбаясь Императору. Зато теперь я знаю острое народное средство от всех печалей и недомоганий. Да-да, именно то самое, которое уперлось мне в спину.

В центре зала появился тот самый противный дедушка. На этот раз бабушка не досчиталась золотого платья, проклиная тот день, когда вышла замуж за извращенца. Перед ним в воздухе зависла огромная старинная книга.

— В этот день, во славу Империи, мы собрались здесь, чтобы связать узами счастливого брака его Величество, — я выгнулась, чтобы не чувствовать брачный приговор, который неприятно колет меня в спину. — с Эванжелиной, принцессой Эстергарда, дочерью покойного короля Эвона

Ага, у вас товар, у нас — капец!

— Согласны ли вы, Ваше Величество, взять в законные жены принцессу Эстергарда? — спросил дед, перелистывая замызганную страницу.

Так, я что-то не поняла? А меня почему не спросили? Может я и тварь дрожащая, но права имею! Но, судя по всему, пока что местное право медленно и эротично снимало с меня всю надежду и ответственность.

— Властью, данной мне Империей, пусть долгими будут века ее процветания, да не иссякнут ресурсы и недра, да не умолкнет слава ее вовек, объявляю вас супругами! Да будут узы, связывающие вас, нерушимы, как брачный обет, да пребудет с вами благоденствие и могущество, да дадут вам боги детей и побольше! Пусть весь народ убедится в том, что отныне Эванжелина — новая Императрица!

Из книги выскользнула голубая змея, схватив меня за запястье и притягивая мою руку к дрожащей руке Императора похлеще наручника. — Покуда смерть не разлучит вас навек! — прозвучала последняя фраза, пока я дергала руку, пытаюсь вырвать ее из уз Гименея. — Испейте же чашу любви до дна! Отныне вы муж и жена!

Император взял в руки кубок, который тут же учтиво поднесли на золотом подносе, и сделал глоток, протягивая кубок мне. Я внимательно понюхала, пытаюсь понять, чем пахнет большая любовь. Хм Большая любовь пахла сорока градусами и кислотинкой. Осмотревшись по сторонам, я скривилась и услышала стон рядом.

— Ы-ы-ы! А-а-а-а! — хватался за грудь мой супруг, закатывая глаза. Через мгновение он рухнул вниз, сдирая с меня юбку костлявой рукой.

— Ваше Величество! — бросились к нему, пока я пыталась отойти подальше. — Ваше Император. Император мертв! Долгих лет жизни Императору!

Глава третья.

Гуляй, шальная А лучше — вальсом!

Пеньюар Императрицы повидал

немало на своем веку,

И альфонсы вереницей

навевают на нее теперь тоску!

Мне еще повезло, ибо один скромный Император в треуголке скончался прямо на Святой Елене. Правда, о том, что это был остров, уже мало кому интересно. Если где-то и звонил будильник, то явно не про мои уши. Так что пока строгое начальство нервно набирало мой номер, я смотрела, с каким рвением пытаются предать земле тело и анафеме безвестного убийцу.

— Был такой древний обычай! — поднял вверх палец старик в женском наряде, поглядывая на меня. — Покойного Императора хоронили вместе с супругой! Чтобы на том свете влюбленные были вместе. Императрица могла взять на тот свет самое дорогое, что у нее есть!

Идею горячо поддержали все присутствующие, а я протерла ореол святой мученицы и водрузила его на место.

— Дорогие мои! — улыбнулась я, поглядывая на любителей романтических хэппи-эндгов. — Вы мне так дороги, что, когда я смотрю на ваши ценники, меня начинает трустить мелкой дрожью жадности! Для меня нет никого дороже вас, хотя я знаю вас каких-то жалких полчаса! Как только я увидела всех вас, то поняла, что жить без вас не могу! Будьте так любезны, исполните мою последнюю просьбу! Похороните меня вместе с

горячо любимым супругом и этими славными, милыми и добрыми людьми!

Я чуть не уронила скупую слезу, глядя, как меняются лица. Романтический хэппи энд показался уже не таким романтичным в свете массовых похорон, поэтому я трогательно улыбнулась, глядя на посмурневшие, но очень дорогие лица.

— Есть еще обычай, что после смерти Императора, его безутешная вдова добровольно принимает свою участь, требуя построить самую высокую башню и замуровать в нее вход! Она имеет право на последнее желание! — заметил старик, нехорошо поглядывая на меня.

— Какая замечательная традиция! Я поддерживаю ее всеми руками! И у меня даже есть последнее желание! — я скорбно опустила глаза. — Хочу, чтобы эту башню, как знак моей безмерной скорби, строили все, кто присутствуют в этом зале, а я командовала работами! Без магии, разумеется! Вот вы, молодой человек с пилочкой для ногтей? Будете главным каменщиком! Будете этой пилочкой пилить камушки! А вы, красавица, будете носить ведра с раствором на самый верх! А вы

Я посмотрела на немолодую даму, у которой дергался глаз.

— Вы идеально подойдете для того, чтобы таскать огромные камни наверх! — улыбнулась я, нежно глядя на побледневшие лица инициаторов. — Поверьте, я для каждого найду занятие! А трупы тех, кто не соблюдал технику безопасности, мы будем замуровывать в башню, чтобы крепче держалась! А вы, distinguished

Мой взгляд упал на старика в женском наряде.

— В знак нашей великой скорби и дани традициям, будете лично носить не по десять камней, а по двадцать! Я по глазам вижу, насколько сильна ваша скорбь! Так, кто из вас боится высоты? Не стесняйтесь, нам нужны хорошие кровельщики! Давайте приступим немедленно! Чем быстрее мы приступим, тем быстрее построим! — я поджала губы, делая самое грустное лицо. — Мне не терпится отдать дань традиции и показать силу своей любви моему покойному супругу.

Пока традиция потирала ручки в предвкушении дани, присутствующие в зале, притихли и занервничали, не желая превращаться в строительный отряд особого назначения.

— Ну что же вы? — спросила я, нежно глядя на сумрачные лица. — Неужели вам ничуть не дорог мой покойный супруг? Неужели вы не согласны оказать ему последние почести?

Я многообещающе улыбнулась, ощупывая руками роскошную корону, понимая, что судьба в кое-то веки решила мне улыбнуться широкой, как мои новые полномочия, улыбкой.

— Не забывайте, что мы всегда можем сказать о том, что вы — самозванка, — прошептал бородатый, воровато оглядываясь. — Так что давайте дружить

— Вы какую дружбу предпочитаете? Детскую наивную или взрослую меркантильную? — прошептала я, с грустью понимая, что в мире есть много людей, думать о которых в прошедшем времени, куда приятней, чем в настоящем и будущем. — Начинайте, а я, если что, продолжу!

— Есть еще одна традиция! — снова начал старик, а на него посмотрели очень нехорошими взглядами, мол, молчи! — На похоронах Императора Императрица добровольно принимает чашу скорби, чтобы соединиться со своим возлюбленным в лучшем из миров!

— Несите ее прямо сейчас! — нервно воскликнула я, протягивая руку. — Каждый, кто был верен его величеству, каждый, кто скорбит о нем, каждый, чье горе не измерить словами, должен сделать глоток и разделить со мной мое горе! Вы же только что говорили, что готовы разделить со мной мое безмерное горе?

— Мы не будем пить! Это для Императрицы! — закричал какой-то напыщенный мужик, почесывая лохматые бакенбарды.

— Значит, никто из присутствующих в этом зале не был верен Императору и Империи? Значит, каждый из вас — предатель? — наиграно испугалась я. — Не может быть! Это же государственная измена! — Да! Как вы посмели! — поддакнул бородатый, нахмурившись. — Неужели в этом зале одни изменники?

— О, смотрите-ка! — шепотом усмехнулась я, немного отклоняясь назад. — У вас уже получается! Продолжайте в том же духе! Еще немного, еще чуть-чуть, и я буду даже здороваться с вами на улице!

В итоге постановили похоронить Императора скромненько, но со вкусом!

— Я — маг Азин! Великий магистр магии, находящийся на службе у Императора! Я — первый советник Его Покойного Величества, — горделиво заметил старец. — Требую собластоу традиции о добровольном отречении вдовствующей и бездетной Императрицы от престола! Она может взять любую вещь покойного мужа, которая была ему дорога, чтобы остаток дней провести в слезах и скорби! Если у Императрицы есть дети, которые не являются законными наследниками, они остаются вместе с матерью!

Я встала, чувствуя, что битва за удобный стульчик и красивую шапочку еще не проиграна.

— Дорогие мои! — я прижала руки к груди. — Ребенок — это то, во что вкладывали душу, растили его, преумножали его внутренний мир, вы согласны?

— Да! — согласились со мной.

— Может ли Империя наследовать сама себя? — уточнила я, слыша желанное «Нет!».

— Империя не может наследовать сама себя, так что наследником она не считается! Но она детище моего покойного мужа. Так что отречься от нее я никак не могу! — развела я руками. — Как бы я этого ни хотела!

Кладезь народной мудрости иссяк, поэтому я снова присела на трон, одаривая всех присутствующих нехорошей улыбкой.

— Все документы о положении дел в Империи мне на эм престол! — потребовала я, расправляя плечи. — Все статьи расходов, доходов и так далее Мне нужна все информация о том, как обстоят дела в Империи. С кем воюем, кого недолюбливаем, с кем заключали союзы! А также имена и регалии всех приближенных! На всякий случай!

— Вы что? Собрались самолично править Империей? — поперхнулся «универсам». — В обязанности Императрицы входят три слова «готовь, молись, рожай!».

— Вот и замечательно! — потеряла я ручки, предвкушая пятилетки, целину и много-много других увлекательных мер. — Готовь бюджет, молись на экономику, рожай законопроекты! Все правильно! Я бы и сама лучше не придумала!

— По закону Империи женщина не имеет прав на престол. Императрица всегда при Императоре! — воскликнул маг. — Императрица не играет роли в государственном управлении! Женский мозг устроен иначе, чем мужской! — Это научно подтвержденный факт! Он не в силах запомнить элементарных вещей!

— Но вас — то я запомнила, — многообещающе усмехнулась я.

— Править Империей должна особа мужского пола! — топнул ногой старик.

— А женский потолок вас чем не устраивает? — поинтересовалась я, поднимая брови. — Единственная разница между вами и мной заключается в том, что я ограничиваюсь рукой, если вдруг начинаю стучать по столу.

В меня ткнули материализовавшимся в воздухе пергаментом «Свод нерушимых законов Империи», торжественно разворачивая его перед моим любопытным носом.

— Вот!!! — мне указали пальцем на слово «Императрица». — Она не имеет никаких полномочий! Ни издавать указы, ни казнить, ни миловать, ни даже взимать налоги с вассалов! Императрица является собственностью Императора! Где тут документы! Вот!

Смотрите! Гарнитур из геверийского дерева — одна штука, элентрийские кони — десять штук, императрица — глаза серые, волосы зеленые — одна штука! Мы уже вписали вас в имущественную книгу Его Величества!

— А я, простите, движимое или недвижимое имущество, господин универсам? — уточнила я, глядя на целый талмуд, который появился в руке.

— Вы вписаны, как движимое имущество! — порадовал меня «бутик», звеня драгоценностями. — Когда вас парализует, или заключат в темницу, то тогда вы будете недвижимым имуществом.

Где-то всплакнуло агентство недвижимости, вывешивая объявление: «Продается башня, принцесса в подарок!».

— Есть традиция, ставшая законом! — внезапно заметил бородатый, пока присутствующие заметно нервничали. — И я удивляюсь, что вы о ней не упомянули! Вдовствующая Императрица имеет право самолично выбрать нового Императора из особ королевских кровей! Она имеет право созвать во дворец всех неженатых и вдовствующих принцев и королей, чтобы выбрать из них будущего Императора, который станет ее законным мужем! Сообщите всем, что Императрица ждет портреты во дворце завтра поутру!

Приятно быть вдовой очень законотворческого человека! У косоглазого султана и гарем в два раза больше!

— О, нет! — покачала головой я, вспоминая все прелести средневекового фотошопа. — Пусть лично являются сюда! Никаких портретов! Я же имею право выбора? Помните, что от моего выбора зависит судьба Империи!

Гуляй, шальная, Императрица! Гуляй вальсом! Дорогие потомки, зевающие на уроках истории! Благодаря местным законам, мои достижения ограничатся не целой системой реформ, а одним предложением. Предложением руки и сердца. — Другого выхода нет, — прошептали мне, после того, как я торжественно отправилась «скорбеть». — Императрица действительно не имеет никаких полномочий, кроме как выбрать нового Императора. Это — ваш единственный шанс удержать престол. Если ни один из кандидатов вас не устроит, то тогда у вас есть шанс править единолично

Я захлопнула дверь в свои покои, требуя оставить меня в покое. Где-то одна небольшая юридическая контора не досчиталась одного скромного юриста, а я лежала, свернувшись калачиком на пыльном покрывале, понимая, что теперь моя судьба зависит от моего решения. В малодушном порыве я поймала себя на мысли, а не попросить ли того «универмага» вернуть меня обратно, вкратце описав ему сложившуюся ситуацию, но сравнивая убогую квартирку и роскошный дворец, я склонялась к дворцу.

— Если что, вернуться я всегда успею! — прошептала я, терзая подушку и мысленно выбирая критерии будущего мужа. Пока женская сущность подсказывала мне что-то в стиле: «Высокий, красивый, умный», инстинкт самосохранения нашептывал, что вполне сойдет умственно-отсталый сирота, подкаблучник, с легкой степенью олигофрении и проблемами с алкоголем. Тот же подлый инстинкт твердил мне, что после сегодняшнего дебюта(, первая брачная ночь вполне может стать первой мрачной, если любители «и умерли они в один день», решат проявить инициативу. Мало ли, вдруг какой-нибудь Купидон, правда, не с луком и стрелами, а с ножом в руках, решит воссоединить влюблённых?

В комнате становилось темно, а я боролась с урчащим от голода желудком, поглядывая на золотой поднос с едой и со сном, бросая взгляды на роскошные подушки. Через пару минут, я молча содрала покрывало, взяла подушку и полезла под кровать, выбросив часть еды в окно. На кровати мирно спали подушки и скомканное одеяло, а я, ежась от холода, крутилась на холодном полу.

Разбудил меня топот ног и крики: «Императрица пропала!», а чуть не ударились головой о деревянное днище кровати.

— Да нет, — зевнула я, выползая из-под кровати и обнюхивая себя. — Подгуляла — да, но пропасть — вряд ли!

Подушки и одеяло были разодраны в клочья, а я выдохнула с облегчением, глядя на раскуроченную постель. Кто не спрятался, тот не виноват!

— Быстрее! Женихи прибыли! Они, как только узнали, сразу же устремились сюда! — бегали вокруг меня служанки, натягивая на меня траурное платье с огромным, как капюшон у кобры, воротником — кружевом. Сверху на голову мне нахлобучили корону, а потом дружно вытолкали в зал. В зале яблоку некуда было упасть, а я чуть не окосела от запахов парфюма и вспотевших тел. На секунду мне показалось, что передо мной стоят не только принцы, но и их носки. Едва завидев, меня, они бросились признаваться мне в любви с первого взгляда, уверять в безграничной преданности и посылать воздушные поцелуи, в надежде, что любовь передается воздушно-капельным на мозги путем.

— Здравствуйте, алчные и амбициозные альфонсы! — улыбнулась я, глядя на десятки вспотевших лиц. — Как мило, что вы не остались в стороне, пользуясь тем, что свято место опустело!

— Вы просто ослепительны! — выкрикнул кто-то из задних рядов, не обращая внимания на мою проникновенную речь.

— О, нет, это — не я! Это всего лишь корона, на которую вы положили глаз! — пожала плечами я, усаживаясь на трон. — Ну что ж! Приступим!

В голове зрел коварный план, заставляющий меня гаденько улыбаться всем присутствующим. Выбрать я должна, но вот срок нигде не уточнялся, так что все вполне честно. А если станет понятно, что я неплохо разбираюсь в государственных делах, то вполне возможно, мне удастся отвоевать свое право на престол.

— Встаньте в рядочек, чтобы вас было лучше видно! — потребовала я, вальяжно расположившись на троне. — Граждане наряжающие, заряжающие и провожающие! Просьба покинуть зал!

Часть публики удалилось, а принцы выстроились в ряд, выпячивая грудь.

— Итак, первый у нас кто? — снова улыбнулась я, откинувшись на спинку трона.

— Младший сын короля Олана Пятого, Олан Десятый — торжественно начал принц, которому впору выдать сапоги и пинком отравить на болота. Луком он уже обзавелся, причем в количествах, приравнивающих его поцелуй к оружию массового поражения.

— Очень приятно! — улыбнулась я, понимая, что боюсь даже дышать в сторону этого сокровища.

— О! Вы так прекрасны, что у меня дух захватывает! — сопел в мою сторону принц. — Я никогда не видел такой красивой женщины! Поверьте, корона Императора меня не интересует! Я влюбился в вас с первого взгляда!

Любовь, которая длится уже целую минуту, меня смущала.

— Будьте моей женой — принц упал на колени, протягивая ко мне руку. — Я пленен вашей красотой!

— Будем организовывать обмен пленными! Моя красота возвращает вас обратно другим красавицам, а вы возвращаете мои нервные клеточки! — с отвращением ответила я, пытаюсь увернуться от настырного поцелуя с запахом лука и бекона. Не то, чтобы я предпочитаю сметану и зелень, но курица с чесноком тоже не приветствуются!

— Вам следует, — прошептали мне в дружеском порыве, склоняясь пониже., — быть более внимательными в своем выборе. Любой неаргументированный отказ — это дипломатический скандал! — Тут драконы поблизости есть? — уныло поинтересовалась я, поглядывая на присутствующих. Мне так и не ответили. Ну что ж!

— О! Я бы сравнил вас со звездой! — прошептало «горе луковое», подбираясь все ближе ко мне.

— Как вы посмели!!! — нахмурилась я, изображая вселенскую обиду. — Вы что? Намекаете на то, что ночью я красивая, а днем меня не видно? Ах, вы только что

нанесли мне непоправимое оскорбление!

— Простите, простите, — умолял принц, но я покачала головой. — Я готов на все, чтобы загладить свою неловкость! Мне так жаль

На ступенях уже стоял темноволосый мужчина в короне, шепча о том, что если бы был поэтом, то сравнил бы меня с горным ручьем.

— Вы хотите сказать, что я теку при виде вас? — я подняла бровь. — Как неприлично! Это же оскорбление!

Брюнет покрылся испариной, глядя на меня и заметно нервничая.

— Простите, я не хотел! Просто, мне показалось, что это — поэтичное сравнение Ваш голос, как ручей Журчит

— Ах, вот теперь я точно расстроилась, — я даже закрыла глаза и покачала головой. — Неужели у меня дефекты речи? Я что? Журчу? В ночной горшок журчат! Какой ужас!

Брюнет уступил место следующему, умоляя простить меня, но я была неумолима.

— Я влюбился в вас с первого взгляда, — воскликнул сублильный принц лет шестнадцати. — Ваша красота подобна цветку!

— То есть, такая же мимолетная? — я подняла брови. — Неужели я уже вяну? Какой кошмар! Зеркало! Срочно! Это просто ужасно! Мне срочно нужно проверить свои лепестки!

Выносить мозг вперед мозжечком — любимая женская забава. Если этот номер не пройдет, то следующим будет конкурс загадок: «Угадай, на что я обиделась!».

— Я не я Простите великодушно, — упал на колени принц, глядя на меня с мольбой. — Я просто Ради богов, простите! Я не хотел нанести вам оскорбление! Умоляю! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы загладить свою вину! Просто цветы они очень красивые

Как ни странно, но зеркальце мне принесли. Я посмотрелась на свое ненакрашенное лицо, короткую стрижку с легкой зеленцой, усталый взгляд, и вернула зеркало, чувствуя прилив пессимизма.

— Вы подобны облаку! — стоял на коленях передо мной крепкий мужик. — Неуловимая, нежная и недостижимая, как мечта!

— Хотите сказать, — я прищурилась, делая театральную паузу, а потом снова глядя на неровный пробор темных волос, вспоминая новый год и первый снег. Снег падал при каждом поклоне, а я подняла глаза к своду зала. — Я толстая и много вешу?

— Наоборот! — спохватился принц, тряся первым снегом на ступени. — Я хотел сказать, что вы очень нежная и легкая эм и изящная!

— А вы знаете, сколько весит облако? — поинтересовалась я, и тут же отправила его взвешивать. — Вот взвесите — расскажете! Учите матчасть!

Следующий? Да сколько их тут? Раз, два, три Вон там еще стоит мрачный тип в капюшоне! Пять? Всего лишь? Пять человек отделяют меня от престола!

— Вы(, - как алмаз! — шептал мне бородатый кандидат с голубыми глазами, эдакий добряк, поправляя корону. — Сверкающий и прекрасный!

— Хотите сказать, что меня вынули из каких-то недр Можно сказать, откопали, — нахмурилась я, осматриваясь по сторонам. — Что вы себе позволяете? Как вы смеее сравнивать меня с каким-то доисторическим камнем, который достали из какой-то дыры! Я не переживу такого! Я — ста-а-арая! Я — ископаемое!

— Я не хотел вас оскорбить! Умоляю вас! — бросился на колени бородатый, но я покачала головой, поджав губы. — Я готов подарить вам самый красивый алмаз, который сумели добыть в моем королевстве!

— То есть вы хотите меня подкупить? — громко произнесла я, глядя на других. — Вы считаете меня продажной женщиной? Не так ли?

— Горе мне! — схватился за голову бородач. — Что ни скажи, все не так! Умоляю, прошу, молю Забудьте о том, что я вам сказал!

— Я попробую, — отвернулась я, и прикрывая лицо рукой. — Но, поверьте, это произойдет нескоро! Мне нужно время

— Вы(, - как огонь! — звонко сообщил молодой человек с длинными серыми волосами. — Страстная, прекрасная, опасная Я бы бесконечно смотрел на.

— То, как я постоянно что-то пожираю без разбора? — скривилась я, словно вот-вот расплачусь. — Один сказал, что я толстая, другой сказал, что я постоянно что-то ем, третий назвал старухой! Разве можно так?

Я спрятала лицо в руках, делая вид, что плачу.

— Эм — замялся еще один любитель комплиментов, покуда отвергнутая братия(, открыто над ним посмеивалась. — Неловко получилось! Вы немного кушаете. Я просто Отец меня убьет!

У подножья трона стоял еще один кандидат с очаровательной картошкой вместо носа. — Я бы сравнил вас с бабочкой! — выдал он, горделиво вскидывая кудрявую голову.

— Ночной или дневной? Или однодневкой? — я вздохнула так глубоко и тяжело, что сейчас у присутствующих начнется кислородное голодание. — И вы туда же! Я вот смотрела на вас и надеялась, что, хотя бы вы не опуститесь до оскорблений, но увы, я ошиблась! Девушка на один день! И это он говорит мне! Императрице!

Что-то мне подсказывало, что в кучке отверженных зреет теория мирового заговора, а ни одна красавица больше не услышит от них ни единого комплимента.

Передо мной стоял высокий тип в плаще. Вместо его лица зияла черная бездна капюшона. Рядом с ним терся пожилой мужчина, поглядывая то на меня, то на хозяина.

— Мой господин приветствует вас! — произнес слуга, отвешивая поклон, пытаясь выдать утистую улыбку.

— А сам он говорить никак? — уточнила я, лениво подпирая рукой лицо. Видимо, его и так судьба обидела, но посчитала, что недостаточно, так что на линии унылой и беспросветной жизни нарисовала меня.

— Мой господин просил передать вам, что вы его сильно позабавили! — произнес слуга в абсолютной тишине, поглядывая на своего немногословного спутника. — А еще он говорит, что у вас попа маленькая, чтобы усидеть на троне Я передал дословно! Как мне сказали, так и озвучил!

— Он не умственно — отсталый? — на всякий случай переспросила я, глядя, как дрогнула в тихом смехе грудь, обтянутая черной тканью.

Незнакомец склонился к слуге, а тот закивал, глядя на меня.

— Мой господин сказал, что вы похожи на кролика! — торжественно произнес слуга. — Он сказал, что это — не комплимент! Это констатация прискорбного факта!

— Это он что? Намекает на то, что у меня длинные уши? Или с передними зубами что-то не то? — возмутилась я, вставая с трона. — Или я лохматая?

Любитель комплиментов снова наклонился, а старый слуга вздохнул, уставившись на меня и кивая.

— Просто вы так красиво развесили уши, — заметил он, кивая в сторону своего «господина». — Я правильно сказал?

Мужик в плаще кивнул, заставив меня сжать кулаки и засопеть от негодования.

— Это уже слишком! Я ничуть не похожа на кролика! — я была возмущена до глубины души. — При чем здесь вообще кролик и уши? Да как вы посмели!

— А еще он сказал, что вашей венценосной попе подойдет маленький пушистый хвостик! — радостно озвучил слуга. — Я просто передал слова господина!

Рука незнакомца поднялась, а я предусмотрительно попятилась назад, чувствуя, что наткнулась на трон и села на него, вжимаясь в спинку.

— Стража! — позвал кто-то, а я горячо одобрила идею, потому как меня схватили одной рукой за платье на груди, а во второй появился серый туман, который потек в мою сторону, обволакивая меня и застилал глаза. Он врывался в мой открытый от изумления рот, я вдыхала его вместе с воздухом, не чувствуя ни запаха ни вкуса.

— Стража! — пискнула я, глядя как грудь таинственного незнакомца подергивается от смеха. Кандидаты на мою руку и сердце друженько эвакуировались в дальний угол, чтобы оттуда выкрикивать нечто грозное и мужественное, мол «Не подходи к Императрице! Я тебя голыми руками задушу! Вот только посмей!», не забывая при этом пятиться. Стража, громыхая доспехами и воинственно размахивая мечами, собиралась показать мастер-класс, но едва завидев заклинание, решили показывать его на почтительном расстоянии, грозно требуя, чтобы меня тотчас же отпустили. Вот просто взяли и отпустили!

Туман исчез, а мне на щеку легла рука, нежно водя пальцем по моим пересохшим от ужаса и волнения губам.

— Тиш-ш-ше, кролик, тиш-ш-ше, — зловеще прошипел силуэт, не обращая внимания на крики и панику. — Проклятье мое неруш-ш-шимо

Его рука скользнула по моей шее, делая вид, что душит меня, а я с ужасом смотрела на то, как она расшнуровывает корсет. Эта тварь наклонилась ко мне, дернула и прижала к себе так, словно у нас начался медовый месяц после десяти лет воздержания, разрывая юбку. Его подлая рука легла на то место, которое до этого нежно обнимала подушечка. Я чувствовала на щеке его дыхание, но ни вырваться, ни убежать не могла, стоя, как зачарованная.

— А вот и пуш-ш-шистый хвос-с-стик, как и обещ-щ-щал, — шепнули мне, резко дернув меня к себе и поглаживая мой копчик. — Трепещ-щ-щет и переж-ж-живает!

Что он творит! Я на секунду пришла в себя, попыталась оттолкнуть его и вырваться, но тут же мои руки обмякли, цепляясь за шелковистую ткань его одежды.

— Это Адильер! — внезапно закричал кто-то. Я уж было воодушевилась, в надежде, что сейчас все друженько соберут яйца в кулачки и бросятся мне на выручку, зная паспортные данные этого чудовища. — Спасайте

Этот крик вселил в меня надежду.

— сь! Бегите! — истерично завопил кто-то, что — то выронив на пол. — Не вздумайте вступать с ним в бой!

Стража разбежалась, как уличная шпана, изучавшая единоборства по фильмам с Брюсом Ли, случайно решившая отжать телефон у чемпиона мира по боксу. А я думала, что за меня будут сражаться, как за пульт в новогоднюю ночь! Сквозь странное наваждение я чувствовала его прикосновения, которые действовали лучше горсти успокоительных.

— Лиш-ш-шь клятва веч-ч-чной, ис-с-скренней любви, — прошептали мне, склоняясь ко мне так низко, что я чувствовала чужое дыхание. — С-с-способна ч-ч-чары с-с-снять мои

Через мгновение я рухнула на пол, потеряв точку опоры, а вокруг воцарилась такая тишина, что было слышно, как стучат чьи-то зубы и дрожат колени.

Я встала, чувствуя себя не лучше, чем население земли первого января, зашторила руками верхний элемент костюма Евы, видя, как оборванная юбка волочится длинным шлейфом по ступеням, обнажая мои ноги.

На меня смотрели так, словно буквально вчера мой портрет показали по новостям на фоне многочисленных трупов моих жертв. Я провела руками по лицу, не чувствуя разительных перемен. После дешевого крема для лица «Улыбка», когда на следующее утро меня обнесло так, что прокаженный Иов после меня вымыл бы руки с мылом три раза, и то был более ощутимый результат. Я рассматривала свои дрожащие руки и ноги, но ничего подозрительного не заметила.

— Уши развесила! — послышался мне шепот, а я резко обернулась. Ничего себе! Субпродукты в виде рук и сердец трусились холодцом в самом дальнем конце зала. Я замерла, закусывая губу.

— Выбрала? — послышался откуда-то сверху женский голос. — Наша-то выбрала?

— А мне почему знать-то? — ответил ему еще один, причем, как-то недовольно, ворчливо. — Ты не женихов считай, а постель труси! Женихи-то, небось на ночь останутся!

Странно! Вокруг меня все молчали, но я слышала голоса. Ой! А в углу мышка! Шуршит! Представляете, шуршит мышь!

Я поднесла руку к ушам, не веря им, как вдруг Мамочка! Это Это У меня на голове было что-то длинное и и пушистое!

— Принесите зеркало! — задохнулась я, боясь снова прикоснуться к торчащей пушистости. — Ева, тебе просто показалось Ты перенервничала

Мне учтиво подали зеркало, в котором отражалось мое перепуганное лицо. Я отвела зеркало в сторону и Зеркало с треском упало на пол и разлетелось на осколки. У меня на голове были белые, пушистые, кроличьи уши! Моя рука украдкой скользнула в сторону копчика, чувствуя, как он трясется. У меня никогда раньше копчик не принимал все так близко к себе, кроме неудачных падений! Мои пальцы прикоснулись к чему-то пушистому, на секунду застывшему, а потом задергавшемуся.

— Он говорил, — сглотнула я, глядя на принцев всех мастей. — Что проклятие снимет клятва вечной и искренней любви! Тот, чья клятва снимет проклятие, тот и станет моим мужем

— Клянусь в вечной и искренней любви! — наперебой заорали кандидаты. Один из них, тот бородач, даже упал на колени. — Клянусь любить тебя вечно!

— Понятно, — прошептала я, глядя на «вечную и искреннюю любовь», слушая заверения в ней со всех сторон. Я медленно встала с трона, опираясь на его спинку, а потом побрела в свою комнату, оставив женихов орать, как мартовские коты.

— Ну вот за что? — всхлипывала я, водя пальцами по своей голове. — Что я сделала этому Адильеру?

«политический ход!», — послышался мне знакомый голос, а я привстала с кровати. Где-то какая-то сволочь пела про какого-то рыцаря, где-то ругались две женщины, споря о том, как правильно укладывать подушку в королевской опочивальне. Я настороженно прилегла и снова услышала голоса.

«традиция, которая сильнее, чем закон, гласит, что как только особа женского полу королевской крови...»

«Какал, какал день и ночь напролет!» — услышала я хриплый голос, а потом потрясла головой. «Скакал без отдыха и сна Покуда полная луна, как грудь прекрасной Лирис светила в вышине вершине мира!».

«Я при дворе уже пятнадцать лет! Не учи ученую!» — слышалось визгливое.

Я отчетливо слышала, как что-то уронили со словами: «Авось не заметят!».

«Ты что творишь! Пенку нужно снимать в последнюю очередь! Борзый! На! На кость!» — басил кто-то.

Среди десятка шорохов, шумов и голосов, я пыталась услышать один единственный.

«в замок? Хм! Недурно! Хороший политический ход! Народу он понравится!» — снова услышала я.

«Он взял ее в стог, она кричала не могу! Но пламя страсти стог сожгло» — пел кто-то, заглушая своим фальшивым пением все вокруг.

«Народ за нее уцепился, но тут и змеи сыты, и кролики целы! — рассмеялся кто-то. — Решено! Здесь она уже не выкрутится!».

Глава четвертая.

Развращаться — плохая примета!

Покуда все мои подруги

Ждут принца на коне лихом,

Я просто так, от бренной скуки,

Связала жизнь свою с лохом

Он — некрасив, к тому же беден,

Стабилен в минусе доход,

Он напивается до бредней,

Работу ищет целый год.

Но я не унываю,

Я перевоспитаю!

Из сборника «Надежда умирает последней»

Я ворочалась, слыша постоянно какой-то шум. Мышиный ипподром, пьяные песни какого-то местного представителя «кострады», ибо сжечь его на костре стало чем-то сродни навязчивой идее, последние сплетни о том, что помощница кухарки залезла в штаны камердинеру, и все никак оттуда не вылезет и так далее Простонав и поворочавшись, я попыталась накрыть уши подушкой, чтобы хоть как-то обеспечить себе звукоизоляцию. Не выдержав, я встала, осмотрелась по сторонам и подошла к зеркалу, задирая юбку. Нам, где у нормальных людей все отпало, у меня красовался маленький пушистый и белый хвостик. Ой! Он дернулся! Мамочки! Он шевелится! Ха! А ну-ка!

— Чижик-пыжик, где ты был? — нескладно и грустно пропела я, ритмично шевеля хвостом. — Всю зарплату я пропил!

Я прижала уши к голове, глядя на свое несчастное лицо. Кролик! Я — кролик! Тяжело вздохнув, я побрела в кровать, засовывая голову под подушку. Душераздирающе зевнув, я закрыла глаза под местный шлягер про похотливую жену мельника. Не помню, на каком мужике Ой, простите, куплете, я уснула, но счет уже пошел на десятки!

Внезапно, сквозь сон я услышала осторожные шаги! Сердце мучительно забилось, подкатывая к горлу, хвостик задрожал, а что-то внутри превратилось в старенький дребезжащий холодильник.

— Иди сюда! — послышалось рычание, заставившее меня дернуться и вскочить. Ничего себе! Какой огромный, одноглазый мужик с ножом! В комнате было уже светло, а я скатилась вниз с кровати, видя, как он опускает нож прямо на ком из одеял и подушек, терзая их так, словно бедолага всю жизнь мечтал сходить в 3-d кинотеатр, но по моей вине ему придется довольствоваться унылым 2-d.

— Это из-за тебя я потерял глаз! — орал он, а мне на секунду стало искренне жаль бедолагу, который положил на меня орган, плененный моей красотой. — Я убью тебя! За то, что отказала его высочеству!

Мое сердце ушло в пятки, а я попыталась встать на две ноги, но тут же потеряла равновесие, шлепнувшись на пол и отчаянно пытаюсь убежать... Все казалось таким огромным и странным.

— А-а-а! — пискнула я, забиваясь в угол. — Мужик с ножом!

Мужик странно посмотрел на меня. На секунду мне показалось, что он даже пытается строить мне глазик, а потом как заорет, бросая нож на пол.

— А-а-а! Говорящий кролик! — и рухнул на пол.

Я опасливо подошла к распростертому на полу телу, чтобы схватить нож и добить мерзавца, дабы впредь неповадно было, но Не может быть! Вместо рук у меня были пушистые белые лапы.

— Ы-ы-ы! — простонала я, чувствуя, как все еще трепещет мой испуганный хвост. Лапой я толкнула нож под кровать, осматривая тело, не подающее признаков жизни. Я попыталась ухватить нож зубами, мысленно плюясь, забралась на тело и приставила его к горлу убийце.

— Фто фебя пофлал! — я настойчиво требовала ответа, придерживая нож у горла. — Офефай!

— Что здесь произошло? — в комнату влетела стража, а через секунду застыла на месте.

— Ты это видишь? — усатый стражник поднял брови, толкая локтем бородатого соседа.
— Ты точно это видишь?

— Я у тебя хотел спросить! — икнул сосед, протирая глаза. — Ты точно видишь кролика с ножом, которым он пытается убить человека? Или его вижу только я?

— Ох, зря мы вчера брагу пили! Ох, зря! — скривился стражник, глядя на меня. — Шестая пинта была явно лишней!

— Фто фтоите? — возмутилась я, глядя на них недовольным взглядом. — Фелайфе хофь фто нибуфь!

Правый стражник посмотрел на меня очень внимательно, а потом закатил глаза и рухнул вниз, левый прищурился, сделал шаг вперед, подозрительно глядя в мою сторону.

— У меня уфе фубы уфтали! — негодовала я, а усач посмотрел на меня и шлепнулся третьим.

— Офлифно! — вздохнула я, не выпуская нож из зубов. Мало ли! Убийца постепенно приходил в себя, открывая глаз и мутно глядя в мою сторону.

— Лефы фмирно! — приказала я, заглядывая ему в лицо. — А то у меня фелюфть уфтала! Гофори, фто тебя прифлал!

Вот зря я это сказала, поскольку мужик снова обмяк, лишая меня возможности продолжить допрос.

— Профнифь! — потребовала я, сурово глядя на грубые черты лица и щетину. Если это и было задержание, то задержался он здесь надолго. Так и хотелось пафосно крикнуть: «Вы имеете право хранить молчание! Все, что будет сказано, будет использовано против вас в суде!». Но что-то мне подсказывало, что речь уже не о земном суде, а молчание придется не только хранить, но и хоронить.

Дверь распахнулась, на пороге стоял тот маг, с видом, словно он — крупнейший торговый центр, а за ним стража и министры.

— Фисе! Обефредила! — заметила я, глядя, как они недоверчиво смотрят на три тела.

— Ва Ваше Величество? — как-то осторожно переспросил бородатый, пока стражу приводили в чувство. — Это вы?

— Нет, блин, хомячок! — огрызнулась я, пока стражники вытаскивали убийцу из комнаты. — Так! Снимайте проклятие! Быстро! Я кому сказала!

— Хм, — маг Азин посмотрел на меня странным взглядом, а потирая подбородок. — Дай-ка подумаю! А ну-ка, мне нужно взглянуть!

Он нахмурился, внимательно рассматривая меня со всех сторон. Послышался тяжелый вздох и покашливание.

— Ну? — нервно поинтересовалась я.

— Это я просто о своем задумался. Я так понимаю, что проклятие зависит от солнца? Пока светит солнце — вы кролик, а как только наступает ночь — человек., - выдал старик, изображая ЛОРа и рассматривая мои уши. Через минуту он решил поиграть в гинеколога-ветеринара, пытаясь приподнять мой хвостик, но я с негодованием вырвалась.

— Не переживайте! Это проклятие снять очень легко! — выдал маг под конец осмотра. — Даже не волнуйтесь!

— Но этот Адильер говорил, что никто не снимет проклятие! — на всякий случай уточнила я, поглядывая на мага. У меня прямо от хвоста отлегло.

— Может обычный маг и не снимет, но я — магистр магии! — гордо заметил старик. — Первый советник Императора! И чтобы я, не снял такое пустяковое проклятье? Да это — личное оскорбление! Есть проверенное средство! Принцесс и королев часто проклинаят Но!

Азин поднял палец вверх, сверкнув массивным кольцом.

— Есть верный способ снять любое проклятие с незамужней девушки или женщины! Вот если бы была замужем, то все, считай, конец! — скорбно покачал головой маг, а министры переглянулись. — Считай, погибла! Будет до конца своих дней мучиться! Я уже снимаю не первое проклятие с королевского рода!

— Ну!!! — нетерпеливо заерзала я, чувствуя, как у меня чешется за ухом. Я пыталась поднять переднюю лапу и почесаться, но я не доставала.

— Адильер хочет заполучить корону! Не бывать этому! — рявкнул бородач, пока я пыталась дотянуться до нужного места и почесаться. — Мерзавец! Тварь!

— А кто он? — поинтересовалась я, пытаясь почесаться об угол кровати. Только не говорите, что у меня блохи! Это — не блохи! Это — нервное!

— Чародей! Бессмертный чародей! — хмуро ответили мне. — Могущественный и страшный! Чудовище! Он хотел, чтобы мы к нему прибежали, чтобы он снял проклятие, а он потребует в жены Императрицу и станет законным Императором! Кто его пропустил во дворец?

— Он околдовал стражу! — покачал головой старый маг. — Для него это — пара пустяков! Но мы не отдадим ему Императрицу!

— Если у меня так дальше будет чесаться, то я согласна стать его женой по переписке! — простонала я, потираясь об ножку кровати. — Да! Да! Наконец-то! Все! Уже не согласна!

— Чтобы снять проклятие с королевского рода, вам нужно выйти замуж за первого, кто придет в замок! — заметил маг, глядя на меня. — Это — обязательное условие! Это уже делается испокон веков! Магическая наука — сложная наука! Есть магические законы, формулировки и так далее, но есть и возможности их обойти! Вам нужно сделать так, чтобы он вас влюбился! На это у вас будет три дня и три ночи! И тогда проклятие с королевского рода будет снято!

— А обязательно за первого встречного? — подозрительно поинтересовалась я, вспоминая сказки. — Или можно не за первого встречного? А просто за кого-нибудь?

— Нет, это должен быть именно первый встречный! — на меня посмотрели взглядом технической поддержки. — Есть много вещей, которые не поддаются объяснению!

Ну да, кстати! Почему девяносто процентов проблем с компьютером решаются перезагрузкой? Почему когда тебе нужно быстренько что-то сделать, ноутбук начинает работать, как беременная улитка? Почему в зеркале видишь свежее лицо молодой нимфы, а на фотографии унылую престарелую жабу с тройным подбородком?

— Вас уже проклинали! В детстве! Вы что? Не помните? — встрял бородатый.

— Волки мне мало что рассказывали, — заметила я, буравя в нем дырку. — Дракон вообще был немногословен! Я хочу убедиться в том, что этот способ действительно снимает проклятие! Предоставьте мне доказательства!

— Мудрое решение! — заметил маг, щелкнув пальцами, а передо мной упала книга «Как снять проклятие с королевского рода». Книга раскрылась на странице, а я пробежала глазами первую строчку.

«Принцессу Эланору прокляла злая колдунья, сказав, что как только ей исполнится шестнадцать, она уколется» Да, в шестнадцать много соблазнов. «И будет спать беспробудным сном!». Счастливица! Не надо на работу! «Ее отец выдал принцессу замуж за первого встречного, чтобы спасти от проклятия, и жили они долго и счастливо!» Я снова почесалась, положив лапы на страницу.

«Принцесса Сильвина была проклята своей злой мачехой. Узнав об этом, ее отец отдал ее за первого встречного! И жили они долго и счастливо!».

— Простите, а кто жил долго и счастливо? — скептически заметила я, пытаюсь перелистнуть страницу. — Родители, которые избавились от дочери, или дочь с зятем? Так! Я вам мало верю!

— Я тоже! — поддакнул бородатый. Смотрю, у него отлично получается дружить! Еще немного и я буду даже выдавливать улыбку при встрече! — Пусть попробуют другие маги! Объявить всем, что тот, кто сумеет снять проклятие, неважно с кого, получит награду! Сколько сможет унести! Ничего! Сейчас быстро набегут!

Маг Азин исчез, дверь за посетителями закрылась. Я с трудом взобралась на кровать, свернувшись на подушке, задумчиво глядя в окно. Мне кажется, я вздремнула, но тут послышался стук в дверь. Стража пропускала какую-то древнюю старуху, которая посмотрела белесыми глазами на меня и провела рукой, как бы сканируя местные чакры. Позади нее стоял бородатый, поглядывая в коридор.

— Вижу, что проклята! — проскрипела старуха, подходя ко мне. — Так и быть, проклятие сниму! Только заплатишь наперед! Не бойсь! Деньги не возьму! Отдашь мне то, что у тебя есть, но о чем ты не догадываешься!

— Хорошо, — со вздохом согласилась я, глядя как старуха-альтруистка достает какие-то мешочки дрожащими руками. Старая рука провела в воздухе, а я увидела какую-то зеленую дымку. — Повторяй за мной! Отдаю тебе то, что есть у меня, но о чем я не знаю! Назад не попрошу, обратно не потребую, силой не отниму! Нерушим наш договор! Что было моим, стало твоим! Навсегда!

Я послушно повторила, глядя на руку.

— Ну что ж! Приступим! Ой! — внезапно скрючилась старуха, хватаясь за живот. — Ой-е-ей! Что это? Ай! Помираю!

— Полагаю, что камни в почках, но есть подозрение на камни в желчном, — уныло ответила я, вспоминая, что все собиралась сходить в больницу на обследование, но денег не хватало. — Там еще сердце иногда пошаливать будет! Помогала валерьянка!

— Ой! — скрюченную старуху вынесли, а я краем уха слышала, как в коридоре переговариваются люди. — Помогите! Помираю!

В дверь шагнул какой-то худосочный мужчина средних лет, одетый так, словно ограбил леди Гагу. Он стал водить руками, а потом прищурился на меня.

— Здоровый кролик! Не вижу ни одной болезни! — почесался мужик, уставившись на меня черными глазами. — Хм Но тут проклятье! Ничего, снимем! Только заплатите вперед! Я желаю в награду самый дорогой подарок, который вам подарили!

— Идет, — согласилась я, сидя на подушке. Мужик осмотрелся по сторонам, с завистью глядя на роскошный интерьер, а потом потер руки.

— Пусть явится моя награда! Самое дорогое, что в дар принесено! — колдун закрыл глаза, а из его пальцев на столик брызнули молнии. На столе лежал набор женских черных кружевных трусов и лифчик.

— Это что? — сглотнул чародей, осматриваясь по сторонам. — Это какая-то ошибка!

— Самый дорогой подарок, который мне дарили! — вздохнула я, глядя на трусики и лифчик. Трусы оказались малы, а лифчик спадал. Пока маг рассматривал мое белье, которое стоило целую тысячу рублей, я вспоминала свой день рождения и последующий скандал, который закончился через неделю покупкой этого роскошного по меркам моего семейного бюджета подарком.

— Вы там осторожней носите Там спица вылезает! — предупредила я, с грустным вздохом. — Стирайте в деликатном режиме!

— Эм Чтобы снять проклятие, нужно не мыться два года! Не мыться и не стричься! — заметил маг, глядя на мой комплект. — Выдержите?

— Следующий! — потребовала я, несмотря на столь радикальные меры, одинокой не останусь. Со мной всегда будут блохи и вши! Белье маг, как ни странно, забрал!

В комнату бочком вошел какой-то старичок в шляпе, напоминающей головку мухомора. Он посмотрел на меня, а потом бросил украдкой взгляд на вышитые короны на одеяле.

— Я к вашим услугам! Посмотрим, что у вас за проклятье! — дед снова стал осматриваться по сторонам, водя руками перед моим носом, словно отгоняя от меня назойливую мошкарку. — Но плата вперед! Отдашь мне все, что у тебя в кошельке!

— Не вопрос! — обречено кивнула я, а маг воспрянул духом. — Кстати, а почему вы не берете деньгами?

— Понимаете, магический конклав Империи запретил брать магам деньги за услуги, если у них нет патента! А цену за патент заломили — ого-го! Вот и хитрим, как умеем! Стоит нам только попросить денег, как тут же нас лишат магической силы! — брякнул старик, наводя какие-то чары, а на кровать упал мой кошелек. Кошелек раскрылся, а оттуда вывалилась мелочь на проезд, стопка чеков и визитки.

— В парихмахерскую не ходите! — покачала головой, пока маг критично осматривал свою добычу. — Вижу, вы расстроились? Меня он тоже расстраивает! Но там, в потайном кармане есть триста рублей!

— Чтобы снять проклятие, нужно проехать голой по всему королевству! — буркнул недовольный дед, вертя в руках мою визитку. «Разводы, дележ имущества, семейные споры», — было выведено на ней. — И кого разводите? — прищурился колдун, поправляя шляпу.

— Кроликов! — мрачно выдохнула я. — Там телефон неправильный. Там вместо семерки — восьмерка! Я ручкой исправляю!

За дверью слышался шум, а я тяжело вздохнула. Очередь редела, а я чувствовала, что все-таки польза от магов есть. Одна зловещего вида колдунья сидела на кровати, тряся амулетами и медальонами у меня над головой.

— За свои услуги я потребую твой голос! — прошептала она, водя над моей головой связкой бижутерии.

— Простите, а вы в каком округе баллотируетесь? — уточнила на всякий случай я. — Нет, я проголосую за вас, не волнуйтесь!

В итоге она заявила, что проклятие не снимается от слова «никак», уступая место следующему.

— Угадаешь мое имя — сниму проклятие! Подсказки платные! Сорок шесть букв! — предложил мне мужик с огромным носом, снова изучая мой интерьер и предвкушая мою платежеспособность.

— По вертикали или по горизонтали? — уточнила я. — По вертикали — ты уходишь отсюда на своих двоих, по горизонтали — тебя выносят. Следующий!

Солнце клонилось к закату, а я мрачно смотрела на очередного заросшего и лохматого представителя нетрадиционной магии, который долго думал, что бы у меня потребовать в качестве оплаты за свои услуги.

— Отдашь то, что встречает тебя каждый день! — выдал колдун, почесывая свой колтун.

— Отличная сделка! — обрадовалась я, прыгая на подушке и вспоминая разбросанные по комнате вещи, какие-то фантики, крошки и холодный чайник! Если меня кто-то и встречает, так это бардак!

Но лохматый что-то призадумался, снова почесываясь. Видимо, интуиция у него работала отлично, поэтому он тут же изменил решение.

— В качестве оплаты В качестве оплаты — бубнил он. — Отдашь то, что у тебя есть, но то, что ты скрываешь и прячешь, и что боишься потерять!

— Идет! — кивнула я, чувствуя, как снова чешется под левым ухом. Через секунду маг замер на месте, как-то странно жуя воздух. Он скривился, сосредоточенно щупая что-то у себя во рту.

Мне кажется, или мои проблемные зубы мудрости больше не моя проблема?

— Там верхний левый пломбировали! А вот правый Короче, там дырка! — предупредила я, а потом скромно добавила, что еще и кусок отвалился. Еще бы! Последний визит к стоматологу стоил целого состояния! Сказал, что если я затяну с лечением, они просто выпадут!

— Смотрите, — снова скривился маг, нервно проглатывая. — Берете три котла! В одном должно быть кипящее масло, в другом — ледяная вода, в третьем — молоко! Окунаетесь в три котла поочередно, и проклятие с вас спадет! Как новенькая будете!

— Соль, сахар, перец по вкусу? — поинтересовалась я, снова пытаюсь почесать ухо. — Ты, дружок не унывай, сам свой метод испытай!

Маг что-то сказал, пытаюсь объяснить, что способ, конечно, проверенный, но котлы подбираются строго индивидуально, поэтому он вообще не при делах. При этом он не забывал пятиться к двери. Посетители кончились, а я почувствовала, как меня ломает. Через пару минут болезненной трансформации я лежала на кровати и разглядывала свои руки. Ай! Ухо отдала.

— Ладно, я согласна на первого встречного! — мрачно буркнула я, понимая, что другого выхода нет. — Зовите советника!

— Вот! — материализовался посреди комнаты Азин. — Что я говорил! А мне не верили! Лучше толпу шарлатанов собрать! Никакой пользы от них нет!

— Ну не скажите, — заметила я, чувствуя, что зуб мудрости уже не ноет, а груди не колет, а в животе не болит.

— Вот! Кто первый в замок явится, тому дадим красавицу! — торжественно провозгласил чародей, пока я понимала, что каждый день выходить замуж — роскошь, доступная далеко немногим. — Кто бы ни пришел — сюда его тащите! Только поклонитесь, что никому ни слова! Никто не должен знать об этом! Иначе не сработает! Ничего — ничего!

Снимем проклятие! Снимем!

Я уныло сидела на кровати, обнимая подушку и глядя в черный просвет красивого окна.

— Ну! — торжественно заметил маг, открывая дверь. — Спускайтесь к жениху! Пришел!

Я слезла с кровати, поправляя мягкое платье, а меня торжественно провожали по коридору.

Первое, что я уловила — знакомый запах! В последний раз так пахло в автобусе, когда туда зашел асоциальный элемент. Нервно сглотнула, глядя, как в сопровождении стражи стоит какое-то страшное, грязное существо в лохмотьях с протянутой рукой.

— Ыы! — выдало существо, протягивая мне немытую руку. — Ыы!

— Так! — занервничала я, пятась назад. — Я передумала! Свадьба отменяется!

— Поздно! — настаивал маг, подталкивая меня вперед. — Я уже все сделал! Теперь назад дороги нет!

— Ыаы! — выдало тело, тыкая пальцем куда-то и явно что-то требуя!

— Он слепой! И немой! Попрошайка! — как-то радостно заявила стража, пока это мычащее чудовище протягивало конечность. — Пытался убежать, но мы его быстро догнали! Надеюсь, что меня догнать вы не сможете. Оружие массового поражения носовых рецепторов зачесалось так, словно все блохи мира облюбовали спутанные волосы.

— Властью, данной мне Императором, будучи хранителем знаний и традиций, объявляю вас мужем и женой! — послышался голос Азина.

— Я не согласна! — закричала я, в ужасе пытаюсь скрыться. Тело почесало то самое место, которое уже предвкушало первую брачную ночь, а потом задумчиво что-то промышало.

— Можете поцеловать невесту! — улыбнулся маг, пока стража подталкивала меня к новому супругу. — А можете и не целовать! Пусть новобрачные идут на все четыре стороны!

— Погодите! Про четыре стороны мы не договаривались! И пусть жениха искупают что ли! — сопротивлялась я, глядя на протянутую в мою сторону руку.

— Помогите Императрице! Она стесняется! — приказал Азин, а меня подтащили поближе к «мужу», который тут же схватил меня за кисть руки. — Все, счастливого брака! Отныне ты больше не Императрица!

— То есть как? — закричала я, чувствуя, как грязная рука тащит меня в сторону выхода, что-то радостно и умственно отстало мыча. — Что значит не Императрица?

— По древней традиции, стоит только принцессе, королеве, императрице выйти замуж за простолюдина, как она тут же становится простолюдинкой! Не только императорский титул передается с мужем! Так всегда поступали с теми, кого проклинали! Выдавали замуж за первого встречного! Я снял проклятие с королевского рода! Как и обещал! — слышался довольный голос.

Дверь перед нами открылась, а я услышала голос бородатого.

— Вы что позволяете себе! Она — принцесса!

Дверь захлопнулась, а меня волокли вниз по ступеням, больно впиваясь в руку длинными когтями.

— А как же нормальная свадьба? — заорала я, задыхаясь от ужаса. — Я — все еще Императрица! Это не считается!

Под ноги мне упал горшок с цветами, разбиваясь о плиты.

— Совет да любовь! И детишек побольше! — слышался смех откуда-то сверху, пока стража расступалась перед нами, осыпая издевками и колкостями.

Стоило нам выйти из дворца, как на меня нахлобучили лохмотья, придерживая за руку. Мимо нас в сторону ворот с протянутой рукой и палкой ковылял еще один асоциальный элемент, осматриваясь по сторонам. Он что-то сказал страже, и та сразу же его пропустила.

Мы тут же свернули с дороги, а я чувствовала, как меня волокут по каким-то кустам и дебрям.

— Нет, я понимаю, что ты — слепой, но дорога там! — возмутилась я, пытаюсь разжать грязные пальцы.

— Ыыы! — ответил мне счастливый жених, тыкая перед собой палкой. Отлично! Теперь я — собака поводырь! Просто чудесно!

Глава пятая.

Плебей и девочка — плейбой

— Я собираюсь тебя убить, изнасиловать и съесть!

— Ой, а можно в другом порядке?

Это была именно та свадьба, для которой нужен кредит. Интересно, где-то выдают нервы в кредит? А то я еще тот, с предыдущей свадьбы не погасила! Судя по тому, как меня радостно тащили сквозь какие-то кусты в потемках, я могу предположить, что у бедолаги я — первая и единственная. Вот странно! Днем я — говорящий кролик, но стоит только солнцу закатиться за горизонт, как я становлюсь человеком, правда с ушами и хвостиком, который сейчас яро негодует!

— Ыыы! — как бы решил поговорить со мной мой супруг, чтобы нарушить гнетущую тишину первой брачной ночи.

— Так! — не выдержала я, пытаюсь разжать его цепкие пальцы. — Не путай норку с муркой!

— Ыыы! — вы слышалось в ответ, а я понимала, что любовь не только слепа, но еще и нема, тупа и достаточно шустро.

Мы вышли к какому-то поселку, от которого веяло безнадегой и прошедшими праздниками.

— Ыыы! — промышал мой новобрачный, тыкая палкой в первую попавшуюся дверь. Он достал старенькую кружку и протянул ее недовольной седой хозяйке в серой дырявой шали, жалобно промышав.

— Помогите! — взмолилась я, бросаясь к крестьянке, но меня дернули за руку, прижали к себе и прикрыли рот рукой. Ага, а потом рассказывать всем, дескать, супруг — крупный бизнесмен, который умеет делать деньги из воздуха! Из испорченного собой воздуха! То, что он — крупный по сравнению со мной — видно даже невооруженным глазом. Я едва достаю ему до плеча, если становлюсь на цыпочки.

— Больше не дам! — буркнула крестьянка, кидая в кружку медную монету. — Ночлег в хлеву! К скотине не приставать! А то знаю я вас!

Это был тот самый случай, когда я готова была помычать и поблеять!

— Ыыы! — согласился или обрадовался супруг, все еще закрывая мой рот, пока я пыталась наподдать ему локтем как следует. Дверь негостеприимно захлопнулась, а

меня отпустили, конвоируя в хлев, откуда доносилось жалобное бление.

— Ыыы! — протянул мой новоиспеченный муж, тыкая клюкой в козу. Коза насторожилась, а у меня в руках очутилось ведро.

— Послушай! — вознегодовала я, швыряя пустое ведро на пол. — Я умею доить только мужиков! И вообще Это козел!

— Ыыы! — требовательно заметил мистер Ыыы, настойчиво тыкая в сторону замычавшей коровы. Я посмотрела на худосочную Буренку, к портрету которой впору делать подпись «Корова курильщика», и поняла, что когда мне хватит на стакан, ее хватит удар.

— Бык — отличный выбор! — съязвила я, швыряя ведро куда подальше. — Сейчас красную косынку надену и стану передовицей в надоях! Не переживай! За пятилетку ведро я тебе надою!

— Ыыы! — раздалось в ответ, а я поняла, что пятьдесят оттенков этой волшебной буквы я различать не собираюсь! Меня не просто женили! Меня развели! И ведь чуяла подвох! Чуяла!

Меня снова схватили за руку, пытаюсь уложить рядом, но я отчаянно сопротивлялась. Послышался смешок, а я дотянулась до ведра, как бы намекая, что девушка с пустым и увесистым ведром — это очень плохая примета. У меня попытались отобрать ведро, но я оборонялась, как разъяренный хомячок! И вот! Наконец-то, дедшот! Ручка отвалилась, а я попыталась броситься бежать, но меня тут же настигли, насильно укладывая рядом на солому.

— Ы! — коротко заявили мне, сжимая тисками мою руку. Я дергалась, вырывалась, а потом обессилела и злобно засопела. Ночь пробиралась сквозь дырявую крышу, солома безбожно колола, а по мне ползала какая-то букашка. Я лежала и не могла уснуть. «Вот! Ты хотела бизнесмена! Мечта сбылась!», — улыбнулся оптимизм. «Рядом лежит обладатель акций «Подайте на пропитание!», — поставил галочку пессимизм. «И чтобы он был фрилансером!», — пытался ободрить меня приступ оптимизма. «Получай своего дауншифтера», — поддакнул пессимизм, отмечая галочкой следующий пункт. «Ты хотела вместе с ним увидеть мир!», — снова улыбался оптимизм. «Турагентство «Пустим по миру» к вашим услугам!», — согласился пессимизм, обводя этот пункт. «Как там ты говорила? Чтобы только мой!», — порадовал оптимизм. «Вот и мой его, как следует! Мой и отмывай!», — сардонически улыбнулся пессимизм. «Ты загадывала, чтобы он шарил по жизни?», — настаивал оптимизм. «Вот! Отличный шарящий мужик! Слепой, но настырный!», — поставил двойную галочку пессимизм. «И как там ты мечтала? Чтобы у вас никогда не было пустого холодильника? Да? Я правильно вспомнил?», — развлекался оптимизм. «Нет холодильника — нет проблем!», — закивал пессимизм, снова отмечая пункт. «Чтобы всегда был рядом?», — продолжал оптимизм, шурша списком. «Смотри! Ни на шаг от себя не отпускает!», — вздохнул пессимизм, ставя жирное сердечко напротив пункта, когда мою руку сжали еще сильнее. «И чтобы у него была крутая тачка!», — захлопал в ладоши оптимизм. «У тебя будет самая крутая тачка, на которой ты будешь возить ваши пожитки! И в командировки он тебя брать будет! И любить тебя за твой внутренний мир! И плевать ему, что на тебе ни грамма косметики, а волосы превратились в сосульки!», — заметил пессимизм. «Вот все как ты и просила! Точь в точь!», — поздравила меня судьба, мысленно пожимая мне руку.

- Ыыы! — простонала уже я, глядя на звезды. Чтоб я еще раз понадеялась на чудо? Да никогда! Ничего! Я сбегу!

Я услышала голоса и тут же наострила уши. Доносились они из дома.

— Слыхала новость? Императрица снова вышла замуж! — чавкал кто-то чем-то смачным и стучал ложкой сплетник. — Мне кухарка сказала!

— У нас будет новый Император? — поинтересовался женский голос, прибавляя, что есть еще смалец.

— Если бы! Влюбилась, как только увидела! Пришел какой-то крестьянин или нищий, она возьми да и закричи: «Жить без него не могу! Люблю!». Ее тут же бросились все

убеждать, что, мол, она же Императрица! Но она ни в какую! Люблю и все тут! Она ногой топнула и потребовала срочно их поженить! Сыграли скромную свадьбу! Поговаривают, что всю церемонию стояли в обнимку! Императрица все твердила, что это — любовь всей ее жизни! — сербал какой-то похлебкой невидимый рассказчик.

— Вечно праздник у всех, кроме нас! — заворчала женщина, чем-то грюкнув. — Как всегда кому-то свезло! Будет теперь во дворце жить! Ёмператором станет!

Я мрачно посмотрела на «любовь всей моей жизни». «Я милого узнаю, а по лохмотьям! Он носит да носит едкое амбре!», — развлекался, воскресший в памяти самонадеянный ансамбль народного порчества.

— Да не станет! Она с ним ушла в народ! — прокашлялся едок. — Так и сказала! Кухарка своими ушами слышала: «Мне не страшна нищета! Лишь бы с любимым!»

— Ой! — тут же потеплел голос женщины. — Вот это я понимаю! Дайте боги каждой такой любви!

— Да дослушай, дуреха! Это проклятый Каспар провозгласил себя королем, а Первый Советник Азин — Императором! — кто-то ударил кулаком по столу.

— Вот дура-то! Дура! — завывала баба, а я продолжала узнавать о себе много нового! В итоге я стала поводом для семейного скандала, аргументом которого были «все бабы — дуры»,

Надо срочно возвращаться! Пусть признают брак незаконным! Или попробовать заработать деньги и заплатить какому-нибудь магу, чтобы вернуться домой? А почему бы и нет? Говорящий кролик — это серьезный конкурент танцующему коту и поющей собаке! Но еще лучше — найти этого Альдютера или как там его, вывалить деньги и потребовать, чтобы он меня расколдовал! Нет, а чем плохая идея? Можно же договориться? Я-то уже не Императрица, так что проку с меня никакого!

— Ёыыы! — послышалось прямо мне на ухо, когда мой супруг к утру понял, что стал почетным зоофилом.

— Пшел вон! Хвост не трогай! — возмутилась я, когда меня пытались ощупать за воинственно дергающийся хвост. — Итак! Слушай меня внимательно, олигарх! Мы будем работать в команде! У меня бизнес-план есть! Я всю ночь его обдумывала! Вставай! Чего разлегся! Работать пора! Смотри! Ты стоишь в одном конце улицы, я стою в другом! Ты меня понял? Если план сработает, то через год мы тебя отмоем, купим дворец и так далее!

— Ёыыы? — уточнил мой компаньон.

— Ёыыы! — передразнила я, недовольно сопя. — Вперед! Работать! Только не говори, что у тебя сегодня выходной! Без выходных и перерывов на обед!

Мы вышли на улицу, а я, щурясь на солнце, поняла, что это — никакой не поселок, а город! Дальше за бедными лачугами виднелись вполне респектабельные и добротные дома.

Мы прошли дальше, а возле одного угла каменного дома я остановилась, вставая на задние лапы.

— Место — проходное, а значит, прибыльное! — заметила я, недовольно оглядываясь. — Ты стоишь здесь, а я отойду подальше! Пусть думают, то мы — конкуренты!

Среди мусора я откопала какие-то обугленные доски, взяла уголек в рот и написала: «Помогите погорельцу!». Коряво, но вполне читабельно. И оттащила табличку в сторону «супруга», сложив её возле его ног.

— Лучше сядь, чтобы выглядеть еще более жалостливо! — заметила я, подтаскивая головешки. — Скрючусь! Молодец! Сиди пока, а я посмотрю со стороны! Кружку поставь поближе к людям! И вой!

Я перепачкалась в саже и села рядом. Народ проходил мимо, бросая взгляды,

преисполненные сочувствия, но не раскошеливались.

— Плохо! План переигрывается! Ты просто плохо воешь! Выть надо жалостливо! Учти, прибыль пополам! — сделала замечание я, слыша тихое подвывание. — Нет! Так дело не пойдет! Итак, поджмай под себя ногу! Да нормально поджмай! И лохмотья раздвинь, чтобы все видели! Вот! Вторую вытягиваешь вперед! И свое фирменное «ыыыыы!». А ну давай!

«Помогите ветерану войны!», — вывела я, отплевываясь от свежей порции активированного угля. Табличка была установлена, а я уселась рядом, поглядывая на процесс. Какая-то сердобольная женщина в черном, бросила медяк мимо кружки, украдкой уронив слезу. Еще какая-то старуха принесла хлеба. А потом рог изобилия опустел. Прохожие сновали мимо, не обращая внимания на наш мемориал.

— Я тебя сейчас укушу! — возмутилась я. — Ну кто так руку тянет! Ты ее тянешь, как будто задушить хочешь, а надо робко, жалостливо, словно, просить для тебя унижительно! Ты у нас ветеран! Ветеран-ветеринар зыркнул на меня чумазым лицом, а я закатала глаза.

— Хорошо! Пробуем мать-одиночку! Учти, ты — женщина, которую бросил муж! У тебя на руках ребенок! Ребенком буду я! Смотри на мужиков так, словно они — отец ребенка! Мол, это ты, козел? А, нет! Показалось! Вот-вот! Ты на него похож! Понял? — я уже тащила следующую табличку «Муж изменил и бросил с ребенком!».

Я лежала, свернутая в лохмотья и изображала детский плач. Дзень! О! Пошел финансовый поток! Еще один дзень! Отлично! Дзень-дзелень! Чудесно! Дзень, дзень

— По законам королевства нельзя побираться с ребенком! — рявкнул кто-то, а я высунула мордочку из лохмотьев.

— Да что вы говорите? — возмутилась я, высовываясь еще немного, чтобы разглядеть местного юриста. — Где это написано? Покажите мне статью и пункт местной конституции?

— Эм — стражник оторопел, склоняясь надо мной. — Это что такое?

— Если что, я — в папу! — гордо ответила я, пока у стражника шел долгий мыслительный процесс. Куда, правда, шел — неизвестно, но, видимо, туда, куда я его послала. От нас опасливо отошли, и снова отправились патрулировать улицы, изредка оборачиваясь в нашу сторону.

— Пять, шесть, семь — я двигала лапкой монеты. — Мало! Плохо! Очень плохо! Пора менять стратегию! Переходим на другой конец улицы! С этого момента ты — жертва политических репрессий! Потом найдем какой-нибудь кабак и возле него будем просить «На опохмел». Если не сработает, то попробуем проверенное! Типа, ограбили, изнасиловали и так далее, а тебе нужны деньги, чтобы вернуться домой!

«Меня ограбили! Жена меня дома убьет, если вернусь без денег!», — любовалась я табличкой. О! Смотри-ка! Дзень! Дзень! Неплохо! Смотри-ка! Работает!

Я потерла лапки, пересчитывая медяки. Солнце ползло к полудню, а у нас уже чистая прибыль.

— За что не пла-а-тим королю налоги! Работники руки и костыля! Романтики! С большой дороги! — бурчала я, выискивая удобное местечко. — Ты что расселся? Тоже мне, ваше величество! А работать кто будет? Я сегодня планирую поесть нормально! Может, тебе ногу сломаем? Для пущего реализма? А? Или ты научишься на чем-то бренчать?

На меня смотрели так, словно вращают на вертеле, посыпая специями.

— Ладно! Смотри и учись, студень! Ни черта ты не умеешь! — чихнула я, рисуя себе табличку «Говорящий кролик! Стоимость разговора 1 медяк!». Я посидела, подумала и дописала: «Юридические консультации! Первая консультация бесплатно!».

— Погорелец, говорите? А прописка есть? — интересовалась я у какого-то мужика,

который тащил на телеге свои скудные пожитки.

— Да уже соседи прописали! Их дома чуть не сгорели! — горестно вздохнул погорелец, задирая рубаху и показывая синячищи.

— Документы на дом были? Если документов на дом нет, то никакой помощи вы не дождетесь! — развела я лапками. — Если хотите, возьмите мою визитку

— Что? — удивился погорелец, толкая впереди себя скрипучую тачку, на которой кудхтали куры.

— Оу! Простите, все разобрали! — вздохнула я, глядя на медяк, который тут же подтянула к себе и села на него. Я — не кролик, я — дракон!

Юридические консультации, даже бесплатные, не вызывали интереса, поэтому я нарисовала новую табличку. «Кролик — предсказатель будущего! Гадаю и гажу на тапках!». Вот! Отлично! Первая клиентка!

— Ваше будущее туманно! — заунывно начала я, а какая-то торговка осмотрелась по сторонам и даже зашла за угол, чтобы убедиться в том, что говорю действительно я. — Вижу: богатство к вам плывет! Да мимо проплывает! Вижу дела казенные да дом ваш! Ждет вас известие! Издалека!

Дзень! Еще одна монетка теперь греет мой хвостик. Итого, две! Отлично!

Я попробовала танцевать, но постоянно теряла равновесие.

— Большой какой-то кролик! Чумной! — заметила крестьянка, рядом с которой бегала детвора. — Вишь, как блохи заели!

— Сама ты больная! — возмутилась я, недовольно прижимая уши. — Это я танцую!

Через двадцать минут я сидела, грустненько напевая и периодически почесываясь: «У старого сарая сижу я молодой! Подайте ради Ктулху на ошейник блохобой!». Как ни странно, но песенки принесли мне сразу десять медяков, которые я тут же алчненько подгрребла под пушистую попу. Хвостик грел их, а я вспомнила несколько шлягеров, видя, как меня окружает улыбчивая публика. Некоторые даже хлопали. А я уже охрипла, поэтому перешла на стихи.

Зато подо мной была целая горка монет, которые я подгрребала к себе хвостиком. Ничего, ничего! Еще немного — и брак даст трещину, а я дам деру!

— А теперь, дамы и господа! Песенка про кредит! — пропищала я, делая театральную паузу. — О, Боже, какая машина! Но по карману лишь шины! Лезу в кредит и рассрочку! И точка, и точка!

Мне хлопали, а я вдыхала запах будущей финансовой независимости. Нет, ну помимо разводов, я еще и кредитами занималась! — Еще одна песня на тему злободневную! Люди встречаются, люди влюбляются, женятся! Люди разводятся, делят квартиры и детей! Вот наконец-то собрал документы я! Только квартиру купили родители ей! А теперь припев! В зал суда вошла она! Фак мне ткнула из окна! Дело тронулось и в след, апелляция брошу в ответ!

— Потешный, да? — усмехнулась какая-то толстая женщина своей подруге, раскошеливаясь на второй куплет.

— Ой, не то слово! — смеется ее соседка, сжимая в руках вхохлущую курицу и кидая мне еще один медяк, который моя жадненькая пушистая лапка подгрести поближе к себе.

— Если у вас нет машины, ее не отсудит жена! Если у вас нет квартиры, то мужу она не нужна! — прокашлялась я, понимая, что почти охрипла. — Если у вас нет кредита, то плазму вам не потерять! И вам не страшны бандиты, если же с вас, если же с вас, нечего взять! Не-е-егого взять! Юристы разводят руками, судья говорит: «Ну что ж!».

Имущество все на маму! По документам ты — бомж! Ты — просто бомж!

Мне хлопали, требовали еще, а я быстренько включала следующий трек.

— Песня про родственников! Внимание! Начали! На столе судьи, — грустно завела я. — Все лежат дела А любовь, как сон, стороной прошла! А любовь, как сон! Стороной прошла! Ни к чему теперь, о былом грустить, предстоит всем нам домик поделить. Документы ты не смогла сберечь, остается нам на пороге лечь! Остается нам

Я допела, чувствуя, что по сравнению с моим очередным муженьком, который стоял, прислонившись к углу дома, я — очень успешный предприниматель.

— Нет повести печальнее на свете, чем повесть о просрочке в ипотеке! Итак! Ловите ритм! — зазывно продолжала я свой гала-концерт. — В ипотеку я, друзья! В ипотеку я, друзья, влезу без испуга! Если поручитель — друг, если поручитель друг и его супруга! Что мне долг неземной, и коллектор что мне злой, пусть платит этот лох с женой! Это из моей личной практики! Новая песня! Про алименты! Ты повесткой наутро разбудишь, что ж ты замуж второй раз не выйдешь? Ты меня никогда не забудешь! И бабла никогда не увидишь!

— О! Балаболит и балаболит! — умилилась старуха, бросая мне монеты. — Такого и резать жалко!

— Все! — прокашлялась я, подгребая деньги. — Концерт окончен! Завтра на этом же месте!

Народ стал расходиться, а я пересчитывала деньги, понимая, что не тем я в жизни занималась. Суды, семейные споры, раздел имущества, кредиты, ипотеки, разводы и так далее — это все ерунда по сравнению с моей выручкой за сегодня! Сорок восемь, сорок девять пятьдесят! Ничего себе!

— Как видишь, — гаденько заметила я, потирая лапки. — Но-но! Куда лапы тянешь! Сейчас укушу! Лучше учись жалобно выть! А то у тебя пока что плохо получается! Так, все! Не мычи! Так и быть! Придумаем и тебе что-то! Как на счет дровосека, у которого чесались сусеки, поэтому он настрогал десять детей, а жена бросила? И не просто бросила, а топор в него! Так что теперь он — инвалид! Как тебе идея?

Солнце упало на крыши домов, а потом устало опустилось вниз. Я почувствовала боль трансформации, сморщилась и через минуту разминала руки, подгребая себе всю выручку.

— Так! А на ужин у нас что? Правильно! Тут мне морковку кинули! Три картофелины! Луковицу! Отлично! А! А это мясник кусочек отрезал! Отличное мясо! — отряхнулась я, понимая, что скоро я найду этот Бюстгальтер или Альдютер, короче, найду этого гада и потребую, чтобы он меня расколдовал! Пусть говорит цену, а я постараюсь собрать ее. А вот когда расколдует, то я его лично придушу! Нет, ну обидно! Я что? Похожа на кролика?

— Я похожа на кролика? — поинтересовалась я, когда меня тащили в сторону леса. — Нет, ну только честно?

— Ыыы! — ответил муж. Вот! Молодец! И вовсе я на кролика не похожа!

Мы проходили мимо повозки, груженной какой-то скудной утварью, а я молча сняла оттуда котелок и две ложки.

— ЫЫЫЫ! — слышалось, когда я спокойно шла дальше, гремя котлом.

— Вот только не рассказывай мне, что ни разу ничего не воровал! Вот не поверю! — скривилась я. — По закону сумма не такая уж и большая, так что вряд ли будут заводить уголовное дело!

Супруг что-то приутих и, видимо, задумался.

— А ты, я так понимаю, не слепой! — усмехнулась я, глядя, что он потерял свою клюку, а теперь прытко идет за мной. — Это плохо! А давай тебе один глаз выколем, чтобы жалостливей было? А? Шучу я! Ладно, с дороги свернули, сейчас будем готовить! Смотри-ка! В котле нож! Чудненько! И какая-то тряпка! Тряпка — фу! А нож — вещь полезная! Да что ты переживаешь так? Не бойсь!

Я чистила картошку под радостное журчание ручейка, а в котелке уже болталась покрошенная на камне морковка и лук.

— Плохо, что спичек нет! — занервничала я. — Ничего! Сейчас попробуем трением! Кинем сухой листы и вуаля! Так! Если я увижу, что ты на мои деньги позарился, я тебе быстро конкурентное преимущество обеспечу! Отошел оттуда! Стой в поле моего зрения!

Спустя час я пошла полоскать уставшие от трения палочки об палочку руки в воде. Водичка была прохладной, поэтому я умылась. Ничего! Выживу! Под котлом трещал, разгораясь огонь. Пламя облизывало котелок, а я пыталась привести себя в порядок.

— Вот! Молодец! — похвалила я, всплескивая мокрыми руками. — Вижу, что с женщинами не везло. Ничего! Зато огонь умеешь разводить! Не зря руки тренировал! Короче слушай сюда внимательно! Ты сейчас же идешь мыть руки!

— Ыыы! — промычали мне, а я достала нож, нехорошо поглядывая на бродягу.

— Чистота, милый мой, это — не только залог здоровья, как ты уже понял, но и залог долгой и счастливой жизни без ножевых ранений! — засопела я, помешивая варево. — Хм Капусточки не хватает! Жаль...

А чем не вариант? Отличный прощальный ужин! Сейчас поедем, он уляжется спать, а я тихонько сбегу! Все нормально!

— Что морщишься, как принц датский! — возмутилась я, облизывая ложку. — Да, соли не хватает!

Нищий смотрел на меня странно, пока я лопала картошку и вылавливала морковку.

— Такое чувство, что ты никогда не питался на две тысячи рублей в месяц! — закатила глаза я, прожевывая кусочек мяса. — Могу научить! Смотри! Закупаешь макароны! Это раз! Берешь самые дешевые, потому как они развариваются! Потом покупаешь дешевый фарш! Гречку и рис бери, но понемногу! Они дорогие! Купи мешок картошки и ящик лука-морковки. Все!

— Ыыы! — ответили мне, а я тяжело вздохнула.

— Да знаю, что дешевые макароны лучше не брать! Но по-другому как? Вот объясни? — возмущалась я. — Ты цены видел? Бананы дешевле картошки! Бананы!

Костер уютно потрескивал, а я теребила его палочкой, вдыхая воскресший в памяти запах несуществующих шашлыков.

— Вот найду я этого гада! Этого Альдютера! Или Бюстгальтера! Биллиарда! Как его там Адильера! Во! Вспомнила! Надо узнать, где эта сволочь проживает, и вот тогда я ему дам! Нечего было мне жизнь портить!

Я легла на ворох листы, чувствуя, как урчит мой сытый желудок. Под голову я положила свою добычу, ревниво оберегая ее от посягательств. Ничего, сейчас уснет, а я тихонько слиняю!

Меня разбудили затемно. Я хотела умыться у ручейка, чтобы привести себя в чувство, но нигде не слышала его журчания. И лес стал каким-то другим или мне спросонья кажется? И следов костра нет! Так, а где мой мешочек с деньгами? А? Нет его! Я чувствовала, как стальная хватка держит меня за кисть, а я упираюсь изо всех сил, оставляя внушительную лыжную трассу.

— Ты куда меня тащишь! — орала я, но меня неумолимо волокли по лесу. В ночной тьме вырисовывались башни какого-то замка Да нет же! Это — не замок! Это какой-то восточный дворец! Огромное озеро, по которому плавали лебеди, красивый сад и горящие окна. Не хватает султана-нахала и слуг с опахалами!

— Так что ж ты сразу не сказал! — обрадовалась я. — Сейчас мы жалобненько прикинемся погорельцами! Авось что-то да обломится!

— Ущипните меня! — взмолилась я, пытаюсь руками освободиться от скользких от воды колец. Мне не показалось! Создавалось впечатление, что какая-то анаконда схватила мужика до пояса, а потом сломала челюсть. — Я хочу проснуться! Mamochki!

— Могу укус-с-ить! — сладко прошипели мне, сдирая с меня лохмотья и грязное платье.
— С-с-скажи куда тебя укус-с-ить

Змей улыбнулся нехорошей улыбочкой, слегка приподнимая брови, а потом показал мне язык. Раздвоенный, змеиный язык. Кажется, это — последнее, что я помню.

Глава шестая.

Добрая и обзывчивая наложница в тапки!

Требую компенсации за аморальный ущерб!

Я очнулась, завернутая в покрывало. Лениво зевая и вываливаясь на подушки, я пыталась восстановить ход событий. Акция по спасению мужчины любой мечты от огромной анаконды закончилась, если не криками: «Он — мой! Ползи отсюда, змея подкодная!», а горьким осознанием того, что бедолаге срочно нужна вторая половина. Желательно, нижняя

«Ты же мечтала встретить свою вторую половинку?» — ехидно заметил оптимизм.
«Получите — распишитесь!», — поддакнула судьба, протягивая мне листик «Отчет по желаниям Евы за прошлый квартал».

Где-то в моем подсознании профессор Франкенштейн с дьявольским смехом предоставляет мне «проектную документацию» второй половинки.

— Вам какую? — интересуется он, потирая ручки, скалясь улыбкой человека, опередившего прогресс настолько, что тот самый прогресс никак не мог догнать и наподдать ученому как следует. — Есть верхняя — человек, есть нижняя — человек. Вот!

На меня смотрела змея, переминаясь на двух крепких, волосатых мужских ногах.

— У него там погремушка есть! Вон, смотрите! Он ею как бы выражает свои эмоции. Вот сейчас вы ему нравитесь, — благодушно заметил непойманный, поэтому и не битый гений, созерцая свое детище.

— Может, штаны на него надеть? — отвернулась я, глядя на гремучую смесь и прикидывая, какой мексиканский ансамбль заберет с ногами и эм встроенной погремушкой юное шипящее дарование.

— Нельзя! Как же он тогда греметь-то будет? Вот! Видите, вы его рассердили! — вздохнул гений. — Смотрите, как он воинственно гремит! Я могу вам еще по вертикали вариант показать!

Я снова дернула головой, понимая, что задремала.

— Нда-а-а, — вздохнула я, протяжно зевая и почесывая ухо по велению задней пятки. — Тяжело ему было во дворе! Особенно, когда орали под балконом что-то вроде: «Адик! Пошли мячик попинаем! Или пошли на великах кататься!». А с балкона такое смурное лицо высовывается. «Ну хоть мячик сбрось!», — вопят под балконом. Где-то уже заботливый голос мамочки орал: «Ползи учить уроки!».

В огромной(, круглой комнате, которую с радостью арендуют для съемок очередного голливудского блокбастера «Зита, Гита, супермен и бандиты», не было почти никакой мебели, зато была куча подушек и мисочка, в которую чья-то заботливая рука крошила морковь. И предположительно даже не всю, а половинку.

Пока санаторий усиленного питания предлагал мне морковную диету, желудок настойчиво требовал что-то посуше и существенней. С разрисованных стен на меня смотрели красавицы всех мастей, томно возлежа на подушках в заманчивых позах. Одна из них застыла в танце живота, выкатив внушительный танцевальный инструмент и томно

закатив глаза.

— Значит, здесь кушали! Иногда много! Иногда вкусно! А иногда и каждый день! — горестно вздохнула я, поджав лапки и глядя на чей-то наеденный животик. — Везет тебе, Гита!

Я сглотнула слюнку, глядя на ее соседку Зиту, которая застыла с дебильной улыбкой под носом и огромным подносом, который ломился от яств. Спелый виноград соблазнительными гроздьями свешивался с посуды, огромные персики с розовыми бочками и целым арбузом заманчиво предлагали вкушать их свежести.

— Я так понимаю, что не сезон! — кивнула я на свою мисочку. Мысли о том, что после трех дней вынужденной голодовки, я, как соседский кот, с радостным криком: «Морковка!» брошусь к миске, меня воодушевили на подвиги. С такой диетой жить мне оставалось два понедельника. — Начинаем танцы голодного живота!

Мое тельце налегло на большой пуф, сдвигая его с места. Кряхтя, я толкала его в сторону двери. Дотолкав его до места назначения, мое усталое тельце обмякло. Я лежала и лениво созерцала красавиц. Так, это у нас Зита, это у нас Гита, эта у нас будет Лейла, а вон та, с оббитым носом — Гюльчатай. А как эту назовем? На подушках расположился золотой запас целой страны, стратегически прикрывающий интимные части женского тела, пока лицо сладострастно созерцало мою морковку.

— Гильгамешка, — тяжело выдохнула я, привалившись спиной к пуфу. — Отъелась на пельмешках!

Я вскарабкалась на пуф, подпрыгнула и повисла на ручке лапами, чтобы дернуть ее и шмякнуться вниз. Закрты! Ладно!

В комнате было окно. Я слетела с пуфа в подушки, чуть не отбив себе хвостик, встала на задние лапки, оперлась о стекло, заприметив маленькую щеколду, на высоте, которая казалась мне недостижимой.

— Слышишь, прокладочный магнат! Только не говори, что у тебя весь гарем на диете! — чихнула я, толкая всем тельцем пуфик в сторону окна. — Еще немного! О!

Я прицелилась и прыгнула, встав на задние лапы, и после пяти минут кряхтения сумела поддеть крючок. Окно распахнулось, а я посмотрела вниз. Подо мной на высоте трех метров был длинный балкон. Через пару мгновений вниз шлепнулась оладушком первая подушка. Следом вторая, третья, четвертая

— Скоро из черепа командоса я сделаю скворечник! Или пепельницу! Я еще не решила! — фыркнула я, отплевываясь от очередной подушки, глядя сверху вниз на «соломку», которую подстелила.

«Может, не надо?» — занервничал хвостик. «Ты это желудку объясни!», — возмутилась я, падая вниз на гору подушек, и скатываясь на пол. Через пару минут, я пришла в себя, отряхнулась, пока хвост нервничал, предвкушая неприятности. Ой! Где-то пахнет вкусеньким!

Я принялась, блаженно растекаясь в пушистую лужу, а потом пошла на запах. Приоткрытая створка окна и роскошный низкий стол, который ломился от еды, разбросанные по полу подушки и восхитительный запах, вызвали у меня приступы мучительной зависти.

— Буржуй! — вознегодовала я, вспоминая свою морковно-воздушную диету.

В комнате никого не было, поэтому я юркнула внутрь, радостно забираясь на стол.

— Мммм Виноградики! — я уже прожорливой гусеницей радостно объедала гроздь. — Ой! А это у нас что? Персик! Тьфу! Ты не очень сладкий персик! Тьфу тебя и на тебя! Соус? Ура-а-а! Ох, ничего себе! Жаркое! Одно, второе, третье! Так, это ничего так А это вполне неплохо! Следующее, пожалуйста!

Где бы лапки помыть, а то я ими по полу грязному бегала? А на нем много микробов! Мне на глаза попала чаша с чем-то смахивающим на компот. Я опустила туда

передние лапы, цивилизованно вытерла их об салфеточку, а через мгновение уже впивалась в хрустящую корочку, придерживая сочную тушку лапами.

— Кто фкафал, фто кфолик — тфафоядное? — терзала я жаркое, чувствуя, как из него течет сок. — Я — хифффник! Ефе какой!

Я случайно перевернула соус, когда пыталась отгрызть кусочек побольше. Правильно! Он мне сразу не понравился! Кисловат! Голодной чайкой я набросилась на морепродукты, сметая их с тарелки, как прожорливый экскаватор. А потом вернулась к жаркому.

Краем уха уловила голоса, которые приближались. Я честно попыталась слезть со стола, но не смогла, поэтому притаилась за огромной вазой с цветами, тихо терзая свою добычу.

— Меня интересует местонахождение Императрицы! Я прибыл по поручению Азина! — послышался незнакомый грубый голос.

— С-с-старенький маг не рис-с-скнул с-с-сам з-з-заявиться с-с-сюда? — послышалось знакомое шипение. Я выглянула из-за вазы, глядя, как на огромном мягком кресле вальяжно и лениво развалился огромный Змей, оплетая ножки стола тугими кольцами своего хвоста.

На ту сторону стола осторожно присел мужик лет сорока со шрамом на лице и недоверчиво посмотрел на весь этот гастрономический экстаз. Я сыто икнула, чувствуя тяжесть в желудке и легкость на сердце.

— Вы утверждаете, что в Лагоре ее нет? — прищурился гость, не притрагиваясь к еде. А зря! Салатик попробовать стоило!

— С-с-смотри с-с-сюда! — послышался голос, а гонец внезапно замер, медленно поворачивая голову. Я ради интереса тоже высунулась из-за вазы.

— С-с-скажешь мне вс-с-сю правду! — снова слышала я вкрадчивое шипение, хотя ничего, кроме конвульсивно подергивающегося змеиного хвоста, разглядеть не сумела.

— Эм, — как-то странно икнул гость, снова поворачивая голову. Внезапно его лицо изменилось, равнодушный взгляд уперся в стену, а руки легли на стол.

— Мне приказано узнать местонахождение Императрицы, — бесцветным голосом произнес он. — План не сработал. Императрицу должны были фиктивно выдать замуж за убийцу, переодетого нищим. Палач должен был явиться ко дворцу в назначенное время и забрать ее, отвести в лес и убить, а потом в доказательство принести ее сердце. Так всегда поступали с проклятыми королевами и принцессами. Людям говорили о том, что она вышла замуж за простолюдина и счастлива! Азин отдал приказ, чтобы я переоделся нищим и сказал страже фразу: «Во имя богов подайте на еду и кров!». Это — сигнал, чтобы меня пропустили. Когда я пришел, Императрицы уже не было в замке, буквально десять минут назад ее забрали. Азин орал, что его обманули! И теперь я разыскиваю ее, чтобы убить! Мне сказали, чтобы я без ее сердца не возвращался!

— Какая прелес-с-сть! С-с-смотри-ка! Какой любвеобильный с-с-старик, а вот ты мне уже не нравишься-с-ся! — послышался смешок, а мужик дернулся по щелчку и продолжил рассматривать стол(, как ни в чем ни бывало, пока мой хвостик поджимал мою пушистую попу, на которую свалилось столько неприятностей. Я устала на тугие кольца, которые нежно обвивают ножку столика, лаская ее и играя с ней кончиком.

— Так какова ц-ц-цель виз-з-зита? Вы так и не договорили, — вкрадчиво и вежливо заметил Адильер, развалившись и поднимая с подноса недоеденную одной пушистой гусеницей гроздь. Я видела, как он подносит ее к приоткрытому рту, как его раздвоенный язык прикасается к ягодам. От этого зрелища мне стало как-то не по себе. Гость тем временем рассказывал о том, как меня ждут(, не дождутся во дворце, как по мне рыдают, как по родной даже те, кто лишен слезных желез, как народ умоляет разыскать скорее Императрицу.

— Какая прелес-с-сть — Адильер присмотрелся к общипанным ягодам и бросил гроздь обратно на поднос. Ты главное, персик не бери. Я на нем попой сидела, чтобы вкусить из

супницы! Но его рука уже тянулась надкушенному мною персику, а я чувствовала странное блаженство в животе, глядя на то, как тугие кольца черного чешуйчатого хвоста плавно растекаются по полу. Эти плавность, хищность, легкое, едва слышное шуршание чешуек приводили меня в странное оцепенение. Мой хвост занервничал, приводя меня в чувства. — Я понимаю, что вы так просто не скажете, у вас она или нет, поэтому предлагаю вам выкупить ее! — гость сидел как на иголках, глядя на тот самый черный хвост, который полз в его сторону. Плавно, медленно и бесшумно, в то время, как его обладатель нежно поглаживал персик, глядя с едва заметной улыбкой на гостя.

— Называйте сумму! Любую! — гость краем глаза смотрел за хвостом. — Мы готовы заплатить столько, сколько вы скажете, не торгуясь!

Адильер плавно поднес персик ко рту, поглаживая его пальцем, а потом, тряхнув роскошными волосами, сочно надкусил его, словно целуя. Через секунду он скривился и полез в рот, вытаскивая что-то и рассматривая его на свету. Да, хвостик линяет, и мне пора линять. Еще один укус — поцелуй и странное причмокивание Медленное такое, вдумчивое Согласна, пушистые персики — это особый гастрономический изыск для гурманов.

— Называйте цену, — твердо потребовал гость, с опаской посматривая в бокал.

— Ц-ц-цена с-с-слишком выс-с-сока, — как-то нехорошо заметил Адильер, сплевывая что-то на пол, и кривясь. Он окунул ложку в супницу, что-то вылавливая и подозрительно рассматривая.

— Ой! — внезапно встрепенулся гость, показывая на меня пальцем аккурат в тот момент, когда я решила еще раз вкусить мясца. — Какой-то странный у вас кролик! — У вас тут кролик кролика ест

— Мы, кролики — очень дружные. Мы не бросаем друзей в беде! — огрызнулась я, дожевывая павшего сородича. — И в еде тоже! Если вам не трудно, передайте соус! Да-да! Вон тот беленький!

Дрожащая рука протянула мне вызолоченную соусницу, похожую на лампу Алладина.

— Спасибо, — прожевала я. — Нужно отдать дань памяти павшему товарищу! Иначе на том свете ему будет грустно и одиноко!

— Ш-ш-што??? — послышалось с другого конца стола, а я поняла, что мне — конец! Переполненный желудок не позволял мне даже ради приличия слезть со стола, а хвостик предчувствовал неприятности.

— Я тебе с-с-сейчас х-х-хвос-с-ст оторву! — послышалось в тот момент, когда ваза-прикрытие была перевернута, а я честно пыталась уползти от огромного черного хвоста, который сгреб меня и потащил к себе через весь стол к себе.

— То есть — занервничал гость, сопоставляя факты и искоса поглядывая на мою откормленную тушку, которую обернули вокруг себя черные кольца. — Значит, она здесь! Сколько! Говорите!

Меня положили пушистым пузиком прямо себе на тарелку.

— Недорого! Твоя жиз-з-знь — послышалось шипение, когда я попыталась уползти, но меня придержали рукой.

Через мгновение я увидела, как черные кольца метнулись к чужой шее, убийца побагровел, задрожал, пытаясь разжать тугие удавки, а потом обмяк.

— На з-з-здоровье! Прих-х-ходите ещ-щ-ще, — насмешливо прошептал Адильер, разжимая кольца и опуская тело на пол. Слуги тут же забрали труп, опасливо косясь на хозяина.

— Ты ш-ш-што ис-с-сполняешь! — взгляд желтых глаз смотрел на меня, а рука перевернула меня на спину.

— Танец живота заказывали? — поинтересовалась я, стараясь не смотреть ему в глаза и

уползти с тарелки. — Так вот, это был хоровод кишечника! В репертуаре есть еще гавот желудка и менюэт печени!

— Ш-ш-што? — меня прижали к тарелке, а я видела, как хвост ложится рядом.

— Какая гадость ваша заливная рыба! — икнула я, понимая, что хоть покушала перед смертью.

— Как ты с-с-смейш-ш-шь? — прошипели на меня, пока я смотрела в его желтые глаза, понимая, что молиться перед едой — это очень хорошая традиция.

— Компотик пить не рекомендую. Я в нем лапки мыла. И персики не ешь! Я на них сидела! — снова вяло заметила я, чувствуя сытое блаженство. — Кролик, кстати, вкусный. Но можно было бы со специями поиграться. Чего-то не хватает.

— Ты поч-ч-чему не в с-с-серале? — Адильер склонился надо мной, пока я честно пыталась дотянуться до листика салата.

— Пока не хочется, а вот пипидастр уже на подходе! — заметила я, чувствуя себя неповоротливым пушистым колобком.

— Бес-с-совес-с-сний кролик! — прошипел Змей, пока я пыталась почесаться, но попробуйте дотянуться задней лапой до уха с набитым животом!

— Любовь приходит и уходит! — заявила я, чувствуя, как его рука легла мне на горло. — А суши хочется всегда! Между прочим, мы — муж и жена, поэтому предлагаю поделить совместно нажитое имущество!

— С-с-сиди в с-с-серале и не выс-с-совывайс-с-ся! — прошипели мне, а я смотрела на его красивые губы, между которыми показался кончик раздвоенного языка.

— Когда я сижу в с-с-серале, мне кажется, что мне там вс-с-совывать будут, — обиженно заметила я. — И вообще! Как тебе можно кролика доверить? Тебе даже кактус доверить нельзя! Давай, ты сначала на кактусе потренируешься, потом перейдешь на хомячков, а вот когда процент выживаемости хомячков составит хотя бы процентов пятьдесят, тогда можно попробовать кошку. Да ш-ш-што ты мне говориш-ш-шь? — Змей приподнял брови, глядя на меня с издевкой.

— Главное — не гладить кактус против колючек! — ответила я, чувствуя его запах. Не знаю, чем он пахнет, но почему-то он пах опасностью. Хвост нервно поджался. — Итак, правила ухода за домашним любимцем!

— Мне ч-ч-что-то подс-с-сказ-з-зывает, ч-ч-что домаш-ш-ш-ний любимец-ц-ц — это немного не то с-с-слово, — его желтые глаза смотрели на меня безотрывно.

— Хорошо! Тогда дикий нелюбимец! — фыркнула я. — Правило первое. Трехразовое питание. Нет, я понимаю, на что ты намекаешь мне морковкой, но я так же намекаю, что я — грызун, а не сосун или лизун! Правило второе! Туалет! Правило третье! Кровать! Игры, купание, прогулки на свежем воздухе и так далее!

Меня взяли на руки, а я сыто икнула, чувствуя, как чужая ладонь придерживает мое прожорливое брюшко, и безвольно свисают мои тонкие лапки. Я честно пыталась ими шевелить в воздухе, имитируя двигательную активность.

Пока меня несли, я краем глаза запоминала путь. В одном зеркале отразилась смешная кроличья морда, преисполненная блаженства, а потом я увидела свое тело.

— Мне кажется, — всхлипнула я, чувствуя угрызения совести. В этот момент меня чуть не уронили.

— Нет, ну скажи честно? Я толстая или пушистая? — требовала я, глядя на пушистую мордочку с перепуганными глазами.

— Куш-ш-шай на з-з-здоровье, — прошипели мне с улыбкой. — Главное, чтобы на блюдо помес-с-стилас-с-сь.

— Чего?! — на меня из зеркала смотрел кролик с офигевшими глазами. — Лучше в гарем!

— Что-то мне подс-сказывает, что с-с-слово «гарем» нужно произ-з-нос-с-ить, как «горем», — прошипели мне. — И эта внез-з-запная догадка приходит ко мне, глядя на тебя

Меня сгрузили на подушку, ущипнув за хвост.

— А вот хвост — это обидно! — заявила я, поджимая его под себя и прячась за подушкой.
— Давай я тебя за хвост подергаю? Тебе приятно будет?

Мне ничего не ответили, а дверь гостеприимно закрылась на ключ. Я немного подремала, а когда очнулась, то увидела золотой поднос с опилками и деревянную коробочку с перинкой, чувствуя, как на глаза выступили слезы умиления.

— А гиде крышечка? — я жалобно посмотрела на ящик, оббитый изнутри бархатом. — Крышка, спрашиваю, где? Вот змей! Ничего! Сам пусть спит в коробочке и гадит в опилки!

На полу появилась мисочка побольше. Нарядная такая, с голубой каёмочкой, а в ней была капуста вперемешку с морковкой. Морковка, чтобы я лучше видела, за кого замуж выхожу, а капуста — чтобы у меня грудь росла! Все правильно! Так и надо! Я тоскливо посмотрела на Зиту, Гиту, Гюльчатай и Гильгамешку, понимая, что гарем может себе позволить только мужик с крепкими нервами! «Я — толстая!», «Мне нечего надеть!», «Я на диете!» — эти и другие этюды в исполнении женской половины — испытание не для слабонервных.

Я прислушалась, ведя ухом. Мне кажется, или я слышу знакомый голос?

— С-с-слуш-ш-шайте внимательно, — послышался негромкий голос, заставивший мой хвостик вздрогнуть. — З-з-заколотить окна в с-с-серале. До с-с-самого верха! Ес-с-сть у меня подоз-з-рение, что она допрыгнет! С-с-следующее! С-с-следите з-з-за дверью! Внимательно с-с-следите! С-с-с кроликом не раз-з-зговаривать! Я з-з-запрещаю

Жаль, я — очень коммуникабельный зверек!

— С-с-спиной к ней не поворачиватьс-с-ся! — снова прошипел голос, который я уловила краем уха.

Правильно! Судьба ко мне уже один раз повернулась спиной! С этого момента только жизнерадостные и улыбчивые лица!

— И пос-с-следнее! Моего кролика не гладить! З-з-за это я з-з-задушу любого! — послышался голос змея. — Ес-с-сли к ней х-х-хоть пальц-ц-цем прикос-с-снуться, я убью на мес-с-сте!

А что? Если меня за ушком почешут, то все? Измена? Эх! Моя задняя лапка дотянулась до уха и начала с остервенелым наслаждением чесать его.

— Да, — всхлипнула я, зажмурив глаза от удовольствия. — Я — очень одинокий кролик! Имею полное право заниматься самоудовлетворением! Ах Какая прелесть! О, да Да!

Через четверть часа дверь открылась, а ко мне опасно вошел огромный бородатый и волосатый мужик в рубахе, подозрительно поглядывая в мою сторону. Он хотел повернуться ко мне спиной, чтобы закрыть за собой дверь, но тут же вспомнил про инструкцию, изображая краба отшельника, пробирающегося вдоль стены! Отлично! Они теперь все по стеночке у меня ходить будут!

Взгляд мужика был напряженным, как у дрессировщика диких животных. «Ага! Я еще могу через палочку прыгать!», — мысленно улыбнулась я, глядя, как по вискам мужика течет холодный пот. В огромной волосатой ручище у него были зажаты доски и молоток. Молоток он держал так воинственно, словно готовясь в любой момент отразить удар. Мне кажется, что он готов был откеститься от меня молотком. Я молча следила за ним, глядя, как он сваливает доски возле окна, берет первую попавшуюся и достает длинный гвоздь. — Мяу! — робко мяукнула я, поглядывая на огромный молоток, который

приколачивал доски к стене. А что? Мы, кролики, очень игривы!

— Гав! — игриво заметила я, глядя, как мужик на меня косится. Я тут, значит, заигрываю со страшной силой, а на меня смотрят так, словно я на первом свидании потребовала справку о доходах и примерила его имя к имени будущих детей. Эх, если в шестнадцать свидания напоминали мелодраму о вечной любви, в восемнадцать — двадцать — романтическую комедию, в двадцать пять — историческую мелодраму, в двадцать восемь — собеседование, в тридцать — собеседование в крупную транснациональную корпорацию, то поговаривают, что к сорока годам это будет — битва экстрасенсов.

— Рrrrrr! — я сделала вид, что бросаюсь на него.

— А! — заорал перепуганный плотник, роняя молоток на ногу, а сверху неприбитую доску. — А!

Он прыгал, метался, орал, а потом случайно наступил на мою утреннюю морковку, поскользнулся, и в комнате снова стало светло-светло, а сломанные доски, и разбитые стекла художественно валялись вокруг расprostертого на балконе тела, которое, судя по воплям, приходило в себя. Искушение воспользоваться орущей подушкой было столь велико, что пушистый десант в моем лице решил не терять время даром, прыгая с невидимым парашютом «Авось пронесет!».

— Тебе сильно больно? Все будет хорошо! Ты будешь жить! Я точно знаю! — участливо заметила я, скатываясь с него вниз и глядя в преисполненные ужаса глаза. — Потому что ты мне фотографию родных не показывал! А вот если бы показал, то все Поминай как звали. Короче, лежи, а я за подкреплением!

Еще бы! Перед побегом не мешало бы снова подкрепиться! Я бросилась вдоль балкона, увидела приоткрытую дверь в роскошные покои, прошмыгнула мимо служанки, которая надраивала пол, а через пару мгновений неслась по коридору.

Ступеньки вели меня вниз, а я чувствовала приятный запах жаркого. С каждой секундой становилось все жарче и жарче, где-то гремели крышки от котлов, слышалась суeta, шум, гам, беготня. «Да помешивай!», — раздался грозный окрик, а следом звонкая затрещина.

Едва заслышав шаги, я юркнула в какой-то грязный, открытый мешок.

— Ну вот и последний! В золе спрятался! Ишь, шустрый! — меня схватили за уши, а я попыталась вывернуться, но чья-то рука тащила меня в сторону клетки. — Прогрызли, сволочи!

Несмотря на то, что я кричала, меня никто не слышал, зато меня внесли в огромную кладовку, в которой висели окорока, разделанная туша, стояли огромные бочки с пробками. Кто-то открыл сетчатую крышку и бросил меня на что-то мягкое. Крышка закрылась, щелкнула щеколда. Это мягкое подо мной зашевелилось, на меня уставились кролики.

— Двигайтесь! — хмуро поздоровалась я, глядя, как они смешно шевелят носами. Напротив, в такой же клетке, сидели и нервно кудавтались пестрые куры.

— От нашего стола — вашему! — мрачно заметила я, чувствуя себя, как в автобусе в час пик. Пятнистые, серенькие, беленькие, черненькие кролики встретили меня, как родную, облепив со всех сторон.

— За что сидим? — вздохнула я, осматривая пушистых сокамерников. — За капусту? Понятно! А мне просто красивой жизни захотелось! Дело притянуто за уши

Один, большой с черным пятном тут же стал меня заинтересованно обнюхивать.

— Так, молодой человек! — фыркнула я, чувствуя, как по моей голове тут же прошлась чья-то пушистая лапа. — Соблюдайте дистанцию! Не толпимся, проходим по салону! Вон, передняя площадка свободна!

В меня ткнулась чья-то морда.

— Ты кто? — прищурилась я. — Мальчик или девочка? Короче, отойди отсю Так! Кто тут у нас такой шустрый!

Я чувствовала, как на меня пытается взгромоздиться серый кролик.

— Декларацию о доходах и отходах, пожалуйста! — я лягнула его лапой, чувствуя себя мастером кунг-фу. — Я кому сказала! У меня голова болит! Я не в настроении! Пошел вон!

Мною заинтересовался еще один черный кролик, пытаюсь отогнать серого конкурента мощными ударами лап.

— Так, пошли все вон! — я сумела отползти в дальний угол, прижав хвостик к прутьям клетки, нехорошо глядя на пушистых сородичей. Меня поползли обнюхивать по шестому кругу, а я ощущала себя девушкой из рекламы антиперсперанта.

— Так! Рыжий! Ты уже третий раз нюхаешь! — возмутилась я, отодвигая его лапой. — Понюхал, дай другим! И вообще, я предлагаю сбежать! Смотрите! План прост! Мы начинаем шуметь! Они прибегают, пытаются нас успокоить, открывают крышку, а мы дружно рассыпную! Помните! Мы должны держаться вместе! Кролики своих не бросают!

Куры кудахтали, кролики чесались, а самые настырные решили снова облепить меня со всех сторон. Передо мной оказалась чья-то пушистая и блохастая попа с хвостиком, который кокетливо водил по моему носу.

— Пошел вон, блохастый! — возмутилась я, слыша, как мои сокамерники дружно сколотились в ансамбль «Блохи», предлагая мне попробовать себя в роли бас-гитариста. Пока рядом шел кастинг, я уныло смотрела сквозь прутья клетки, чувствуя, что еще немного и буду претендовать на должность солиста! — А давайте ее покачаем? Клетку? — предложила я, понимая, что возглавить пушное восстание — дело всей моей короткой жизни. То, что план, мягко говоря, так себе, и широкими и мохнатыми массажи не одобрялся, я поняла, когда один пушной засранец решил наложить мне под нос порцию шоколадных шариков.

Вместе с открытой дверью ворвались шум и суета. «Да как ты крошишь! Свиньям так крошить будешь!», — работал не понижая голоса контроль-качества. Куры заволновались, вкоча на разные лады и любопытно высовывая головы из клетки. Толстая кухарка вытерла руки о передник с жирным пятном на животе, ловко открыла клетку, занесла рябую руку над нашим ушами.

— Пожирнее бери! — крикнул кто-то с кухни, пытаюсь переорать шум.

— Идите сюда! — над нами склонилась добродушного вида лицо. — Не бойтесь!

Из нашей дружной братии вытянули рыжего, держа его за уши одной рукой и придерживая крышку клетки. На кухне кто-то что-то перевернул, поэтому слышалась такая отборная брань, что сапожники стыдливо покраснели, гопники смутились, а гробовщики закрыли уши руками.

Я пыталась что-то пискнуть, но крышка закрылась на щеколду.

— Требуй майонез! — кричала вслед я, вставая лапками на прутья клетки. Кухарка не обратила на меня никакого внимания, таща кролика в сторону кухни. — Пусть тарелка будет тебе салатом, а майонезик холмиком!

Кролики зашевелились, как ни в чем не бывало, а серый снова радостно попытался на мне жениться по залету.

— Даже не думай! Раньше надо было думать о стакане воды! — шмыгнула я, провоя взглядом ушастого везунчика и отбиваясь лапой от блохастого «ухажера». — Так, пошли все вон! А ты, пятнистый останься! Будешь греть меня! Слушай? Ты что? Больной? Что-то ты неважно выглядишь Так, все отодвинься подальше! Уголок страданий у нас там! В том конце клетки!

Дверь опять распахнулась, а на нас надвигалась та же тетка, хрустя морковкой.

— Второго надо! На две персоны ужин! — бухтела она, щелкая щеколдой. Я попыталась вылезти, но меня тут же схватили за уши. Сердце ушло в пятки.

— Так, быстро руки убрала! — заорала я, придя в себя, пытаюсь перекрыть очередной скандал на кухне.

— Нет, ты не пойдешь Мелковат! — разочарованно заметила она, бросая меня на спины товарищей. — А вот ты, беленький, как раз! Давай, не брыкайся! Ну и тяжелый ты! Отличный кролик!

И тут же так ласково, нежно добавила:

— Не бойся! Мамочка сейчас тебя погладит! Какой ты красивый! Чистенький! Мы даже лапочку красиво на блюдечко положим! Ты не переживай!

Мне кажется, или у меня большие неприятности? У меня была надежда на то, что мне удастся дотянуть до захода солнца, но пока что я карабкалась по спинам пушных собратьев, пытаюсь лапой поддеть тугую, ржавую щеколду.

Дверь снова с душераздирающим скрипом открылась, а на пороге стояла знакомая кухарка, сплевывая слово "пересолили". Позади нее маячила раскрасневшаяся девушка, утирая потное лицо фартуком.

— сбежал! Но недалеко убежал! Нашли его возле кухни! На место вернули! — зевала девушка, вытаскивая пробку из бочки и подставляя графин. — Представляешь, что было бы, если бы не нашли? Хозяин вернется через час. Все должно быть готово!

Дверь с грохотом закрылась, а я представила картинку, как в серале сидит белый кролик, радостно почесываясь и налегая на морковку и капустой, пока я пытаюсь открыть эту дурацкую щеколду. Живая стремянка подо мной норовила уползти, но я старательно сохраняла равновесие. Бесполезно! Придется ждать ночи!

На кухне послышалась беготня и крики: «Подавайте ужин!», а потом все подозрительно стихло. Я стала прислушиваться к воцарившейся тишине, а мне на ухо кто-то радостно сопел.

— Пшел вон, — оттолкнула я "сопуна" лапой. Ничего не слышно. Единственное, что у меня богатое, так это воображение, но даже оно отказалось выступать спонсором этой сцены. Я тяжело вздохнула, устраиваясь в самом верху цепи питания, сидя на спинах сородичей и изображая высокое начальство.

О! Что я слышу? Мамочки!

— Ш-ш-што?! — послышался голос, срывающийся в крик. Раздался такой грохот и звон, словно кто-то перевернул стол. — Где кролик? Нес-с-сите с-с-сюда моего кролика!

— Сейчас подадут! — я слышала спешные шаги. «Кролика!» — повторяли десятки голосов, сквозь топот ног.

— Вот! Ваш кролик! — радостно заметил кто-то. — Сегодня у нас на ужин кролик, как вы и просили. Отменный! Сервированный с лапкой! По всем правилам этикета!

— На поляне траву, — мрачно затянула я, вслушиваясь в гробовую тишину. — Зайцы в полночь косили И при этом напевали Странные слова

То, что я услышала через минуту, проще представить, чем озвучить.

— Она сбежала, мы ее вернули на место! У нас там больше нет белых кроликов! Один был, но вот он — оправдывался кто-то.

Такого грохота я точно не слышала ни разу. Мне казалось, что кто-то громит комнату. — Я вас-с-с вс-с-сех поубиваю! — слышала я задыхающийся голос. И снова грохот.

— У нас было двенадцать кроликов! Двух мы приготовили! Да, был беленький, но вот он, на вашей тарелке. А второго белого, который в комнате, мы не трогали!

Я слышала топот, который приближался, а я раздвинула сородичей, чувствуя, что

хвостик занервничал, предчувствуя такие неприятности, от которых есть все шансы, что он останется лысеньким.

— Вот! Смотрите! Вот мы все записывали! Белый был один! — усугубляли ситуацию комментарии, а я пыталась раздвинуть сородичей и залечь на дно. Дверь вылетела с петель, куры на ресепшене заволновались: «Куда-куда?», а я искренне надеялась перезимовать среди пушистых задниц.

Крышка клетки слетела, а я краем глаза посмотрела на огромную руку, которая хватает каждого кролика за уши.

— С-с-стоять на мес-с-сте! — я видела, как кролики, решившие хранить молчание, разлетались по кухне. Я слышала прерывистое дыхание, видела черные растрепанные волосы, которые ниспадали на атлетический торс. — Вы ш-ш-што? Не видите, ш-ш-што они грязные? Нес-с-сите воду!

Очередного кролика окунули в лохань, пытаюсь стереть с него черное пятно, а я стойчески молчала, глядя, как полощут моего соседа.

— С-с-сразу нет! — меня потянули за уши, окуная в лохань.

— Э-э-э! — захлебнулась я, чувствуя, как иду на погружение. Меня снова выдернули за уши, подозрительно осматривая.

— Привет! — радостно заметила я, сплевывая воду и заглядывая в желтые глаза. Почему у меня такое чувство, что у него только что insult был? Глазик вон(, до сих пор дергается. Меня схватили, прижимая к себе, пока я пыталась отряхнуться. — Я же говорила, что кролики — очень игривые животные? Вот и решила сыграть в прятки

— Я тебе с-с-сейчас-с-с хвос-с-ст оторву! Мне каж-ж-жется, что это — не я тебя проклял! — послышался задыхающийся голос, когда его рука легла мне на горло. — Я нач-чинаю подоз-з-зевать, что с-с-самое с-с-страшное проклятие — это ты! Любиш-ш-шь играть? С-с-сейчас-с-с поиграем

Глава седьмая.

Шехер из Ада

— Вы верите в любовь с первого взгляда?

— Я верю в любовь с первого гада!

— А ты не знаешь, сколько живут сволочи? — голосом невинно-убиенного кролика поинтересовалась я, понимая, что сорвать романтический ужин было делом чести! Мало ли с кем он там романтически ужинать собрался? Я не его. Я кролика ревную!

— А ш-ш-што? Ты уж-ж-же с-с-себя плох-х-хо чувс-с-ствуеш-ш-шь? — ядовито прошипели мне(, в тот момент, когда я стала задумываться, сколько живут кролики.

— Хорошо, сколько живут кролики при хорошем уходе? — тонко намекнула я, понимая, что фраза «поиграем», меня слегка озадачила.

— А куда это ты с-с-собралас-с-сь х-х-хорош-ш-шо ух-х-х-ходить? — прошипел Адильер, внося меня в темную комнату.

— Так, — я решила взять инициативу в свои руки, оглядывая при свете коридора дорогой интерьер в стиле «ара-а-абская ночь, волше-е-ебный восток-о-ок». Осталось только найти лампу Алладина, чтобы зажечь ее, чтобы не складывалось впечатление, что свет отключили за неуплату.

— Итак, — я решила взять инициативу в свои руки, понимая, что времени до заката

осталось не так много. — Я знаю много игр Как на счет футбола? Только учти, мяч придется пинать ногами Но ты можешь стоять на воротах. То есть как стоять Заляжешь шлангом, авось не попадут. Есть, конечно, вариант, что я отфутболиваю тебя и иду спать! Или ты забиваешь на меня, и я тихонько ухожу.

Адильер молчал, видимо, не одобряя идею со шлангом, а я видела, как сквозь плотные шторы, все еще пропускающие остатки дневного света, проглядывал его силуэт.

— Хорошо! Тогда волейбол! Или баскетбол! — предложила я, пока хвост предчувствовал такие неприятности, которые вряд ли переживет.

— С-с-с-транные игры, — прошипел голос, а я сидела возле закрытой двери, пытаюсь осторожно поскрести в нее лапкой, в надежде, что среди слуг есть великодушные и сердобольные люди, которым искренне жалко маленького кролика. — С-с-слово «боль», я так понимаю, там не с-с-случайно?

— Как насчет хоккея? Давай поставим тебя на полозья, примотав к санкам? Зато с тройным тулупом тебе будет попроще. А вообще, тебе отлично подойдет гольф! — нервничала я, чувствуя, как ко мне подбирается хвост. — С воротом! Или, может, в выбивного?

— Ты уж-ж-же выбила меня из-з-з равновес-с-сия, — шипел голос, Я чувствовала, как по моей мордочке провели кончиком хвоста, приводя в состояние напряженного ступора.

— Послушай! — не выдержали мои нервы. — Тебе нужна корона? Так забирай! Расколдуй меня, верни обратно в мой мир и правь себе на здоровье!

Адильер молчал, а по мне скользил кончик его хвоста, вызывая то самое сладкое чувство оцепенения. Запах опасности сводил меня с ума, заставляя сердце тревожно екать и замирать.

— Я прекрас-с-сно з-з-знаю, что ты — с-с-самоз-з-званка И никакая не принцес-с-са И могу даже открыть тебе с-с-секрет, — послышалось шипение, когда я попыталась укусить его за хвост. — Это я с-с-сделал так, чтобы император выбрал тебя И его с-с-смерть, это — тож-ж-же моих-х-х рук дело

— Если тебе нужна наложница, то я не по тем делам! Могу только в тапки и с горкой! И в душу с удовольствием! — возмутилась я, чувствуя, как его хвост играет со мной, вызывая смесь страха и какого-то необъяснимого трепета.

— Или я тебе понравилась? — уныло задала вопрос я, так и не дождавшись ответа и чувствуя, как змеиный хвост оплетает мое пушистое горло, а потом отпускает его. — Ты глаза разуй! Посмотри на меня! Вот просто посмотри правде в глаза! На кой тебе Хвост убери! Убери хвост от моего хвоста! Ты ему не нравишься! Или я тебя укушу! Мне нужен мужчина, который может дверь с ноги выбить и который твердо стоит на ногах

Еще бы! Мне еще не встречался мужик, который глядя на мои волосы скажет: «Мой любимый цвет!», а я, украдкой присмотрюсь, понимая, что цвет ему действительно нравится, и мысленно отмечу, что «мой любимый размер!».

— Пряч-ч-чься, — выдохнула мне темнота, в тот момент, когда я пыталась отследить кончик подлого хвоста, чтобы оправдать почетное звание грызуна. — Мы играем в прятки. Поэтому ты пряч-ч-чься С-с-соглас-с-сись — так намного интерес-с-сней А ш-ш-ш-чтобы было ещ-щ-ще интерес-с-сней, я с-с-скажу, что мы играем на ж-ж-желание

— На чье, простите, желание? — поинтересовалась я, почесывая задней лапкой левое ухо, которому показалось, что оно ослышалось.

— Увидиш-ш-шь, — прошипела мне темнота, опутывая меня змеиным хвостом и отпуская.

Я бросилась по комнате, понимая, что в ней нет мебели, а лишь разбросанные по мягкому полу подушки, об которые я спотыкалась, кубарем летя дальше. Когда уже солнце зайдет, и смогу задушить его голыми руками? Полумрак тревожно молчал, заставляя меня нервно прислушиваться. Я прильнула к колонне, чувствуя, как мое сердце вздрагивает. В абсолютной тишине я слышала шелест, похожий на шелест сухой

листвы, поднимаемой порывом ветра. Этот жуткий звук заставил мое перекачанное адреналином сердце колотиться с бешеной скоростью. Не думать о секундах свысока пока что получалось очень плохо. В абсолютной темноте, я с ужасом почувствовала, как по мне медленно ползет чужой хвост, вытаскивая меня из моего убежища, плавно, словно с наслаждением, оборачивая меня в несколько слоев. Я пыталась уползти, даже укусила его за кончик хвоста, но меня тащили по полу, цепляя мной подушки, чтобы осторожно уложить поверх одной из них, как раз в тот момент, когда началась болезненная трансформация, заставившая меня стиснуть зубы. Лапы вытягивались в руки, а мое тело уже не помещалось на подушку, все еще пытаюсь сжаться.

- Тиш-ш-ше, — услышала я шепот на ухо, в тот момент, когда дернулась в последний раз.
— Тиш-ш-ше, кролик

Мне на голову легла тяжелая рука, проводя по волосам, а щеку вместе с дыханием что-то пощекотало.

— Я с-с-сделал тебе больно? — слышала я вкрадчивый голос в темноте, чувствуя, как по моей ноге вверх ползет холодный хвост, вызывая смесь ужаса и оцепенения, особенно в тот момент, когда он скользнул по груди, оборачиваясь тугими кольцами.

— Так, хищный и мудрый Ад! Отпусти человеческого детёныша! — занервничала я, чувствуя, как кончик хвоста скользит по моему горлу, словно играя со мной и дразня. Он скользнул по моей щеке, заставив затаить дыхание.

— Мы играем на ж-ж-желание — повторил вкрадчивый голос близко-близко, а что-то снова пощекотало мою щеку, заставляя меня осторожно выдохнуть в тот момент, когда кольца на мне снова зашевелились. — З-з-знаеш-ш-шь поч-ч-чему ты пох-х-хож-ж-жа на кролика? Ты ц-ц-цепенеешь при виде опас-с-ности Ты с-с-сидела на троне, как оц-ц-цепеневш-ш-ший кролик, вокруг которого ш-ш-шурш-ш-шат нас-с-стоящие з-з-змеи

Я сглотнула, слыша этот страстный шепот на ухо, в тот момент, когда его раздвоенный язык снова украдкой прикоснулся ко мне, заставив шевелиться мои волосы. В кромешной темноте, все это казалось сном., Я попыталась дернуться, меня снова мягко уложили на разбросанные по полу подушки, тихо усмехаясь и проводя рукой по моему плечу, спуская мой рукав.

— Вмес-с-сто того, чтобы беж-ж-жать, — кольца сжались, в тот момент, когда я почувствовала колебание воздуха от его дыхания. — Ты з-з-застыла с-с-с короной на голове

Я почувствовала, как кольца снова поползли вниз, а моя щека ловила ветерок его дыхания в тот момент, когда я судорожно сглатывала.

— Как глупый кролик, — шептали мне, в тот момент, когда змеиные кольца оплетали мои ноги. — С-с-снимай платье, глупый кролик И будем играть дальш-ш-ше!

— А стельки тебе не отутюжить? — возмутилась я, пытаюсь вырваться.

— С-с-сделка — ес-с-сть с-с-сделка, — усмехнулись шепотом мне на ухо. — З-з-здесь вс-с-се равно темно

— Не буду! — обиделась я, пытаюсь выскользнуть из тугих колец. — Оно у меня единственное!

— С-с-странно, — прошипели мне на ухо, когда к моей щеке прикоснулась мягкая ткань, а мою руку осторожно взяли и положили поверх каких-то кружев. — Впервые ж-ж-женщ-щ-щина отказ-зывается от нового платья

— Не нужно мне новое! Это еще вполне себе, — я дернулась в сторону, чувствуя, как к моему лицу прикоснулась тонкая ткань. — Тем более от тебя! Я сама себе куплю! Когда деньги будут!

— Какая прелес-с-сть Ну ч-ч-что ж-ж-ж Играем дальш-ш-ше, — кольца на мне разжались, давая мне возможность убежать. — Пряч-ч-чься, кролик.

— И шуба у меня тоже есть! Зимой — белая, летом — серая! И все благодаря тебе! —

буркнула я, выбираясь из объятий хвоста первого и единственного мужика, который обеспечил меня шубейкой!

— Рас-с-с. Два Три Ч-ч-четыре. Пять, — слышался отсчет с насмешливым придыханием, когда я металась по огромной комнате, прикидывая, куда лучше спрятаться. В итоге я не придумала ничего лучше, чем накрыться подушками. — Я полз-з-зу ис-с-скать

Мое сердце глухим дятлом долбило грудную клетку в тот момент, когда я краем уха слышала приближающие шорохи в темноте. Убойная доза адреналина вызывала приступы головокружения, а в тот момент, когда моей пятки коснулся кончик холодного чешуйчатого хвоста, мне показалось, что я заорала так, словно меня уже доедают.

— Тиш-ш-ше, я ж-ж-ж тебя не с-с-съем, — прошептали мне, в тот момент, когда хвост скользнул по моей ноге, разворошив мое душевное убежище, разбрасывая вокруг подушки. Хвост змеи скользил по мне, заставляя вздрагивать и вспоминать тот момент, когда я своими глазами видела, как он задушил человека. Словно в насмешку, он пролез под платье, заставив меня оказывать отчаянное сопротивление, а потом обвился вокруг моей шеи, поглаживая кончиком мое лицо и губы.

— Тьфу! Ну вот что за манера такая! Ты им везде ползал, а теперь мне в рот пытаешься засунуть! — возмущалась я, отворачиваясь и пытаюсь отбиться от него руками.

— Ш-ш-што ж-ж-ж такое, — послышался шепот в темноте, а мне на шею вместо хвоста, стреножившего меня, аки ретивого коня, легла ладонь, едва касаясь моей кожи. — Ты — прос-с-сто кролик — нервотреп Ты плох-х-хо пряч-ч-чешься, а я как раз-з-з с-с-собира-с-ся дать тебе ещ-щ-ще одну подс-с-сказ-з-зку, как с-с-снять проклятие

Я ощущала его дыхание на своей щеке, чувствовала, как скользит по ногам холодный и гладкий хвост, а к шее прикасается теплая ладонь, осторожно проводя в сторону груди.

— Прекрати! — возмутилась я, пытаюсь убрать его руку, а потом почувствовала, как в миллиметре от моей щеки застыли чьи-то губы

— Ты ж-ж-же с-с-сама с-с-сказ-з-зала, что с-с-с тобой нуж-ж-жно играть Я дал тебе подс-с-сказку, — я почувствовала, как меня снова заворачивают в тугие кольца, а раздвоенный язык щекочет мне шею, протягиваясь в сторону груди, в тот момент, когда рука легла мне на щеку. — Выйдеш-ш-шь отс-с-сюда и увидиш-ш-шь А подс-с-сказ-з-зка з-з-звучит так: «Вс-с-се в твоих руках-х-х!». Дверь распахнулась. Я вскочила на ноги и пошла к выходу. Обернувшись, я увидела огромный черный хвост, который растекся по подушкам, а поверх одной из них лежал обнаженный торс, в ореоле черных, разбросанных волос. На меня смотрели с улыбкой, подложив руку под голову. Я отвернулась и вышла за дверь, уперлась взглядом в зеркало, из которого смотрело мое отражение. На мне было новое (, белоснежное платье с кружевным вырезом, а на шее сверкало драгоценностями ожерелье.

Я смотрела на платье, смотрела, как при каждом вздохе переливается всеми гранями света роскошное украшение, а потом подняла взгляд, увидев грустное, уставшее, скривившееся лицо, в обрамлении уродливо стриженных волос болотного цвет, из которых нелепо торчали белые кроличьи уши. Создавалось впечатление, что какой-то начинающий мастер фотошопа дорвался до готовых шаблонов, мечтая вклеить свое лицо везде, где есть для него дырочка.

Я скривилась еще сильнее, а потом сорвала с себя ожерелье, швыряя его в незакрытую дверь. Хватит с меня «подарков»! «А помнишь, я тебе шоколадку дарил?» — спрашивал принц на разобранном коне. «Шесть месяцев назад? Это была самая незабываемая шоколадка, потому что ты не даешь мне о ней забыть!», — я закатывала глаза. Подарок на восьмое марта в виде носков в рассказах предыдущего супруга превратился в «одел и обул любимую с ног до головы». Так что хватит с меня мужских подарков. Чтобы меня потом всю жизнь попрекали этим ожерельем и платьем? Плавали, видели. А раз не утонули, значит, дерьмо.

Я прошла в какую-то комнату, видя открытую балконную дверь. Положив руки на балюстраду, я молча дула щеки, глядя в беспросветный мрак леса.

— Эй! — послышался голос внизу. — О, это вы! Я пришел вас спасти от злого колдуна! Я

скакал три дня и три ночи

Я принялась и поняла, что портянки выехали на неделю раньше, чем сам скакун.

— Спустись ко мне, о любовь всей моей жизни! — снова послышался взволнованный голос, а внизу балкона замаячил белокурый красавец, воинственно размахивая мечом. — Я готов принести клятву вечной любви, чтобы снять злые чары!

— Пункт приема клятв работает с девяти до восьми, с перерывами на обед! — вздохнула я, поглядывая вниз.

— Вот вы шутите, а я, между прочим, преодолел столько опасностей, скакал несколько дней ради того, чтобы спасти вас! — обиделся красавец в сверкающих доспехах. — Если бы я не любил вас, то я бы никогда не стал бы рисковать своей жизнью

А что? Попытка — не пытка! Просто так рисковать жизнью, в одиночку пробираясь сюда — это как бы показатель. Тем более, что я уже не Императрица, так что меркантильного интереса ко мне быть не должно. А почему бы и нет? А вдруг его клятва снимет проклятие?

Я закусила губу, вспоминая сказки, в которых прекрасные принцы освобождают несчастных пленниц. Если я и дальше буду сидеть здесь, то навсегда останусь живой игрушкой. А вдруг — это единственная моя возможность снять проклятие? «Вс-с-се в твоих-х-х руках-х-х!» — снова услышала я призрачный шепот. Если все в моих руках, то, значит, стоит рискнуть!

Я осмотрелась по сторонам, понимая, что тут не так уж и высоко, тем более, что там есть возможность повиснуть на руках и прыгнуть вниз. Второй этаж... Максимум, что я сломаю, так это стереотипы!

Через мгновение я уже висела на балконе простыней, глядя, как внизу нервно бежит принц, в надежде меня поймать.

— Пшел вон! — орала я, понимая, что падать на голову спасителю и ломать ему шею — не самое лучшее начало операции по спасению. — Да отойди ж ты!

— Нет, я тебя поймаю на руки, о, моя любовь! — слышался голос внизу, пока я понимала, что пальцы слабеют, а падать на грудь доспехов чревато переломами доспехов, а для меня ушибом мягких тканей.

* * *

— Какая прелес-с-сть! — я смотрел в зеркало, глядя, как она висит на руках, пока принц бежит внизу. — У нее руки с-с-слабеют, с-с-слабак! Ну Выс-с-соковато. Надо подс-с-страховать.

Принц споткнулся и растянулся на траве, а она медленно опустилась вниз, изумленно оглядываясь, а потом хватая орущего принца за грудки.

— Тс! Сейчас этот шепелявый проснется! — сопела она, оглядываясь по сторонам.

— Ш-ш-што? Ш-ш-шепелявый? — я сжал хвостом подушку, глядя, как в зеркале кролик тащит принца в сторону леса. — Ш-ш-што з-з-значит «ш-ш-шепелявый»? Ах-х-х ты, маленькая з-з-зараз-за!

— Быстрее! — остервенело шипела она, конвоируя несчастного в сторону семейного счастья. — Да шевели же ногами! Где припаркован конь?

— Конь там! — заметил принц, расправляя плечи и осматривая моего кролика. — Ничего, я расколдую тебя. Моя любовь расколдует тебя! Как только мы приедем в мой замок, мы объявим бал, на котором я принесу тебе клятву вечной любви! И ты снова

станешь красавицей!

— Мне уж-ж-же с-с-страш-ш-шно, — прошептал я, глядя на то, как меняется ее лицо. — Беги, парниш-ш-ша, беги Ты ещ-щ-ще не з-з-знаешь, на ш-ш-што с-с-спос-с-собны кролики Белый конь стоял, привязанный к ветке, а при виде меня он занервничал, присматриваясь: «Ты вообще что такое?».

— Ты так страдала в плену у злого колдуна! Я подсажу тебя на коня, — меня схватили за талию и потянули вверх. Лошадка взбрыкнула, пытаясь отойти подальше. — Стой, Урген! Я приказываю! Стой смирно!

Пурген посмотрел на меня нехорошо, категорически отрицая возможность моего спасения на своей спине.

— Урген! Веди себя как подобает! Это — моя невеста! — грозно заметил принц. Было у меня предчувствие, что на нашей свадьбе, если таковая состоится, в тот момент, когда послышится: «Если кто-то против этого брака, говорите сейчас, или замолчите навеки!», послышится расстроенное конское ржание.

— Простите великодушно, — извинялся принц. — Но вам придется пойти пешком Он сегодня не в настроении!

Принц вскочил на коня, который радостно заржал, а я поплелась рядом.

— Вас как зовут? — спросил нежно принц, свешиваясь с коня.

— Ева! — ответила я, ковыляя рядом, в надежде уйти от дворца как можно дальше.

— А меня Адам! — улыбнулся принц. — Что-то мне как-то неловко! Вы идете пешком, а я на коне Давайте пойдем пешком вместе!

Он спешил, глядя на меня красивыми голубыми глазами.

— Я так рад, что спас вас Мне не терпится привести вас в свой замок! Как только я вас расколдую, мы будем жить долго и счастливо! Вы подарите мне наследника! — улыбался принц, ведя коня под уздцы, пока я собирала ветки и листья подолом платья.

— Тебе наследника как? С ленточкой или в коробочке? — поинтересовалась я, подарив ему улыбку.

— Я сразу же дам бал в вашу честь! — мечтательным голосом произнес принц. Над нами светили звезды, а ветер шелестел листвой. — Как ужасно он с вами поступил! Как только я узнал, что злой чародей проклял красавицу, то сразу же принял решение спасти ее! Кто, если не я! Неужели проклятой бедняжке придется всю жизнь томиться в башне? Пообещайте стать моей женой!

Адам упал на колено, протягивая мне руку, на безымянном пальце которого блеснуло что-то похожее на обручальное кольцо.

— Я стесняюсь спросить, — я смотрела на кольцо. — А ты точно не женат? Просто у меня закрадываются подозрения

— Вам, наверное, показалось! — Адам тут же спрятал руку за спину, а когда он ее снова вынул, на пальце красовалась вмятина.

— Так! Стоять! — я подозрительно посмотрела принца. — То есть ты хочешь сказать, что ты — женат? Уже женат?

Я так понимаю, чтобы выполнять супружеский долг, принц решил кредитнуться на стороне?

— Понимаете, моя жена была дурна собой и совершенно не умела готовить! И характер у нее скверный! — жалобно бросил Адам, тяжело вздохнув. — Она просто жизни не давала! Постоянно за мной следила, ревновала ко всем!

— Я не поняла, а почему «следила»? — я даже остановилась, нехорошо поглядывая в сторону принца. — Почему «ревновала»?

— О! Это очень грустная история! Сейчас я — не женат! — обрадовал меня принц, улыбаясь ангельской улыбкой. — Я запер ее в башне, где она проведет остаток своих дней! Так что вы не переживайте! Я люблю только вас! Мое сердце принадлежит только вам! Я соберу войско и отомщу за вас! Мы пойдем в поход! Ой, извините, в поход!

— Мне кажется, что вариант «пойти в поход» был очень близок к истине, — заметила я, вспоминая шепот в темноте, пробирающий меня до мурашек.

— Вот, смотрит, лес уже заканчивается! Сейчас мы доберемся до границы Лагора! Поверьте, со мной вы в безопасности! — мне обняли в тот момент, когда я вспоминала, как по ноге полз хвост, чувствуя, как сердце начинает нервничать.

— Это кто у нас тут? — послышался грубый и неприятный голос. — Ребята! Давайте сюда! Какая красота! Чувствую, что падишах не поскупится! Он как раз хотел пополнить гарем!

— Я? Красота? — удивилась я, глядя, как принц обнажает меч, прикрывая меня собой.

— Не подходите к ней! Я не позволю ее забрать! — воинственно закричал Адам, готовясь к бою. — Только через мой труп!

— Да кому она нужна! — прокашлялся мужик в черной накидке, кривя лицо со шрамом. Нас окружили всадники, взяв в плотное кольцо, похожее на обручальное. — Бросай меч, красавец! Падишах за тебя кучу золота вывалит!

Несколько ударов, и меч принца вылетел из рук, а его самого бросили на землю, связывая ему руки.

— А эту куда? — спросил хмурый тип, поглядывая на меня.

— Отдадим в довесок со скидкой! Пусть с помощью нее попробует постепенно перейти на женщин! Их ловить проще! — буркнул предводитель, пока я вырывалась, отчаянно сопротивляясь смене чужих вкусов.

Я почувствовала, как мне на голову надели душистый мешок, связав мои руки за спиной, рядом раздавался возмущенный голос принца: «Я — принц! Особа королевской крови! Если вы берете в меня в плен, сообщите моим родным, чтобы они могли выкупить меня!». — Хорошо! Если они заплатят за вас, то мы подумаем, продавать вас падишаху или нет, — усмехнулся кто-то, шурша бумагой. — Что писать?

— Дорогая моя, бесценная, лучезарная Аврора! — задыхался принц. — Прости меня за то, что запер тебя в башне! Я требую, чтобы тебя освободили! Немедленно! И ты заплатила за меня выкуп! В знак моего раскаяния целую твои ручки Обещаю вымолить прощения, как только вернусь! Твой принц Алан!».

Глава восьмая.

Горем

Маньяк, диктатор, садист и просто

светленький человечек

— Больше трех золотых за нее не дам! — послышался голос какого-то сгорбленного старичка, который подслеповато щурился в мою сторону. Принц Адам-Алан стоял со связанными руками, задумчиво глядя вдаль. «Она же спасет меня? Да?», — спрашивал он меня, как единственного знатока женской психологии в шаговой доступности. Мои скудные познания в этой области разводили извилинами, не желая обнадеживать того, кто дрожащими руками снова надевал на палец обручальное кольцо.

— Восемьдесят! — спорил поставщик прелестей, пытаюсь найти во мне ту самую, лучшую сторону, с которой меня было бы выгодно показать. Но я в глазах покупателя была неумолима, как карта безжизненной планеты. — Вы только посмотрите на нее! Да она — одна на миллион! Другой такой нет! Настоящая диковинка! Экзотика!

Прямо на стене чернела корявая надпись: «Привоз раз в три дня!». Под ней была прибита табличка «В долг не даем!», а под табличкой толпились красавицы. Глядя на роскошные волосы, шикарные фигуры и идеальную кожу, я почувствовала, как меня нежно обнимает матушка-природа: «Ева, послушай, я должна тебе признаться Я — не твоя мать. Ты у меня приемная!».

— Не хватает денег? Мы предлагаем вам отличные условия рассрочки! Давайте оформим документы! — подлетел к старичку какой-то разодетый мужик, уводя его к камню, к которому была прислонена дощечка: «Займы без процентов! На любые цели!».

— Акция! Берите трех — четвертая в подарок! — кричал какой-то шустрый толстячок в длинном плаще, а я смотрела на трех красивых невольниц, к которым четвертой была привязана четвертая.

— Ты как вообще оказалась в плену у этого мерзкого, подлого, алчного чудовища? — пристал Алан. — Ты поверь, любимая! Как только Аврора пришлет деньги, я тут же выкуплю тебя! Клянусь тебе!

— Оптовым покупателям скидки! — пытался перекрычать его долговязый в халате. — Пошел за одной — купил целый гарем!

— Нет, ну как тебя угораздило? — не унимался Алан, пока вокруг нас шла бойкая торговля. — Расскажи!

— Отвяжись! — буркнула я, глядя на веревку, которая нас связывает.

— Меняем старый гарем на новый гарем с доплатой! — писклявым голосом вопил дорого одетый коротышка, тыкая пальцем в унылые кучки «привидений». Меня смерили взглядом, а потом засунули в связанные руки табличку: «Товар года!». Дождавшись, когда все отвернутся, я схватила уголек, внося свои корректировки, поглядывая на продавца и вспоминая Адильера. И вот я стою и гадко улыбаюсь, прижимая к груди табличку: «Товар гада!».

— Что? Товар гада? — переспросил какой-то пузатый господин, чей наряд напоминал надрезанный арбуз. Его лениво обмахивали огромными опахалами молодые нахалы, сладострастно улыбающиеся каждой красавице.

— Одобрена ассоциацией бывших мужей! — пожала плечами я, слыша яростный торг за какую-то золотоволосую красотку. — Минздрав не рекомендует!

— А есть у вас точно такая же, но с голубыми глазами? — приценивался солидный усатый мужик в алом, критично осматривая товар со всех сторон.

— У нас есть точно такая же модель на складе? — раздался голос. — Одну минутку, сейчас посмотрят!

— А гарантию на девственниц даете? — интересовался другой покупатель в фиолетовом, потирая вспотевшую лысину. — А возврат есть?

— Смотри на кого? У красавиц, сами знаете, гарантийный срок до трех часов! — отмахнулся продавец, тыкая пальцем в табличку: «Товар, подвергшийся разврату, увы, не подлежит возврату!».

— Ну расскажи! — настаивал Алан, плотоядно осматривая целую вереницу невольниц, семенящих гуськом за счастливым покупателем такого возраста, в котором минздрав рекомендовал носить в кармане корень женьшеня и веревочку.

— Хорошо! Слушай сказку! Жила — была бедная, несчастная девочка, которую одна подлая, бессердечная змея превратила в кролика! Бедный маленький кролик страдал, пока не пришел прекрасный принц, чтобы ее освободить из жестокого и беспощадного рабства! А теперь они вместе стоят на рабовладельческой ярмарке! — огрызнулась я,

слыша, как неподалеку мужской голос рекламирует средства повышения мужской силы: «Чтобы счастлив был гарем, пей пустырник и паслен! Чтоб красавиц брать без счета — мазь змеиного помета!». В этот момент я с грустью думала о том, как бы записаться официальным поставщиком местной виагры.

К нам со всех ног, раздвигая толпу, бежал запыхавшийся гонец с огромным мешком и письмом в вытянутой руке.

— Арнора! Радость моя! Любовь моя! — всхлипнул принц, целуя обручальное кольцо и поглядывая на огромный мешок. Ему в руки сунули послание, а под ноги бросили мешок. «Это — мое!», — орали наши хозяева, пытаясь отвоевать друг у друга мешок. Один из них упал, пронзенный мечом, а его труп утащили. «Давай пополам!», — предложил один из двух оставшихся работаровцев, поигрывая окровавленным клинком. «Давай!». Они пожали руки, алчно раскрывая мешок, откуда вывалились кальсоны, протертая подушка, веревка и мыло.

- Не может быть! — закричал Алан-Адам, разворачивая письмо. «Дорогой, мой, бесценный, горячо любимый супруг Алан! Мою любовь к тебе не измерить словами, поэтому буду кратка! Я присылаю тебе теплые штаны, ибо тревожусь, как бы долгое заточение не сказалось на твоём мыслительном здоровье. Также, с нежнейшей заботой о тебе, шлю тебе мыло, чтобы ты мыл руки каждый раз перед едой, и веревку, с трепетной надеждой, что тебе удастся сбежать по ней!»

— Вот дура! — всхлипнул принц, глядя, как из мешка выпадает мыло и моток веревки. — Я же деньги просил! Деньги! А она что?

«В знак моей безмерной и всепоглощающей любви, я вышила для тебя подушечку — напоминание о том, насколько трепетно и нежно я жду твоего скорейшего возвращения. Прости, любимый, я очень плохо вышиваю шарфики, но я старалась. Еще раз с любовью, Арнора». Я смотрела на подушку, где скрупулезненько был вышит повешенный на веревке принц. Точности передачи изображения мог позавидовать даже дорогой цифровой фотоаппарат.

Мне мысленно хотелось пожать ей руку, пока принц орал, что его жена — дура, каких еще поискать нужно! Пока он уговорами пытался расширить ассортимент предлагаемых нашими продавцами услуг до пересылки почтовой корреспонденции, бандеролей и посылок, мне в руки дали табличку: «Акция!», на которую бросали заинтересованные взгляды снующие туда-сюда покупатели. Снова выждав момент, я молча подняла уголек, а потом мило улыбалась потенциальным покупателям, сжимая в руках: «Бревно. Акация».

— Слуги падишаха будут здесь в полночь! — перешептывались работаровцы, а через минут десять появились разодетые во все цвета радуги господа, перед которыми все учтиво кланялись.

— Красавицы со всех земель! — подбежал к ним, кланяясь почти до земли, толстяк в халате. — Для постоянных клиентов огромные скидки!

— Женский гарем падишаха уже переполнен! — отмахнулся бородатый, напыщенный мужик, критично осматривая товар.

— Так для себя возьмите! Рекомендую! Я сам такой пользуюсь! — не унимался толстяк, — подводя к ним роскошную брюнетку, которая томно подняла глаза, сладострастно улыбаясь.

— У нас бюджет ограничен! Нам еще трех кур купить нужно! — встрял в разговор еще один слуга в зеленом, тыкая в лицо списком.

Они чинно шли, пока не остановили взгляд на принце. Через пару мгновений торг шел до тахикардии.

— Они меня выкупят! — обрадовался Алан. — Как благородно! Как только я снова раздобуду коня и меч, я тут же освобожу тебя!

— Буду ждать, как своей очереди в туалет! — обнадежила я, поглядывая на вышитую подушечку, а потом на радостное лицо красавца.

— Чего? — напрягся принц.

— С нетерпением! — пояснила я. Арнора, можешь не благодарить! В следующий раз, дорогие королевы, принцессы и так далее, зашивайте в трусы своих принцев — освободителей пару «Рафаэллок» для меня.

— А вот и подарок! От нас! — меня подтолкнули к покупателям, которые всем видом показывали, что подарки им не нужны. Принца отвязывали, а он разминал затекшие руки, пока продавцы пересчитывали деньги.

— Красивый получится евнух! — согласился один из слуг, осматривая принца. — Падишах любит, когда его красавиц охраняют красивые евнухи!

— А что такое «евнух»? — поинтересовался Алан, глядя с сожалением на мои связанные руки и ноги.

— Вот как бы тебе сказать? Сериал «Династия» оборвется на самой интересной серии — вздохнула я, глядя как принц смотрит на меня с непониманием. — Хорошо, скажем проще. У тебя уже не на что будет посылать. Опять не понял? Попробуем иначе. Весна, грустный котик смотрит в окошечко и понимает, что на улицу уже не хочется! Выражение «оторви и выбрось» тебе ничего не говорит?

— Ты можешь нормально сказать? — возмутился принц. — Что ж такое! Почему мне всегда какие-то дуры попадаются! Ни денег прислать, ни сказать нормально! Вечно несут какой-то бред непонятный! Думал, хоть одна умная, но нет! И тут мозгов, как у у кролика!

— Что поделать, — вздохнула я с улыбкой, понимая, что после этой процедуры порадовать жену и любовницу чем-то кроме «Рафаэллок» он вряд ли сможет. Но есть и хорошая новость. Теперь конфеток в трусы поместится в два раза больше! — Не переживай! До свадьбы заживет!

Ко мне тут же прислонили оставшуюся после принца подушечку, дали в руки табличку «Пока вас нет дома — вышивает!». Я чуть не прослезилась, глядя на новое конкурентное преимущество. За спиной слышался звон монет, которые старательно пересчитывали еще раз, а я уже вносила свои корректировки в рекламную компанию. «Пока вас нет дома — вышивает по городу неизвестно с кем!» — радовала я покупателей, а потом расположилась на предложенной подушечке. Ночь была звездной, вокруг горели факелы, освещая роскошные волосы красавиц, которые сами просились в гаремы. Мимо нас прошел мужик с табличкой: «Куплю гарем б/у». Я честно ждала рассвета, чтобы в нужный момент выбраться из пут. Ничего-ничего! Будем тянуть время!

— Берите! — уговаривал один из продавцов, показывая рукой в мою сторону. — Забирайте! Отдадим подешевле! Вы какую жену подыскиваете? Третью? Не целованную? Мужчину ни разу в глаза не видевшую? Ну вот и отлично! Как раз то, что вам нужно! — Ты у меня четвертым будешь! Это из тех, которых я помню, — ласково заметила я, глядя, как седой потенциальный покупатель ускоряет шаг, стараясь не оглядываться.

Я стояла, чувствуя неприятный привкус кляпа во рту, сверху на меня накинули какое-то дырявое покрывало.

— Беспроигрышная лотерея! — кричали рядом. — Здесь выбираешь — дома открываешь!

Я посмотрела сквозь щель в блестящий щит Алана на группу в покрывалах, среди которой радостно торчали заячьи уши. Я искренне надеялась, что дотяну до того самого момента, когда первый луч солнца подарит мне шанс на свободу.

— Пятсот золотых! — кричал кто-то, а я с какой-то грустной женской завистью смотрела сквозь щель на то, как сладострастная красавица одной улыбкой взвинчивает цену до тысячи, а ее тут же принимают руки изумительного красавца, разодетого в шелка и бархат. В последний раз я чувствовала нечто подобное на встрече одноклассников, глядя, как из роскошных машин выходят дорого одетые красавицы, а ты прячешь свои старенькие сапоги, ужасаясь ценам в меню. И так и хочется сказать: «Зато у меня по любви!», а потом читаешь смс-ку: «Прости, малыш, забрать не могу. Бенза мало! Заправляться лень!», и понимаешь, что лучше промолчать.

— Если не продадим, придется убить! — слышался разговор, для моих ушей явно не предназначенный. Главное — дотянуть до утра!

— Не может быть! — слышался голос. — Покажите-ка вот эту с ушами!

С меня сдернули покрывало, но клеп предусмотрительно не вытащили, опасаясь спугнуть потенциальных покупателей. На меня смотрела целая делегация, разодетая с такой роскошью, что слуги падишаха завистливо шмыгали носом.

— Какая красавица! — громко восхитился красавец-мужчина, прикладывая руку к расшитой золотом и драгоценными камнями груди. — Нет, вы когда-нибудь видели такую редкую красоту?

— Невероятно! — восхитились остальные. — Такой редкий товар! Вы только взгляните, какие у нее глаза! Два чистейших бриллианта в десять карат!

Я сузила глаза до трех карат, глядя на них как на сумасшедших.

— А волосы! Какой редкий цвет! Прямо, как у наяды! А эти уши! Да она — просто прелесть! Понятно, почему вы ее прячете под покрывалом! — воскликнул еще один молодой и симпатичный, всплеснув руками, униженными перстнями. — Воистину, такой красавицы здесь еще никогда не выставляли! А какие у нее плечи!

К нам стали медленно подходить другие покупатели, осматривая меня со всех сторон и соглашаясь, что да, действительно.

— Пятьсот золотых за это сокровище! Никогда еще не видел более красивой женщины! — заявил первый красавец, доставая тугой кошель.

— Пятьсот двадцать! — перебил кто-то из новоприбывших.

— Шестьсот! — слышался голос, а на меня уже ревниво повернули голову красавицы, которых слегка стали обделять вниманием.

— Семьсот! — настаивал тот самый старик, которому предлагали кредит. — За эту красавицу и семьсот не жалко!

— Восемьсот! — кричал кто-то с задних рядов, трясая мешком золота, пока я пыталась понять, что вообще происходит. При слове «тысяча» в обморок упала какая-то красавица с соседнего «прилавка». А когда слышалось «три тысячи», старик побежал кредитоваться, наскоро подписывая на камне договор, чтобы сразу же выкрикнуть: «Три пятьсот!».

Прибежала делегация падишаха, пытаясь протолкнуться.

— Три девятьсот! — повизгивал толстяк.

— У нас в женском гареме мест нет! — дергал его кто-то, тот он кричал, что для такой красавицы, как я, место найдется всегда!

— Двадцать тысяч! — заметили первые покупатели, а все с досадой сопели. Старик даже швырнул на пол договор. Позади меня что-то упало. Я видела, как один работороговец приводит в чувство другого. — Двадцать тысяч за эту красавицу!

— Дэ-дэ-двадцать ты-ты-тысяч раз, — сглотнул, осматриваясь по сторонам человек, который завтра проснется олигархом. — Два Три! Продано! Продано за двадцать тысяч! Вы здесь будете или вам с собой?

Сначала я не верила, видя, как огромный мешок золота перекочевал в алчные и трясущиеся руки, а меня тут же отдали покупателю.

— Хозяин будет рад такой красавице! Он так и сказал, что как только увидите красавицу, берите! Не важно, сколько за нее просят! — нахваливали меня, надевая на глаза черную повязку. — Если бы мы упустили такой шанс, и ее купил бы кто-то другой, то он бы нас казнил!

Все с вами понятно. Я так понимаю, что новый хозяин — тиран, извращенец и просто

светленький человечек.

— Вот! Возвращаю ваши деньги! Не понадобились! — слышался скрипучий голос старикана. — Сколько? Да это же грабеж! Я их всего пару мгновений в руках держал! Какие проценты? О чем вы?

Меня куда-то везли, потом несли, как ковер, а когда с моих глаз содрали повязку, я очутилась в роскошной комнате с зеркалами. На меня тут попытались надеть роскошное платье, кружась вокруг меня, как детки вокруг елочки. — Какая красавица! — вздыхали они, езда мне по ушам расческой. Я молча вслушивалась в голоса, нехорошо улыбаясь своему отражению. На меня надели ожерелье, серьги, которые я решила не снимать. Мало ли, вдруг пригодятся? При свете оплывших свечей на меня смотрело зеленоволосое недоразумение в роскошном алом платье. То, что зеленый очень сочетается с красным — знает каждый ребенок, наобум вытаскивая карандаши из коробки.

— Хозяин ждет вас! — вежливо заметили мне, снова осыпая комплиментами.

Меня молча вели по коридору к приоткрытой двери, а я уже предвкушала незабываемую ночь.

— Он у нас сказки любит, — прошептала служанка, закрывая за мной дверь.

— Значит, сказки, да? Хорошо! — с порога начала, глядя на полумрак. — Жила-была одна бессердечная, подлая, наглая змея, которая заколдовала бедного маленького кролика!

— И ш-ш-шепелявая, не з-з-забывай, — послышалось со стороны подушек. — Бес-с-сердечная и ш-ш-шепелявая Ш-ш-што з-з-замолч-ч-чала? Рас-с-сказ-з-з-зывай дальш-ш-ше про нес-с-счас-с-стного кролика и ш-ш-шепелявого и бес-с-сердечного з-з-змея Рас-с-сказ-з-з-ывай, или я тебя с-с-съем

— с-с-сказал кролик, уточняя как можно снять проклятие, — вздохнула я, на всякий случай (, нащупывая ручку двери. — Прямо так и сказал! «Рассказывай, или я тебя съем!». Это как бы была угроза Еще бы! Кролик был настроен очень решительно!

— С-с-странная с-с-сказка получае-с-ся, — прошипел голос их темноты, а я видела, как на границе света и тьмы струятся черные кольца его хвоста, вызывая странное чувство в животе.

— Странная сказка получается, — заметил кролик, напряженно сидя в кустах. — Не нужно было есть целиком! Нужно было есть по частям! Мораль сказки такова! Пролезла голова — пролезет все! — закончила я, рывком пытаюсь открыть предусмотрительно и заботливо закрытую дверь.

— И жил долго и счастливо! Вот и сказочке конец, а кто скушал — молодец! — закончила я мою короткую и очень содержательную сказку, налегая на дверь при виде черного хвоста, который устремляется в мою сторону.

— Я ж-ж-же прос-с-сил с-с-сказ-з-зку, — сладко прошипели из темноты. — Ты ж-ж-же такую з-з-замеч-ч-чательную с-с-сказку рас-с-сказ-з-зывала принц-ц-цу Ж-ж-жалос-с-стливую А я х-х-хоч-ч-чу эротич-ч-ческую С-с-с-страс-с-стную

Я смотрела, как к моим ногам подбирается из темноты черный змеиный хвост. В тот момент, когда он попытался ухватить меня за ногу, я успела поднять ее, шарахнувшись в сторону и глядя, как хвост мгновенно распрямился, игриво вильнул, снова направляясь в мою сторону. Я даже приподняла юбку, поджидая удобного момента.

— Ну, — слышалось из темноты. — Я ж-ж-жду с-с-вою с-с-сказку Мож-ж-жно эротич-ч-ческую Она была бы оч-ч-чень умес-с-сна в с-с-свете «ш-ш-шепелявого» з-з-змея!

Добрая Шехерезада мысленно металась между колобком и курочкой рябой. На горизонте брезжила «Репка» и шесть сезонов очередного сериала.

— Короче, слушай! — уцепилась я всеми сюжетами за возможность. Через десять минут (мне хотелось ткнуть его палочкой, чтобы проверить, жив он или нет, потому что

признаков жизни Змей не подавал с того момента, как я демонстрировала на себе рукой (, принципы большой любви представителей инопланетных цивилизаций к нашим тепленьким телам. Моя рука изображала Чужого, а я скакала по подушкам, отстреливаясь и вызывая подкрепление.

— Пристрелите меня, — хриплым голосом стонала Шехерезада, мысленно проверяя, не овдовел ли там гарем? — Я не хочу так жить Тыдыдыдыдыщ!

Я не выдержала, робко поинтересовавшись, когда гарему скидываться на похороны. В этот момент мне очень хотелось, чтобы у него был гарем, ибо лично я такие расходы не потяну.

— Продолж-ж-жай, — слышался тихий голос, а я снова яростно отстреливалась от наступающих врагов из невидимого бластера, и имитируя, как на меня прыгает чужой с целью отложить в меня опасную личинку, пока я в ужасе откладываю другую, безопасную, пытаюсь содрать его со своего лица.

Я показывала, как шустрые инопланетяне бегут за теми, кто передумал вступать с ними в вожделенный со времен покорения космоса, контакт, а потом споткнулась о хвост и тут же вместо падения почувствовала, как меня держит хвост, осторожно ставя на ноги. Эротическая сказка продолжалась, а я вошла в азарт, показывая, как они набрасываются из темноты.

— А!!! — демонстрировала я весь интригующий процесс размножения дружелюбных инопланетян.

— А! — слышалось из темноты, пока я решительно показывала свое нежелание стать мамой, срывая с лица невидимого отца.

Я замерла, глядя на свою ногу, которая радостно придавливала чужой хвост.

— Прощай, жестокий мир, — я осторожно убрала ногу с хвоста, понимая, что добежать до двери не успею. Хвост обиженно исчез в темноте. — Извини. Сильно отдавила? Я случайно

Я уже предложила подуть на хвост, помазать его зеленкой и даже сделать клизму, чтобы хоть как-то отвлечься от невыносимой боли. Мне действительно было неловко, поэтому я сделала шаг в сторону темноты. — Надеюсь, не сломала? — осторожно поинтересовалась я, чувствуя, как замирает от ужаса мое сердце. Я прислушалась. Вроде еще дышит, — Ты там в порядке?

Я сделала еще один шаг к границе темноты, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Вот только не говори, что у тебя там было сердце, а ты лежишь трупом! — нервничала я, делая еще один шаг и пытаюсь рассмотреть масштабы трагедии. — Не молчи, пожалуйста! Ну давай его привяжем к палочке, чтобы он нормально сросся!

Я почти подобралась к границе темноты, чувствуя, как сердце начинает биться через раз. Внезапно из темноты на меня бросился хвост, заставив взвизгнуть, и утащил во тьму.

— Т-т-ты — задыхалась я, чувствуя, как лежу на подушках, обвитая вокруг талии. На моей щеке лежала рука, которая плавно поглаживала меня. — Д-д-да у меня ч-ч-чуть с-с-сердце не разорвалось! Т-т-ты что т-т-творишь

Я все еще не могла прийти в себя, чувствуя, как трясутся мои руки.

— Тиш-ш-ше, кролик, тиш-ш-ше, — слышала я шепот, а меня прижали к груди. — Я пош-ш-шутил Вс-с-се, вс-с-се Как ты догадалас-с-сь, ч-ч-что тебя привез-з-зли обратно Я с-с-спец-ц-циально поменял комнату

— После слов: «Шо? Опять она? За что!!! Это страшное ушастое недоразумение! Да она же страшилката! Вы только взгляните на нее! Да она страшная, реально страшная! Что он в ней нашел?» сложно было догадаться! — горько ответила я, успокаиваясь и отстраняясь подальше, вспоминая, как краем уха слышала далекий разговор, который состоялся тогда, когда меня одевали.

— Кто пос-с-смел? Где ты это с-с-слышала? — его голос не предвещал ничего хорошего.

— Да ладно тебе. Давай без вот этого ненужного пафоса! — усмехнулась я, сбрасывая с себя кольца. — Я и так это знаю! Что уж тут скрывать! То же мне секрет! Ладно, я пойду, вздремну

— Ты х-х-хочеш-ш-шь уйти? — послышался голос, когда я перешагнула границу темноты.

— Хочу, — вздохнула я, понимая, что до рассвета остались считанные минуты. — Просить тебя расколдовать — бессмысленно, так что, открывай дверь. Я чертовски устала

— Я вс-с-се ещ-щ-ще не прос-с-стил тебе «ш-ш-шепелявого», — послышался голос, когда я положила руку на ручку двери, чувствуя, с какой легкостью она открывается. — Поэтому каж-ж-ждуя ноч-ч-чь ты будеш-ш-шь рас-с-с-сказывать мне эротич-ч-ческую с-с-сказку Или ты рас-с-сказываеш-ш-шь мне с-с-сказку, или я ее показ-з-ываю

Нет, ну а что? Выкуси, Шехерезада. У тебя никогда не было в семье машины, аврала на работе, чуткого руководства! Ничего, хочет эротики — получит!

Глава девятая.

Сказки без смазки

Милый, разорви меня конем на площади,

променяй на ярмарке на валенки,

или хотя бы за ушко укуси

Моя пушистая попа покоилась на подушечке, а край уха внимательно прислушивался: «Правила меняются! К кролику с-с-спиной не поворач-ч-чиваться-с-ся. В комнату к кролику з-з-заходить по двое!».

Ну, правильно, один не справится! Мало ли! Я даже почесала ухо от переживаний и проверила хвост, поглядывая на запертую снаружи дверь.

— Новое правило. Еще одна критика в адрес-с-с ее внешности — с-с-смерть! — прошипел разъяренный голос.

Я заглянула в эмалированный поднос и вздохнула: «Кто самый красивый кролик на свете? Мы — самый красивый кролик на свете!». Пока еще «на свете», а вот судя по анонсу сказок, есть вероятность, что «на змее». Хвостик вспомнил тугие кольца, ласковый шепот и заволновался.

Сегодня с утра, я, как почетная наложница в душу и тапки, обнаружила лоточек с опилками, которые напомнили мне о том, что у хорошего мужика настроение поднимается даже при виде скворечника, дырки в заборе и дупла. Зато мне чинно принесли золотое блюдо, на котором лежало наливное яблочко. «Катись-катись яблочко, по золотой тарелочке, желательно вместе с местными диетологами, в сторону грязную, мною указанную!», — катала его лапкой я, бросая задумчивые взгляды на закрытую дверь. Вот не могу понять, это они меня прячут, или как бы локализируют для того, чтобы спать спокойно?

Я прислушалась, услышав негромкие голоса вдалеке. Так!

— Все, как хозяин приказал! — рапортовал кто-то. — Принесли новую коробочку и поднос. Думаю, что кролик счастлив!

Ага! Столько счастья привалило, что в хвост его пихать! Сейчас я приваляю вам благодарность прямо в опилки!

— Ключ где? — уточнил строгий голос, чем-то грюкая. — Ключ от серали или сераля? Как правильно?

Спрашивается, серали мне тут Ой! Мое ухо напряглось.

— Кажется, в двери оставил! — занервничал голос, а мой унылый взгляд посмотрел на наглухо забитое окно и нижнюю дверную щель. Ничего! Мы покушали, отдохнули, а теперь самое время тихо разводиться! Мы, кролики, очень любим разводиться!

— Так пойд и забери его! Не хватало, чтобы хозяин увидел! — рявкнул кто-то, а я уже пихала свою коробку в сторону двери, пытаюсь поставить ее ребром. У меня тут не только коробка, у меня тут вопрос ребром стоит! На мне эротические сказки показывать собираются! При мысли об этом хвост начинал так переживать, предчувствуя, что тоже станет неотъемлемым участником процесса. Под дверную щель я протолкнула в коридор поднос с опилками, поставив его аккуратно под замочной скважиной.

Зубами я оторвала от доски длинную острую щепку, запрыгнула на свой ящик, прицеливаясь щепкой в замочную скважину и пытаюсь вытолкнуть ключ.

— Поди, принеси, — бухтел голос, который я краем уха отслеживала. — Достали! Мог бы и сам пойти и принести! Вечно мне все нужно делать!

Я стояла на задних лапах, покачиваясь на ящике, держала в зубах лучину, пытаюсь попасть в дырку. Есть! Я толкала, что есть силы, а потом услышала, как что-то упало в опилки. Тут же соскочив вниз, я потянула на себя поднос, глядя, как в опилках блестит заветный ключ.

— Жапашной план к жапашному плану! — чихнула я, пряча ключ в красную подушку, а жадный пушистый хвост грел мою маленькую сокровищницу. Если что — я — дракон. Просто маленький и пушистый.

Возле двери послышались шаги, кто-то подергал ручку, задумчиво произнося: «Может, в карман положил? Или на кухне оставил?».

— Помогите! — жалобно всхлипнула я, прислушиваясь к воцарившейся на секунду тишине. — Мне плохо!

Я отчетливо слышала, как сбегали по лестнице чьи-то ноги. Как раздались крики: «Где ключ? Никто не видел ключ?».. С каждым вопросом топот усиливался, превращаясь в целое стадо, которое бежит по дворцу в поисках ключа «пока хозяин не вернулся». Я — слегка злопамятный кролик.

Пока дружные стада мигрировали по дворцу в поисках ключа и свидетелей его наличия, ужасаясь тому факту, что это был единственный ключ, я терпеливо ждала, когда один змей будет выбивать собственную дверь с ноги, чтобы узнать радостную новость о том, что я уже покушала.

Для усиления эффекта, я добавила пару всхлипов, а через пять минут выноса мозга озверевшие слуги вынесли дверь. Я чинно дожидалась того момента, когда единственная преграда, разделяющая меня между «домашним» и «диким» будет снесена, а потом, краем глаза наблюдая, как целая делегация, на лицах которых читалось: «мы тут по большей части, чтобы добить!», влетает в комнату, пулей вылетаю в открытую до следующего ремонта дверь.

— Ловите ее! — орала толпа позади меня, а я искренне полагала, что физкультура полезна всем, даже толстой запыхавшейся кухарке.

— Осторожней! Ваза! — звон осколков, намекал на то, что не все, кто плотно сидел на хвосте, были готовы к такому повороту.

- Осторожней! Зеркало! Не разбейте! — орал позади меня, пока я радостно чесала за ушком. А вот нечего было языком чесать! Кто вам давал право критиковать мою внешность?

Треснувшее зеркало валялось на полу, а смурные лица намекали, что это — очень плохая примета. Судя по местным суевериям — это к смерти! Еще бы! Это было одно из

любимых зеркал хозяина!

— Вот! Новый поворот! И народ ревет! Что он там снесет? Столик и комод? В хвостик или в рот? Хозяин их найдет! За поворот! — подбадривала я местный персонал. Судя по сноровке, с физкультурой они были на «вы», изредка кивая ей и переходя на другую сторону дороги.

У меня на хвосте сидело человек пятнадцать, проклинаящих меня и мое шило, на котором держится хвост.

— А я, может, по хозяину, скучаю! Я — очень одинокий кролик! Если кролика никто не чешет, значит, кролик отсюда чешет! — гаденько заметила я, глядя, как меня пытаются загнать в угол, с целью почесать меня руками, ногами и другими подручными предметами как следует! Особенно, меня вдохновляла швабра, специально задуманная для моего почесания!

— Мне неудобно! — раздался голос того самого заросшего и уже оправившегося от пробного полета «человека-мотылька», однажды попытавшегося взлететь после игры «кто сказал «мяу?». Я замерла от ужаса, видя, как этот заросший мужик превращается в змею! Точнее, в полузмею. Его серые кольца струились по полу, а одно из них устремилось в мою сторону.

— Хозяин не разрешал! — взмолились другие. — Нам нельзя при ней превращаться! Ты что творишь?

Вижу, как на него зашипел оставшийся гадючник, а я дернулась в сторону открытого окна, в надежде, что чудеса на этом не закончились, и мне удастся превратиться в птичку. Хлопай ушами и взлетай! Птичка радостно и болюстно? приземлилась на хвост в густую траву, а потом стремглав бросилась в сторону леса. Где-то мне грустно махали киви и страус, намекая, что рожденный бегать, летает только после пинка!

Я мчалась среди деревьев, в надежде, что хвост оторвался. И надеюсь, что не мой! Не разбирая дороги, я летела пушистой пулей, минуя кусты и заросли, пока не выдохлась, требуя, чтобы сердце из пяток переползло обратно, в отведенное природой место. Листики шуршали, веточки скрипели, кролик выдыхал А чем это так вкусно пахнет? Я принялась, пытаюсь понять, откуда в этом лесу запах шашлыков? Меня, значит, на шашлыки не водили! Ветер изменился, а запах стал ярче, пленительней, заставив взбодриться и пошевелить усами.

— Ничего! — послышалось суровое вдалеке. — Принц Эрек победит злого чародея и освободит прекрасную пленницу! Только нужно быть начеку! Он — не то, чем кажется! Стрелять нужно во все подозрительное!

Надеюсь, что кролик, который уже плотно подсел на собратов, и который вот прямо сейчас за широкой спиной мужественного героя — освободителя, хомячит шашлык из другого кролика, откусывая кусок хлеба и запивая из прогрызенного бурдюка с водой, не покажется принцу подозрительным.

Принц нервно расхаживал по поляне, тренируясь внезапно и эффектно вынимать стрелу. Короткие (, каштановые волосы, стриженные под горшок, мужественно развевались на ветру, а подозрительный взгляд голубых глаз сканировал окрестности.

— Ничего, мучитель! Я до тебя доберусь! Именно прекрасная пленница принесет мне корону! Кхе! Прекрасная Им! Ой, точнее, незнакомка! Я — принц Эрек, покорнейше прошу вас стать моей законной супругой! Мое сердце принадлежит только вам!

А что? Другие любовно — важные органы — национальное достояние? Или, так сказать, культурное наследие отдельно взятого королевства? Уточните этот вопрос, пожалуйста!

— Я уничтожу тебя, злой чародей! Нет, не так! — репетировал принц, пафосно прикладывая стрелу. — Я пронзю тебя насквозь, злой чародей.

Какая прелесть! С луком и с яйцами!

— Твои злые чары спадут! — мужественно заявил Эрек дереву, прицеливаясь в него (, и поправляя штаны, чтобы они не спали вместе с чарами. — И твоя несчастная пленница

будет свободна!

Как сопля в полете! Пирожок с мясом — так себе! С яйцами и луком был вкуснее! Я тут все пирожки надгрызла.

— Трепещи! Умоляй меня о пощаде! — неизвестно кому заявил принц, надменно вскидывая голову. Как приятно застать генеральную репетицию собственного спасения. Нет, ну а что? Звучит мужественно! Я бы даже сказала ого-го! — Я спасу тебя! Во имя великой любви! Я принесу тебе клятву в вечной, искренней любви! О, трепещи, зло! О, моли меня о пощаде! Ибо за все твои злодеяния ты будешь наказан суровой рукой справедливости! Твоя магия тебя не спасет! Моя стрела пронзит тебя насквозь! Моли о пощаде, подлый колдун!

Эрек тут же упал на колени, целуя воздух и протягивая руку. Он даже потренировался складывать губы.

— О, ты так прекрасна! Я никогда не видел такой красавицы! Твоя любовь, как стрела — пронзила мое сердце! — вздохнул принц, прикрывая в любовном экстазе глаза и прижимая руку к тому месту, которое тоже можно назвать мужским сердцем с большой-большой натяжкой.

Я все понимаю, но прямое попадание стрелы в «мужское сердце» навсегда лишит несчастную пленницу маленьких женских радостей. — Может, ей рассказать о том, как отец предложил мне и братьям выбрать невесту? Братья стреляли по бабам, а я — в холостую! — принц сдул прядь волос с мужественного и вспотевшего от переживаний лица, рассуждая вслух. — И все ради этой встречи! Ах, как я мечтаю ее увидеть! Вот братья умрут от зависти! Я спасу тебя! Во имя великой любви! Я принесу тебе клятву в вечной, искренней любви! О, трепещи, зло! О, моли меня о пощаде! Ибо за все твои злодеяния ты будешь наказан суровой рукой справедливости! Как там дальше? Трепещи моли наказан Что там дальше? Забыл!!!

Куда делся настоящий мужик? И откуда, позвольте спросить, взялась эта тряпочка? В пафосном экстазе принц посмотрел на меня, а я застыла, глядя на него так приветливо, как только могу!

— Твоя магия тебя не спасет! Моя стрела пронзит тебя насквозь! Моли о пощаде, подлый колдун! — подсказала я, глядя на надкусанные пирожки, которые моя лапка пыталась прикрыть тряпкой. — Вы продолжайте, продолжайте

— Это он!!! Не то, чем кажется!!! — прошептал встрепенувшийся принц и тут же вскинул трясущимися руками лук, направляя в меня стрелу. — Злой чародей! Я тебя узнал!

— Ты ошибаешься! — заметила я, но тут же поняла, что нужно бежать. «Дзень!» — пропела тетива, «вжух!» — пронеслась стрела, впиваясь острым кончиком в упавшее дерево, за которым я пыталась перевести дух.

— Я — не злой чародей! — пискнула я, чувствуя, что боевая единица мозговывоспитательной техники, ловко следует за мной. — Я — и есть прекрасная пленница!

— Ты меня не обманешь, колдун! Прекрасная пленница сидит в высокой башне и ждет, когда ее спасут! — запыхался принц, мчась за мной и умудряясь посылать стрелу за стрелой. Спасибо, дорогие стереотипы! Земной поклон вам!

Тетива снова пропела смертельную песню, а я успела спрятаться за дерево, переводя дух.

— Ты где, трусливое зло? — цедил Эрек сквозь зубы, а я слышала, как он крадется, шурша листвой и хрустя сучьями. — Отвечай!

Ага, прямо взяла и скинула герою на телефон точные координаты!

— Не молчи, чудовище! Я сразу узнал тебя! Ты — оборотень! — цедил принц, прижимаясь к дереву и снова прилаживая стрелу. Его взгляд рыскал по окрестностям, пытаясь вычислить обитель «зла». — Ты — жестокий и подлый оборотень!! Я влюблен в

твою прекрасную пленницу, так что ты должен умереть!

Вот она — великая любовь. Не завидуйте!

— Я все про тебя знаю! — с апломбом заметил принц, пристреливаясь к дуплу.

Ничего себе! Значит, мои ночные нервные набег на холодильник и трусы с лифчиком из разных наборов не станут для него неожиданностью? И про верх от купальника, который однажды унесло в бушующее море, он тоже в курсе? Анамнез детских болезней ему тоже, видимо, рассказывать не надо! Вот только пусть попробует сказать, что не знает, когда у меня день рождения, какой размер ноги и одежды и не угадает с размером кольца!

— Выходи, сразись со мной, чудовище! — презрительно выкрикнул герой, а я дернула в чашу. Видимо, принц с физкультурой дружил еще с детства, но мозги в эту дружбу не брали, поэтому едва услышав шорох "спаситель" метнулся за мной.

— Да не чародей я!!! — возмущалась я, пытаюсь на бегу объяснить ситуацию. Но потом поняла, что дружба с физкультурой у принца, как, собственно, все хорошее близится к концу, ибо герой споткнулся о корягу и упал.

— Это — все твои злые чары! Ничего, ты мне за все ответишь! — орал он, поднимаясь и снова хватая лук.

Извините, но за убийство Кеннеди и глобальный экономический кризис пушистое зло не готово нести ответственность!

Лес становился все гуще, как неприятности на моем пушистом хвосте, и непроходимей, как интеллектуальный потенциал будущего правителя. Зато яростный крик «А!!!», возвестил о том, что мое «злое колдунство» чуть не заставило принца войти в историю, как Эрек Одноглазый.

— Ничего, я до тебя доберусь! — рычал он, зажимая рукой половину лица.

Я бежала, а потом почувствовала, как лапы тонут в липкой грязи. Один рывок, и я смогла выбраться, глядя на топи, которые простираются вдоль корявых деревьев. Я забила под корягу, слыша, как на всех парах, ломая кусты и ветки, сюда несется неумолимый герой, а потом радостное хлюпанье и чавканье трясины.

— Он наколдовал болото! — заорал принц, медленно погружаясь в пучину моего безмерного уважения к его интеллектуальным способностям. — Колдовское отродье! Я смогу преодолеть эту злую магию и освобожу прекрасную пленницу.

Тони быстрее! Освободи мою совесть! И тут она меня уколола, как бы намекая, что труп на ней уже не поместится.

— Не дергайся! — я подкралась к принцу в тот момент, когда руки его вместе с луком уже очутились под гущей грязи и тины. — Не шевелись!

— Ушастая тварь! Я до тебя доберусь! Твои проклятые чары не сломают меня! — булькал принц, яростно дергаясь, несмотря на мои предупреждения.

Я паниковала, скача по берегу и пытаюсь придумать план по спасению наследника государства, чье правление ознаменуется эпохой: «тырь, что плохо лежит, насилуй, что плохо бежит!». Немного подумав, я метнулась к тому месту, где лежали его вещи. — Умею я заводить мужиков! — нервничала я, поглядывая на деревья, утыканые стрелами. Вот! Вот его сумка, вот его пирожки! А вот и веревка! Я пролезла головой в моток и поскакала обратно. Здесь уже было проще. Яростные проклятия, которые предвещают мне смесь фригидности и инвалидности, позволили награде быстро найти своего героя. Один конец веревки я сжала в зубах, обматывая его вокруг дерева и пытаюсь завязать узел, а второй бросила Эреку. После крика: «Убью, чудовище! Ты просто издеваешься надо мной! Я требую честного поединка!», я поняла, что это был тот самый случай, когда хотелось делать добро бескорыстно, не дожидаясь благодарности, поэтому ломанулась в лес. Очередь на мое спасение начинала напоминать пулеметную.

Я мчалась по лесу, слыша, как за мной все-таки несется разъяренный принц. В лесу

начало постепенно темнеть, а я чудом выбежала к дворцу, вереща так, что где-то вторили мне все сигнализации мира.

Перед дворцом появился Змей, а я не сбавляя хода бросилась к нему, яростно забираясь по его кольцам в сторону его шеи.

— Змеюшка, змеюшка Родной — верещала я, понимая, что по офигевшему от такого расклада Адильеру, забираться куда проще, чем по обычному. — Змеюшка

— Иди с-с-сюда! Нес-с-си с-с-свой хвос-с-ст! С-с-сейч-ч-час-с-с его отрывать буду! — прошипел Змей.

— А потом пришьешь обратно? — поинтересовалась я, понимая, что радостную новость о том, как я встретила своего принца, лучше не рассказывать. — Меня тут убить хотят!!!

— И даж-ж-же подую на вавку, — прошипел Змей, пытаюсь снять меня с шеи, на которую я уже вскарабкалась.

Я уже сидела у него на голове, когда из леса с криками: «Убью тебя, чудовище!», бежал отнюдь уже не прекрасный, но пока еще принц. Весь покрытый зеленью, грязью и тиной, Эрек орал, что не успокоит и не упокоит, пока не оторвет мне уши и хвост. Дрожащей рукой он приладил стрелу к тетиве, целясь в нашу сторону. Запах от принца исходил такой, что буквально три капли такого аромата отпугнут не только здоровую лошадь, но и голодных волков в зимнем лесу. Про перебитый комариный аппетит я вообще молчу!

— Какая прелес-с-с-ть, — услышала я, задумчивое.

— Отпусти его, подлая и мерзкая тварь! Расколдуй и отпусти! Тебе меня одного мало! — задышался принц. — Мужик! Беги! Это — чудовище!

— Я с-с-смирилс-с-ся с-с-со с-с-своей уч-ч-час-с-стью, — обреченно согласился Адильер, пока я сидела пушистой шапочкой — невидимкой.

— Тебя еще можно спасти! Я знаю хорошего мага, который тебя расколдует! — орала мужская солидарность, пока меня снимали с шеи, беря на руки.

Солнце упало за горизонт, скользя последними лучами по стенам почему-то притихшего дворца.

— Почеши меня за ушком? — игриво предложила я, как бы пытаюсь сгладить неловкость момента.

На меня посмотрели так, что стало понятно, что чесать меня буду только в районе хвоста, и, скорее всего, без моего прямого согласия. И, возможно, даже не руками.

Я почувствовала, как снова превращаюсь в человека, а меня держат на руках.

— Колдовство! — оторопел Эрек, прищуриваясь в мою сторону. — Так ты не чародей? Ты и есть та пленница?

Скорость, с которой истина доходила до принца, вполне могла соперничать со скоростью улитки, беременной от черепахи. И снова воцарилась неловкая пауза, когда принц подозрительно всматривался в меня.

— А где твои золотые волосы? Где твое красивое лицо? Мне говорили, что ты прекрасна! — бурчал себе под нос, преисполненным глубочайшего разочарования голосом оторопевший принц. — Мне говорили, что у тебя губы, как розы! Что красивее тебя на свете не сыщешь!

Может, Змей его и не слышал, но я, пока мне не оторвали уши, на слух не жаловалась.

— Красавица, — внезапно воспрянул духом герой. — Я спасу тебя! Во имя великой любви! Я принесу тебе клятву в вечной, искренней любви! О, трепещи, зло! О, моли меня о пощаде! Ибо за все твои злодеяния ты будешь наказан суровой рукой справедливости! Эм

— Нам в этот момент нуж-ж-жно с-с-смирно пос-с-стоять? — поинтересовался

заинтригованный Адильер, глядя на то, как усиленно принц вспоминал свою речь дальше, перебирая слова «магия», «спасти», «и что-то там еще».

— По идее, да! Там дальше неинтересно. Я могу тебе пересказать в двух словах. Твоя магия тебя не спасет! Моя стрела пронзит тебя насквозь! Моли о пощаде, подлый колдун! — вздохнула я, чувствуя, как мысленно требую почесания за ушком. — Главное — никуда не расходиться и не нападать! Дай же добру выговориться!

— Подожд-ждем, — согласился Адильер, а принц тут же вспомнил продолжение.

— Твоя магия тебя не спасет! Амм Эмм, — напрягся принц, напряженно сопя.

— Моя стрела пронзит тебя насквозь! Моли о пощаде, злой колдун! — хором выдали мы, пытаясь помочь принцу.

— Я спасу прекрасную пленницу! Уничтожу зло! И мир будет снова прежним! — гордо закончил принц, а я, глядя на него, понимала, что наш «любовный» треугольник скоро превратит в отрезок. У кого что отрежут, я не могу пока сказать точно, но предположения на этот счет уже были. Принц схватил лук и выпустил в нас стрелу, которую Адильер отбил хвостом в полете, медленно, лениво, с тяжелым вздохом глядя, как принц прилаживает новую, целясь в Змея. — Ты от меня никуда не убежишь! Скоро ты протянешь ноги! — цедил принц, осознав, что стрелы у него закончились, а теперь самое время обнажить меч.

— Какая прелес-с-сть, — прошипел Адильер, глядя, как принц бросается с мечом в нашу сторону. — Протянуть ноги — это про меня. Прямо в точ-ч-чку

— Беги, красавица! — орал принц, мчась с обнаженным мечом в нашу сторону. — Я его уничтожу! Меня не проймешь ни магией! Ни мечом! Ни стрелой! Мне предсказали, что умру от яда, так что держись, подлец! Я достану тебя!

Адильер отвел меня за спину, а потом одним движением хвоста выбил меч из руки принца, а через секунду впился зубами ему в шею.

— Мы пять минут з-з-знакомы, а ты меня уж-ж-же дос-с-стал, — усмехнулся Адильер, хвостом отбрасывая принца на траву. Змей смотрел на меня, а я видела огромные острые, загнутые, как у кобры, клыки, с которых сочилась чужая кровь. Мне показалось, что с дружбой я слегка поторопилась!

— Я — ядовит. В отлич-ч-чие от других-х-х, — небрежно заметил Адильер, подходя ко мне поближе. — Мой яд убивает за несколько с-с-секунд Как на с-с-счет поц-ц-целуя? Куда ж-ж-же ты, кролик? С-с-сегодня я х-х-хочу ус-с-слыш-ш-шать обещ-щ-щанную с-с-сказку!

Глава десятая.

Золотой ключик

Главное, ребята, сексом не стареть

— Сказку? Ах да, сказку! — я тихонечко пыталась отойти в сторонку, продолжая мило улыбаться и хлопать глазками, в надежде «ухлопать» его до смерти. — Я знаю хорошую эротическую сказку про разбитое яйцо, про увеличение хм репки путем длительного вытягивания Отличную сказку про колобка. Тоже эротическую. «И в рот его катать!» называется Но они скучные и совсем неинтересные Давай, я отдохну немножко Месячишко-другой, а потом как дам эротикой по нашей эм рутине! Как и обещала!

— Конеш-ш-шно Я тоже кое-что пообещ-щ-щал, — меня нежно обернул вокруг талии хвост, не давая мне уйти. — Как на с-с-счет ключ-ч-ча?

Перед моими глазами на золотой цепочке качнулся золотой ключ, сверкнув огромным драгоценным камнем. Я улыбнулась улыбкой девушки, которую раз в полгода решил торжественно осчастливить близостью супруг, пока она старательно прячет переписку с тремя любовниками.

— А ес-с-сли я с-с-скаж-ж-жу, что поменял з-з-замок? — сладко прошипели мне на ухо, заставив взглянуть на ключ с новой, более интригующей, стороны. Я попыталась резко схватить ключ, но он тут же исчез, а по моей щеке скользнул раздвоенный язык, как бы намекая на то, что кое-кто — не добрая черепаха Тортилла, хотя, я, как Буратино, тоже тонуть не собираюсь.

— Ты держишь меня в серале, как рабыню! — обиделась я, надув губы и поглядывая в сторону появившегося на его массивной шее ключа.

— А ты держ-ж-жишь в с-с-страхе вс-с-се окрес-с-стности, но я ж-ж-же деликатно молч-ч-чу, — с усмешкой прошипел Адильер, обнимая меня одной рукой. — Иногда мне каж-ж-жется, ч-ч-что я с-с-стал с-с-спас-с-сать мир Переш-ш-шел на с-с-сторону добра Внез-з-запненько для с-с-себя

— Дай сюда! — я попыталась ухватить ключ, но ключ снова исчез под укоризненный взгляд желтых глаз, оставив меня грустно-задумчивым кроликом, чей хвост все еще трепетно сжимается в предвкушении получки или командировочных за курортно-болотный роман. И если мне их выдадут деньгами, то завтра мир услышит имя новой миллионерши.

Меня наряжали елочкой перед зеркалом уже минут двадцать, а хвостик предчувствовал подарочки на свой ушибленный кончик в связи с доведением некоего принца до фактического самоубийства.

— Возле елочки пушистой, — сладенько пропела я, глядя, как нервно хороводятся вокруг меня служанки, поправляя зеленое платье, — запашок идет душистый!

— Ну вот и все! Теперь вы — настоящая красавица, — наигранно — любезно сообщила мне девушка, а я нежно посмотрела на нее, вспоминая, как плохо она входила в повороты в дневном забеге с препятствиями, показав средненький результат. — Хозяин хочет вас видеть!

— Это ему не ко мне, а к офтальмологу. Или очки закажите. Был у вас змей обычный, а тут сразу очковый будет. Очковый Кобр. И, возможно даже, двухочковый, что тоже символично, — ядовито улыбнулась я, представляя эту красавицу со змеиным хвостом. Если мне скажут, что эти змеелюди — бывшие русалочки, которые зажали морской ведьме голос, я, в принципе не удивлюсь. — А вы, простите, у какого ядерного объекта раньше жили дружной семьей? Или вас всех дружно хм проклинали?

— Мы — древняя раса нагов. Нас создали боги, — обиделась служанка, а я уже понимала, что они созданы на радость людям. — Они даровали нам бессмертие, а мы, в свою очередь, построили подземные города из чистого золота. И не было нигде в мире роскошней места, чем наши дворцы. Драгоценные камни устилали пол, золотые узоры сверкали на стенах. Мы были искусными ремесленниками, колдунами и не было того, чего мы не умеем. Сами боги позавидовали нам, завидев наши дворцы, и разрушили наши города

— Сами виноваты. Надо было декларацию о доходах правильно составлять, — посочувствовала я, представляя, как одна, особо прагматичная русалочка стерла плавники, выползая на сушу, поглядывая в сторону замка пока еще ничего не подозревающего принца.

Меня вели по роскошному коридору со склеенной вазой и треснувшим зеркалом в знакомую комнату, снова гостеприимно закрывая за моей спиной огромные двери. А для пущей романтики даже на ключ.

Я снова стояла на освещенной половине комнаты, подозрительно глядя во тьму. Во тьме кто-то что-то вкусненько хомячил, вызывая у меня грустные воспоминания о вкусном, но слегка подгоревшем побратиме на вертеле.

— Как нас-с-счет с-с-сладос-с-стей? — прошипела тьма, а я грустненько представила,

как кто-то с наслаждением ест мармелад, шоколад и прочие лакомства. Теперь я понимаю, что нас с ним связывает! Моя тонкая голодная слюнка

— Угощ-щ-щайся, — коварно заметил голос из темноты, вызывая к моему не привыкшему к деликатесам, желудку.

— Я на диете, — всхлипнула я, а темноту осветили тусклые свечи. На дорогих подушках развалился Змей, глядя на меня со сладкой и наглой улыбкой. На золотом подносе лежали лакомства, от которых наша слюнная связь стала еще крепче. Слегка прикусив губу, бросая на меня ленивый взгляд, Адильер поднес руку к роскошной стойке с какими-то маленькими и, судя по виду, очень вкусными штучками, похожими на рахат-лукум. Глядя на цены на рахат-лукум в магазинах, хотелось позвать старика Хоттабыча, чтобы тот в лучшем случае оттибидоухал тех, кто установил заоблачные ценники. Огромная рука долго выбирала, какой бы кусочек взять, пока короткий взгляд с улыбкой, предназначенной почетной «диетчице», намекал, что не прочь поделиться. Мой пушистый хвостик нервничал, слюнка капала в тот момент, когда рука медленно поднесла сладость к красивым губам, словно целуя, погружая ее в рот и бросая на меня такой взгляд, от которого у меня встал хвостик, застыв в смущенном напряжении. Нежная улыбка превращалась в коварную, тугие кольца струились между подушек, брови вопросительно поднялись, а я сглотнула, понимая, что соблазн велик. Я осторожно сделала шаг, тревожно глядя на то, как еще один кусочек прикоснулся к красивым губам, растворяясь в нежном поглощающем поцелуе. На красивой, рельефной груди, которую оттеняла черная накидка, сверкнул ключ.

— Ох-х-хотимся на кролика, — вкрадчиво прошипел он, пока его хвост игриво щекотал мои ноги. Я не могла отвести взгляда от того, как сладко он наслаждается каждым кусочком. В тот момент, когда еще один сладкий кусочек приближался к коварной улыбке, что-то внутри меня вздрагивало и нервничало. Я еще тот пушистый персик забыть не могу. — Или кролик ес-с-ст, или я ем кролика

Я присела на подушку рядом, пожирая глазами все гастрономическое разнообразие.

— Я на диете, — убеждала я себя, глядя в желтые змеиные глаза и на его губы, на которых осталось что-то похожее на сахарную пудру. — Я на диете

— Хочеш-ш-шь попробовать? — его голос слегка вибрировал внутри меня, а моя рука сама тянулась к вазе.

— Я на диете! — воскликнула я, отдергивая руку и пытаюсь стряхнуть с себя наваждение.

— Прелес-с-сть, — шептали мне, дразня меня сладостью, но тут же отправляя ее себе в рот, чтобы через мгновение приблизиться ко мне губами, между которыми виднелся заветный кусочек.

Я чувствовала оцепенение, послушно потянувшись губами к его губам. «Ты на диете!», — заорало что-то внутри, показывая мне ужасающие картинки с апельсиновыми корочками и свисающими боками. В последний момент перед тем, как наши губы сомкнулись, я дернулась, несколько раз моргнула, прогоняя сладкое наваждение, и с наглостью далекой родственницы на пышной свадьбе в кредит, сгребаящей в пакет остатки еды, лишила змея ужина, утаскивая его подальше вместе с подносом. За мной пустился в погоню кончик чужого? хвоста, негодуя и щекоча мне босые пятки.

— Спасибо, — буркнула я, отблагодарив улыбкой местный смеющийся общепит за вариант «вам с собой»? Адильер лежал на подушке, смеясь и поглядывая в мою сторону, зато кончик его хвоста никак не мог смириться с потерей, поэтому жалобно взывал к моей совести.

— Кролики — это еще те сволочи! На счет диеты я передумала! Один раз — не жиробас! — согласилась я, отойдя подальше и хомяча в две щеки все предложенное изобилие. — Я тут пофтавлена на гфань выфивания!

— Я так понимаю, ч-ч-что выж-ж-живать будут меня? — поинтересовался змей, игриво прикасаясь к моей обнаженной пятке хвостом, щекоча ее, и снова прячась в подушках. — У тебя х-х-хвост-с-стик не с-с-слипнетс-с-ся, бес-с-совес-с-стный кролик?

— Тебе же хуже, — вздохнула я, облизывая пальцы и чувствуя блаженство и угрызения совести сорвавшегося сладкоежки. — Если туго пойдет, то слиплось! Я про отрывание хвостика за побег! Большого я не позволю. Знаешь, бежать в объятия к тому, кто держит тебя взаперти — не самая лучшая идея. Удерживать девушку нужно не закрытой на ключ дверь, а ее собственным желанием быть рядом. Что бы ты ни делал, что бы ты ни придумал, между нами будет эта самая дверь. Дверь, закрытая на ключ.

— Которая з-з-заш-щ-щищ-щ-щает тебя от с-с-слуг, — согласился змей, глядя на меня с издевкой. Кончик хвоста крался ко мне, прячась под подушками. Я маневр разгадала, схватив его в руку. — Х-х-хотя, в с-с-свете пос-с-следних-х-х с-с-событий з-з-заш-щ-щищ-щ-щает с-с-слуг От тебя, кролик

— Что значит, защищает? — удивилась я, бросая на него недоверчивый взгляд. — Входить по двое, следить за ключом — это я понимаю. Но как на счет «не поворач-ч-чиваться-с-ся к кролику с-с-спиной»?

— С-с-сначала я имел в виду уваж-ж-жение, а не бояз-з-знь тебя до с-с-судорог. Поворачивать-с-ся с-с-спиной в Лагоре — з-з-знак неуваж-ж-жения — з-за который мож-ж-жно и убить, — усмехнулся Адильер, лениво откинув голову на подушку. — Но теперь при упоминании с-с-слова «кролик» их нач-ч-чинает с-с-слегка подергивать. У некоторых-х-х дергается-с-ся глаз-з-зик Итак, как на с-с-счет ключ-ч-ча? Ес-с-сли твоя с-с-сказ-з-зка мне понравитс-с-ся, то я отдам его тебе С-с-с удовольс-с-ствием!

— А без удовольствия можно? — поинтересовалась я, представляя кролика, который висит зубами на ключе, после того, как шаткая пирамидка под пушистой попой превратилась в груды развалин.

— Мож-ж-жно, но не интерес-с-сно, — сладко заметил Адильер, соблазнительно поигрывая ключиком на цепочке. Я вздохнула, торжественно встала в центре комнаты, прокашлялась и

— Сказка эротическая. Поэтому отнеситесь к ней со всей серьезностью! Как там говорят? Я хочу видеть ваши руки! И это — не просьба! Это — мера предосторожности! Итак, автор — Ева, продюсер — Совесть, режиссер — Жизнь. Сказка основана на реальных событиях, — громко, словно ведущая бедненького детского утренника, сообщила я, сама чуть не прослезившись от торжественности момента. — Он вошел в нее грубо, жестко, страстно, шепча: «Давай, малышка». Дрожащей рукой он направил свой ключ в ее узкий замочек, заставив ее дернуться, словно от боли. На секунду показалось, что она сжалась и простонала. Каждый раз, когда он входил в нее, она стонала и рычала. «Детка, ну что с тобой!», — стонал уже он, снова входя в нее так грубо, как только мог. Каждый его толчок вызывал у нее жалобный всхлип. «Да что ты будешь делать!», — закричал он, расстегивая рубашку. По его вискам струились бисеринки пота, а на лице появилась гримаса ненависти. И в этот момент он ударил ее, заставив снова всхлипнуть. Она снова застонала, протяжно и глухо, словно умоляя его быть с ней нежнее. Казалось, что от удара она завелась, урча, как дикий зверь, но нет Он ошибся. «Паскуда!» — заорал он, выходя из нее. В сердцах он ударил ее ногой, заставив покачнуться и снова глухо простонать. Он бил ее ногами, свирепея с каждым ударом, задышался и яростно ударял рукой. «Сама напросилась!», — оправдывался он, глядя, как она течет Он подошел к ней и взял ее сзади. Его напряженные мускулы вздулись на руках, а на покрасневшем лице читалось презрение. Он брал ее грубо, а каждый толчок отзывался тихим шелестом и стоном Толчки следовали друг за другом, один яростней другого Она кряхтела, а он уже обессилел, шепча ей, что любит ее, даже несмотря на то, что она так холодна На секунду я остановилась, подозрительно глядя в воцарившуюся темноту «зрительного зала».

— Чего притих? Ты там сильно не возбуждайся! И руки положи на подушечки! — заметила я, облизывая сладкие губы и чувствуя, как у меня по щеке течет скупая слеза воспоминаний. — А мы прерываемся на короткую социальную рекламу! Меняю ноги на голос. Банк «Морская Ведьма».

— Ос-с-строумно, мой ос-с-строухий пуш-ш-шистик, — слышалось из темноты. — Не только женщ-щ-щины любят уш-ш-шами, так ч-ч-что продолж-ж-жай.

Хвост полз в мою сторону, обвивая мои ноги и игриво скользя по ним. Он подбирался все выше и выше, а я возмущенно не позволяла ему, грозно заметив, что раздевать себя не

позволю!

— Толчок Еще один толчок Он почти выбился из сил. «Красивая! Всегда такую хотел! Да она у тебя течет! Дай-ка я попробую ее!», — заметил прохожий, завистливо поглаживая зад красавицы. Он припал к ее переду, полностью погружаясь в него сначала одной рукой, а потом двумя руками. Она хлюпала, стонала, чувствуя каждое прикосновение разгоряченных инструментов. «Как же здесь узко! Не могу пролезть! Ну и тугая она у тебя!» — нервничал незнакомец, требуя, чтобы хозяин подержал красавицу. Красавица даже не думала вырываться, а просто затаилась, чувствуя, как мужские испачканные ее же смазкой руки, вводят в нее свой твердый инструмент. «Он у тебя слишком большой!» — нервно заметил хозяин, глядя на огромный, торчащий из штанов инструмент незнакомца. «А у тебя слишком маленький!», — заметил незнакомец, прикасаясь к ее разгоряченному нутру.

— То ес-с-сть, их-х-х уж-ж-же двое? — осторожно поинтересовался голос из темноты, в тот момент, когда хвост осторожно гладил меня по шее, обвиваясь вокруг нее.

— «Нужно завести ее!», — страстно выдохнул незнакомец, постелив свою куртку на землю и подлезая под красавицу. Он стонал от наслаждения, рычал от ненависти, а красавица ритмично покачивалась. На него брызнула горячая струя, заставляя грязно выругаться. «Ну и дырка у нее тут. Никогда бы не подумал, что она у тебя слаба на передок», — усмехнулся незнакомец, глядя, как она течет, и вставляя ненасытный шланг обратно. Красавица занервничала, но ее уже взяли с двух сторон. Ее хозяин входил в нее спереди, а незнакомец сзади. «Сильней!», — рычал хозяин, входя в нее снова и снова. «Давай!» — кричал незнакомец, пристроившийся сзади. Каждый его толчок вызывал стоны и рычание красавицы. И в какой — то момент она громко простонала и завелась! — закончила я с таким придыханием, что в секс по телефону меня взяли бы без экзаменов. — «Давай я тебе заплачу!», — заметил хозяин, самодовольно поглядывая на свою рабыню. «Да ладно!», — махнул рукой незнакомец, удаляясь к своей старушке.

Я настолько увлеклась сказкой, что не заметила, как уже лежу на подушках, а нежная рука ведет по моей коленке в тот момент, когда чужое дыхание обжигает щеку.

— Эвакуатор не понадобился, — сглотнула я, пытаюсь понять, как меня так угораздило ловить его прерывистое дыхание на своих губах. — И даже на СТО ехать не пришлось. Даже штраф за неправильную стоянку не выпи сали

Хвост ласкал мои ноги, а я выдохнула с облегчением, чувствуя, что корсет уже расстегнут, а рука скользит по нему, осторожно приспуская его вниз

— Ш-ш-што такое? — выдохнули мне в ухо, а рука нырнула под расшитую ткань, заставив меня прерывисто вздохнуть от трепетного прикосновения. — Я ж-ж-же нич-ч-чего не делаю даж-ж-же не снял с тебя платье Как мы и договаривалис-с-сь

Ага! Хвост тоже ничего не снимал! Он просто отогнул! И то, что он сейчас творит, лучше не рассказывать при детях! Я замерла, чувствуя, как рука ложится на мой хвостик, нежно поглаживая его и слегка сжимая.

— Я его с-с-сейчас-с-с оторву, — прошептали мне, склоняясь к моей обнажившейся груди. Платье съехало хомутом на талию, юбка задралась, а мои ноги оплетал черный змеиный хвост, скользя по ним все выше и выше и заставляя вздрагивать и напрягаться каждый раз, когда «он ничего не снимал»!

— Не надо Прошу тебя, — шептала я, упираясь руками в твердую, как камень, грудь, чувствуя прохладу его кожи. Темные волосы Змея скользили по моему лицу и груди, а язык щекотал мое запястье, зато на его губах цвела дерзкая улыбка.

— Какой плох-х-хой х-х-хвос-с-стик, — едва слышно прошептали мне, когда я поняла, что не я пригрела, а змея сама пригрелась у меня на груди. — Я х-х-хочу его наказ-з-зять. Это он во вс-с-сем виноват

Мой маленький пушистый хвостик в его руке сжался и занервничал, дрожа, как осиновый листок.

— Я пош-ш-шутил, — шепнули мне, нежно глядя хвостик рукой. — Я его не буду обижа-ж-жать Он меня боитс-с-ся Бедненький х-х-хвос-с-с-стик Он так дрожа-ж-жит Неуж-ж-жели я его обидел?

— По по понимаешь, — прерывисто выдохнула я. Как хорошая девочка, я проклинаю, а как очень плохая — отмечаю в календаре, как государственный праздник, тот день, когда матушка природа вместо ног дала ему скользкий, прохладный и очень длинный хвост. — Он у меня сам придумал — сам обиделся Да Он Он очень нервный ххххвостикЕсли к Еве явился именно такой змей-искуситель, пока Адам чесал фиговый листочек на полянке в перерывах между увлекательным ковырянием в носу, то немудрено, что в один прекрасный момент семейный рай обернулся земной бытовухой.

Я вздрагивала и чувствовала его дыхание на своих губах. Хвостик сжался, напоминая, что он ядовит, но было уже поздно.

— Нет! — заорала я, глядя как чужая улыбка становится шире, обнажая те самые клыки, от которых схватится за кошелек любой стоматолог. — Только не в меня!

— А как ж-ж-же без-з-з этого? — смеялся Адильер, глядя на «невменяемую женщину» в моем лице. — С-с-сладкий с-с-смертельный поц-ц-целуй

В тот момент, когда наши губы сомкнулись, я вздрогнула, чувствуя, как меня страстно сжали кольца, а руки в этот момент держали мое лицо. Одно резкое и порывистое движение его губ раздвинуло мои губы, заставив сердце уйти сначала в пятки, а потом на пенсию. «Нет, нет!», — мысленно умоляла я, вырываясь и упираясь руками в его грудь, а между моих сжатых губ уже струился раздвоенный язык.

Я чувствовала своим языком огромные клыки, пытаюсь вырваться(, в тот момент, когда сердце бешено колотилось в груди, которую туго сжали змеиные кольца. Кольца его хвоста оплетали меня, скользили по мне, а мои руки изо всех сил уперлись в чужую грудь в бессильной попытке оттолкнуть. Это точно яд, чувствую его Ну не может сердце так метаться просто так, меня не может так знобить, а мои руки не могут так слабеть с каждым пожирающим движением его губ. Сладкий поцелуй, наполненный ядом, разливался по телу, которое медленно цепенело. Одно лишь сердце все еще сопротивлялось, кричало, чтобы эти губы прекратили меня целовать, а его руки сжимать меня, как в последний раз.

— Это — пос-с-следний поц-ц-целуй в твоей ж-ж-жизни. Противоядия нет, — шептали губы, снова прикасаясь к моим и снова впиваясь ядовитым поцелуем. Мысль о том, что яд уже начал действовать, и последние мгновения жизни я проведу, в его объятиях, заставила вздрогнуть. А что если это и правда — последний поцелуй в моей жизни? Дрожащие и ослабевшие руки, которые упирались в чужую грудь, ослабли, скользнув на чужую шею и обвивая ее и привлекая к себе. Страх смерти заставлял их впиваться в чужие волосы еще сильнее, а адреналин, который холодной и бодрящей инъекцией разливался в крови, опьянял. Я отвечала на поцелуй, проводя языком по острым, сочащимся ядом клыкам и вздрагивая не то от ужаса, не то от озноба.

Последнее прикосновение к моим губам, нежное, едва ощутимое, заставило меня глотнуть.

— Яд и противоядие — это одно и то же ж-ж-же Один поц-ц-целуй — яд, другой — противоядие, — прошептали мне, осторожно, едва касаясь, оставляя нежнейший поцелуй у меня на лбу. В тот момент, когда он прикоснулся к моему лбу губами, я почувствовала смешок-дыхание. — С-с-спокойной ноч-ч-чи

В этот момент я решительно бросилась спасать себе жизнь, прижав его к подушкам, но вместо поцелуя встречала коварную улыбку, превращающуюся в целомудренный бантик губ.

— Какой с-с-страс-с-стный кролик, — прошептал Адильер, гадко улыбаясь, а я в этот момент поняла, почему его называют местным исчадьем яда. — Это вс-с-се, на ш-ш-што потянула с-с-сказ-з-зка Нас-с-счет яда Я не в тебя С-с-сладких с-с-снов, мой бес-с-совестный кролик — нервотреп

— Ах, ты, — возмутилась я, оглядываясь по сторонам и беря в свои тонкие ручки миссию

по избавлению этого мира от зла (, путем задушения его близлежащей подушкой. — Мерзавец! Подлец!

Я встала, швыряя в него подушку и пинками сбрасывая с себя его гадючьи кольца, а потом подошла и демонстративно сорвала с его шеи заслуженный ключ под тихий смех. — Да я сюда больше ни шагу! Да ты просто гад ползучий! Вот кто ты! И совести у тебя нет! Ничего! Кролик — это не только пушная рукогрейка! Мы, кролики, очень обидчивые! И злопамятные! Тоже мне, нашел дурочку! Гадюк!

— Там два з-з-замка С-с-слуги попрос-с-сили, — слышалось в тот момент, когда я воинственно сжимала ключ, с ноги открывая дверь и подтягивая спадающее с груди платье.

Глава одиннадцатая.

Купидон-скупердон!

— Заплатите дань!

— Дань памяти?

Если женские обиды измеряются пустым холодильником, пустыми кастрюлями и отсутствием доступа к телу, то мне приходилось ограничиваться старым, проверенным, женским методом. Так что по степени надутости губ, я вполне могла стать звездой соцсетей.

— Принцесса! — слышался осторожный мужской голос под заколоченным окном. — Принцесса! Выходи!

Я подошла к заколоченному окну, подозрительно прислушиваясь. Неужели показалось?

— Выходи, красавица! — снова слышался красивый мужской голос, сопровождающийся шуршанием кустов и ржанием коня.

— А мечик тебе не скинуть? Или мячик? — поинтересовалась я, слыша, что герой притих. Только не говорите, что он притих исключительно потому, что его мама кушать позвала! Но я ошиблась. Раздалось сопение, всхлипывание, а я молча сидела на подушечке, прислушиваясь к стонам и дожидаясь любителя острых ощущений. Кто-то усиленно карабкался вверх. Что-то гулко упало. А мне показалось, что с верхних этажей кто-то выбросил шифоньер. Однако, шифоньер не может так ругаться, вспоминая мое генеалогическое древо до самых непрокрашенных корней.

Наконец-то доски вылетели, а в лунном свете предо мной предстал темноволосый принц в белом камзоле, осматривая мою комнату.

— Злой чародей — этажом ниже. Ключ — вот! Только не буди его! А то он сегодня устал! — заметила я, поигрывая ключом. — Между первым и вторым перерывчик был большим! Женат?

— Нет! И никогда не был! Принцесса! Не переживайте! Я вас спасу! — решительно заявил красавец-принц, беря меня за руку и вытаскивая из окна. — Держитесь за меня!

Мы спускались вниз, пока я прижималась к принцу, понимая, что где-то судьба пропустила в мою жизнь настоящего мужика.

— Что-то ты тяжеленькая! — заметил принц, пыхтя и слезая со мной на плечах.

— Это не я. Это — мой характер, — вздохнула я, провожая взглядом полюбившиеся подушечки. — Я вешу пятьдесят плюс. Пятьдесят килограммов, а остальное — характер!

Под замком стоял белый конь, который ржал (, при виде того, как меня стаскивают с

плюща. Если у него сейчас сложится гармошкой позвоночник, то обратно придется заходить через парадный вход со словами: «И снова здравствуйте!».

— Меня зовут Филипп Красивый. Я шестой сын Филиппа Мудрого, — отрекомендовался высокий, статный и накачанный правильным воспитанием красавец. — Я здесь, чтобы спасти всех от чудовища!

Так и хотелось показать язык спящему дворцу, тихо икнув: «Радуйтесь, сволочи, вас тут от меня спасают!». И как это они дружной толпой не выбежали к «спасителю»? Но нет, замок спал!

— Это — мой верный конь Асперикс! Он — мой лучший друг! — отрекомендовал четвероногого товарища принц, отряхиваясь и поглядывая наверх.

— Это я уже поняла! В дружбе всегда так! Кто-то на ком-то выезжает! — живо согласилась я, чувствуя, как меня усаживают на коня и ловко запрыгивают, с криком «Но!».

Мы скакали по лесу, а мое сердце почему-то сжалось, при воспоминании о Змее. Хвостик совсем поник, и мне немного кажется, что он ему симпатизирует. Да, Змей противный, вредный, ядовитый, но хвостик у него почему-то нравится. И сейчас хвостик грустит, вспоминая, как струится между подушек большой, холодный, чешуйчатый хвост.

— Ты знаешь, — выдохнул мне на ухо принц, когда мы миновали лес, — во сколько мне обошлось твое спасение? Сто золотых! И это только обмундирование! Я не говорю про дорогу! Ты мне очень дорога!

Остановите Аспирина! Я, пожалуй, сойду! Точнее, я пожалуйюсь и сойду за дуру, срочно требуя вернуть меня обратно!

— Останови коня! — потребовала я, пытаюсь дернуть поводья. — Я пойду обратно!

— Что значит, останови? — удивился принц. — Я тебя спас от злого чародея! Да если бы он был рядом, я бы сразился с ним и победил бы его!

— Давай вернемся? У тебя появится такая возможность! Я разбужу его, и скажу, что принц тут сражаться изволил! — мило предложила я, понимая, что в последний раз мужчины за меня дрались с криками: «Она мне даст!» и «Нет, мне!». Хочется упустить тот момент, что это было в школе, а речь шла о списывании на контрольной.

Мы выехали на дорогу, пока мой хвост убивался на тему: «Зачем мы бросили, одну замечательную змею, со всеми удобствами?». «Мы бы могли дружить хвостиками?», — всхлипывал маленький пушистый и нервный друг. — «У него большой хвостик, а у нас — маленький!».

— Смотри-ка! Придорожный трактир! Остановимся? — воскликнул принц, подъезжая к какому-то ветхому двухэтажному дому, гостеприимно склонившемуся на один бок перед всеми проезжими по пыльной дороге. Ветер раскачивал скрипучую табличку с аппетитным названием: «Дохлая ворона». Меня никогда еще не приглашали в столь элитные заведения, но принц стянул меня с коня, таща за руку в сторону двери.

— Открывай! — вежливо постучал ногой принц, поскольку руки его были заняты удержанием «любви всей его жизни». На пороге возник сонный старенький трактирщик и быстро оценил нашу платежеспособность по одежке. Старичок тут же расплылся в блаженной улыбке горничной для олигарха, пропустил нас и с порога стал предлагать местные блюда. За столом было грязно, валялись крошки и сверкали при свете оплывших свечей лужи. — Несите все самое лучшее для моей невесты! Самые роскошные блюда! Все для нее! — закричал принц, поглядывая на трактирщика, который уже гонял по залу сонную служанку, не забывая с причмокиванием нахваливать очередное блюдо. В арсенале любой феи помимо волшебной палочки, есть волшебная карточка, которая делает фею — прекрасной после заклинания: «Я все оплачу!». Тут же перед нами на столе расстелили скатерть — самобранку, а на ней по мановению волшебной карточки стало появляться воистину королевское разнообразие. С пылу с жару, доводя бедного кролика до желудочных колик. Недолго думая, я попробовала мясо, тушенное в горшочках, отломив кусочек зажаренной птички, с удовольствием

Вы бы видели ее лицо в этот момент. «С-с-спас-с-сайся!», — подсказывал я тупому принцу, глядя как мое пушистое исчадьё сощурило глаза.

— Быс-с-стро, готовьте платье с бриллиантами, — кивнул я, служанке, которая горестно посмотрела на меня. — Где х-х-хотите дос-с-ставайте, но ч-ч-чтобы приблизительно к з-з-завтраш-ш-шнему веч-ч-черу оно было Х-х-хотя нет. С-с-судя по лиц-ц-цу моего кролика, уж-ж-же ч-ч-через-з-з пару ч-ч-часов. Вам не каж-ж-жетс-с-с-я, ш-ш-што ее ос-с-станавливает только мыс-с-сль о том, что прятать труп некуда? С-с-странно, а мне именно так и показ-з-залос-с-сь!

Когда наконец-то у меня вырвалось первое слово, отдаленно похожее на цензурное, я почувствовала себя банком «Императрица», которая готова выдать ему такие кредиты, что на проценты здоровья не хватит. Я уже даже замахнулась на довольную собой ипотеку.

Мимо нас вальяжно и демонстративно пробежала крыса, присматриваясь ко мне. На секунду мне даже показалось, что я пользуюсь у них большой популярностью! — Мышей и крыс у вас что-то многовато! — заметил сытый Филипп, бросая на тарелку обглоданную кость, пока я мысленно представляла его труп, обедынный лисами, найденный по весне каким-нибудь любопытным крестьянином.

Скоро и кролики пропадать начнут. Пропадать без любви и ласки. В мутные окна ударил первый луч рассвета, а я молча взяла недопитый кубок с вином, выливая его в лицо любителя «яжетебяспас!».

— Пойдите! Вы еще суп не пробовали! — слышался расстроенный голос трактирщика. — Все нахваливают! Тьфу, на вас! Пора прикрывать трактир! Ничего! Когда-нибудь будут принцы за обе щеки уплетать суп из вороны!

— Ну и как мы тебя назовем, пушистик? — умилительно произнес голос, способный по громкости соперничать с сиреной, отражаясь многократным эхом от стен пещеры. — Давай ты будешь у нас. Беляшом! Ты же беленький? Беляш двадцать восьмой! Познакомьтесь, котики, это ваш новый друг — Беляшик!

— А куда делись, — занервничала я, медленно оборачиваясь и глядя на огромную свирепую морду дракона. — предыдущие эм беяши?

Хвостик жалобно пел: «У кроли четыре ноги! Позади у нее нервный хвост! Но трогать ее не моги! За ее малый рост, малый рост!».

— Ты умеешь разговаривать! Вот счастье! Познакомься! Рыжик девяносто шестой, Серун тридцать девятый, Черныш шестьдесят восьмой и шестьдесят девятый, — умилительно перечислял дракон, подталкивая меня лапой в сторону котиков. Серун посмотрел на меня с явным гастрономическим интересом. — Теперь ты будешь жить у мамочки! Мамочка будет любить тебя и заботиться о тебе! А ты будешь любить мамочку! Мамочке в личной жизни не везет, поэтому вы — единственное утешение мамочки! Да, мои малипустики?

— Вообще-то, — прокашлялась я, срочно требуя противогаз. — я — не котик, я — кролик!

— И ты думаешь, что мамочка тебя от этого меньше будет любить? Что-то к нам никто не заглядывает! Вонь невыносимая стоит! Никто за котиками убирать не хочет! — вздохнула драконица, укладываясь на грудь золота, а котики, как в фильме ужасов, поползли со всех сторон и щелей, облепив серую морду дракона. Некоторые вскарабкались прямо на нее, а какой-то нахал рядом стал радостно нализовать пушистые шарики, изображая балерину.

— Где мой говорящий котокролик? — улыбнулась зубастой улыбкой драконица, пытаясь поддеть меня лапой. — Мамочку никто не любит, поэтому ты будешь любить мамочку!

— Что, совсем не везло с мужиками? — скептически поинтересовалась я, вспоминая свой опыт и снова принимаясь.

— Эх Не везло Первый был красавец! Чешуя блестит! — всхлипнула драконица, пока об нее терлись котики. — Прилетел такой и сразу ко мне в пещеру, мол, жить с тобой буду! А я его спрашиваю, а где его сокровища? А он крылом отмахивается! Вот тогда надо было задуматься. Как — никак ему пятьсот лет, а у него даже золотого нет! Сначала жили как бы нормально, но он придирается начал, мол, коровка не такая! Готовить я не умею! Его мамочка не так коровку носила, а нежно. Когтями так поддевала, что коровка еще живой была и тепленькой. Да и покрупнее выбирала! В итоге я его сбросила!

— Бросила? — уточнила я, глядя на огромную тушу, облепленную котами.

— Да нет, сбросила! Там под утесом лежит! Лет уже двести лежит. Как бы (, не триста! Крестьяне его уже почти растащили! — вздохнула драконица, положив морду на золото. — А потом молодой был Красавец! Я по нему лет сорок сохла! А он человека полюбил! Я ему говорю, мол, давай слетимся в одной пещере! А ему девочку подавай! Сто лет ее разыскивает уже Я ему говорю, мол, хватит жить прошлым! Но он ни в какую! Я ему уже в любви признавалась! И коровку подбрасывала парную. Подброшу, спрячусь за утесом, а он Наг, короче он последний! Мезавец и наг! Отравил ядом любви и махнул крылом! А я тут страдаю! Отдельное спасибо за «нага!». Теперь я даже не знаю, зову ли я его, или ругаюсь на него! «И он не знает!», — гаденько поддакнул хвостик, встрепенувшись от воспоминаний.

— Еще один был! Только травку и жрал! Жил, говорит, с одной драконицей. Все было хорошо, пока какая-то тварь не рассказала им про то, что в мясе много как его там холе хале Ну, ты поняла меня! Вредное мясо для драконьего желудка! Дожили до того, что, когда тырили морковку в огороде, его супругу старая бабка мотыгой забила! У той даже сил не было отползти подальше. Этот еле уполз Хромая бабка его чуть вслед за женой не отправила. Тощий такой прилетел ко мне, аж на ветру качает! Ничего, откормила! А он мне потом такой: «Эх, я пытался тебя полюбить! Сто лет пытался! Это ты во всем виновата! Не такая! Не люблю я тебя, жить с тобой больше не хочу!», — драконица пустила скупую слезу, а котики вытирали ее своими пушистыми спинами. — Потом еще один был! Тебе вообще интересно? Ну раз интересно, то А что тут рассказывать! Яйца у него были! Хороший дракон! Тоже любила и страдала, а он в другом мире себе какую-то гадалку нашел! Вот чем я хуже гадалки? Не принес корову — будет скандал! Тут же все просто! Принес — так и быть! Пламя страсти!

— Да, — кивнула я, едва ли не утирая лапкой слезу по суровой женской доле. — Перевелся мужик!

— У кого-то перевелся, а у кого-то и не заводился! Вот был еще один! Уверял, что

заколдован! Дескать, отношениями связываться не хотел, надеялся, что поцелуй принцессы или что-то там еще его расколдует! Лежал и ныл! Вот ноет и ноет! Ноет и ноет! Не вынесла я его нытья! Зачем мне нытик? Мне нормальный нужен! Может, мне тоже на людей перейти? Подруги говорили, что хватит своего принца ждать на белом коне! Я тебе не рассказывала? Поймала я однажды колдуна, а он сказал, что принц меня ищет! На белом коне! Вот жду я его! Сто лет как жду!

— Ты, главное, планочку не снижай! — утешила я, вспоминая, что где-то в загашниках души, у меня есть отличный вариант!

— Да я уже на любого согласна! Не ссытся — ладно! А если еще и разговаривать умеет — то все! Отличный жених! — драконица всхлипнула, глядя на меня слезливыми глазами. — Может, он даже невкусный, но хороший! Приходили ко мне принцы! Хоть бы тыкать нормально научились! У одного вообще — ого-го какое копье было! Вон, в углу пещеры лежат! Одного я, съела, случайно. Как говорили подружки: — в твоём возрасте — цепляйся за любого! Держись за него всеми зубами! Не отпускай! Где ж ты себе мужика-то найдешь! Ну и я подержалась! До последнего держала! Жаль, конечно, симпатичный был! Вон тот, крайний, что-то бегал с зажатым носом и орал, что дышать нечем. А потом что-то притих! Вот до сих пор тихий лежит. Ну я же держалась за них! Помню, гналась за одним принцем, правда, на черном коне, орала ему вдогонку — не уходи! А он от радости поскользнулся и упал! Вниз головой! Жалко! Он котикам понравился! И ведь держусь за них до последнего! А все равно уходят!

Я посмотрела на косточки и мятые доспехи, сохранившие следы зубов одного большого одиночества.

— А часики — то тикают, мужики — тикают! — горестно выдала драконица, трагично глядя на меня. У нее из глаза покатила огромная слеза.

— Согласна! — кивнула я, в надежде, что у меня откроется второе дыхание и закроется первое обоняние. — Ты, главное, на крестьян не разменивайся! Ты вон, какая богатая!

— Песок для котиков неудобно таскать. Вечно просыпаю! А тут периодически с мешками приходят! Сами выносят! — драконица посмотрела в угол пещеры. — А! Вот про этого принца даже рассказать не успела. Придавила случайно! Обратилась в дракона во сне! Вот так и помер со спущенными штанами! Просыпаюсь, зову его, а он ко мне так прильнул! Ну, думаю, все! Нашла свое счастье! Вон как обнимает меня! Я неделю была самой счастливой женщиной на свете! А потом отвалился! И некому теперь меня обнимать!

Черный котик зевнул и замурчал, а кто-то из полосатой династии слез и стал рыть кучку в золоте, а алчный кролик уже слегка передумал быть алчным.

— Слушай, ты умеешь обращаться в человека? — поинтересовалась я, задумчиво почесываясь лапкой. — А размер у тебя какой?

— Не знаю, я редко так делаю, — вздохнула драконица, любясь котиком, который зарывал свой клад. — У меня это произвольно получается! Кстати, я тебе уже рассказывала про одного хорошего парня? Он каждый день с мешком приходил! Все за котиками убирал! Нравились они ему! А я делала вид, что сплю! А потом один раз чихнула неудачно! Нет, ну я, конечно, поубивалась немного! Жалко, хороший мужик! Хозяйственный! Был... Так что я теперь решила принца ждать! На белом коне! Настоящего!

— Хочешь, помогу? — поинтересовалась я, мысленно вспоминая Аспиринчика. В этот момент у одного принца должен был пробежать ректальный холодок от грядущих брачных перспектив.

— Чем? — всхлипнула драконица, закрывая лапами морду. Возмущенные кошки переползли ей на спину. — Я — одинокая женщина с котиками! Откуда ты принца возьмешь?

— Знаешь, сколько у меня принцев, — лениво заметила я. — Их отгоняешь — отгоняешь, а они сами приходят! Есть один на примете! Я его уже укусила, поэтому он не в моем вкусе! А вот тебе — самое оно! — У тебя самой кто-нибудь есть? — проскулила

драконица, глядя на меня и сдувая с морды обнаглевшего котяру. — Иди отсюда! Чистая, у тебя чистая попа! Мама посмотрела! Все! Дуй отсюда, Серун сорок девятый!

— Правильнее сказать, я у кого-то есть! И есть вкусно! — внезапно погрузнел мой хвостик, вспоминая, как нежно с ним играл большой хвостик. — А еще он красивый! Действительно очень красивый! Но вредный! И ядовитый! И мне кажется, что он мне действительно нравится. Очень нравится. А вот я ему нет.

Я привалилась к ней бочком, чувствуя, как она вздыхает в знак женской солидарности.

— Знаешь, я по нему скучаю, — прошептала я, вспоминая желтые глаза и темные волосы. А еще немножечко улыбку. — Сейчас очень скучаю. А еще он мог бы хоть раз почесать меня за ушком! Ну не отвалится рука! И я на него обижена! Поэтому и ушла! Наг он, короче! Наг!

— Ты там по поводу принца говорила что-то, — облизнулась ну очень одинокая драконица.

— Короче, у меня есть план! — радостно потерла я лапки, чувствуя себя маленьким, злобненьким, но очень пушистым Купидоном.

Глава двенадцатая.

Колдовать и колдырить

Гадалка нагадала, что я буду принцессой,

Только, сволочь, не сказала, что на чьей-то горошине!

— Я хочу белое-белое платье и фату, — мечтательно вздохнула драконица. — И торт огромный. Я у людей видела!

— Все будет! Это я беру на себя! — решительно заметила я, сгребая золотишко с запахом котешки лапкой в оставшуюся от плаща какого-то принца тряпочку. — Сейчас поедем выбирать ткань! Как на счет полетать?

— Так сейчас день, — испугалась драконица. — Днем даже выносить за котиками никто не приходит. Нам бы еще прибраться! Свадьба, как-никак! Да к тому же я хочу, чтобы меня как бы спасли. Ну как принцессу! Всю жизнь мечтала!

— От кого??? — поинтересовалась я, глядя на огромную тушу.

— От одиночества, — философски ответила драконица, снова тяжело вздыхая. — Я не собираюсь больше за мужиками летать! Хватит! Знаешь, кролик, сколько мужиков бегают! Вот я смотрю, и понимаю, от меня бегать научились, а за мной как-то не очень. Вот и хочу, чтобы точно так же, но только за мной бегали! И ведь умеют же бегать, как ни странно!

— В личной жизни всегда есть место для подвига! — согласилась я. — Но его почему-то совершают в основной массе женщины! У меня есть гениальная идея! Мы его сюда заманим! А потом ты превратишься в человека! Выбирая из нас двоих, он, разумеется, выберет тебя!

— А почему ты решила, что именно меня? — простонала драконица, сумрачно глядя на обтирающих ее котиков. — Я хочу, чтобы меня полюбили такой, какая я есть!

— Идея, конечно, интересная. Ну, сначала он, слегка обалдеет от такой красоты, а потом, того и глядишь, стокгольмский синдром сделает свое дело! Потом дети пойдут, думать некогда станет! Оклемается только к старости, когда ноги держать не будут. Так что никуда он не убежит! Но в человека превратиться стоит! — вынашивала план я.

— Ты меня еще не видела! У меня огромные уши, зеленые волосы и дальше по порядку! Как говорил мой бывший: «У нормального мужика падет! При виде меня. А выбор падет на любую красавицу!». Так что не переживай! Ну-ка обернись! Сейчас посмотрим!

— Да мне как — то неловко! — заметила драконица, пряча глаза. А через секунду я застыла от изумления. На меня смотрела синеокая красавица с длинными золотыми волосами, которыми она прикрывала свое идеальное нагое тело. Через секунду на ее месте лежала огромная драконица, едва ли не плача.

— И??? — прокашлялась я, понимая: с внешностью у нее нет проблем, а те, которые появляются, должны решаться сами собой. Их должен сдвигать взмах длинных ресниц!

— Вот, я уродина, — скуксилась драконица, пряча маленькими лапами огромную морду.
— Никакой принц меня не полюбит!

— «Никакие» принцы нам как раз и не нужны! Обращивайся обратно и пиши под диктовку! — вздохнула я, утешая свой одинокий хвостик будущим чужим женским счастьем. — Я, чудовище как бы себя назвать? Нет, не пиши! О! Чудовище с нежным именем Кролик похитила и заколдовала прекрасную принцессу! Как тебя зовут?

— У нас нет человеческих имен, — негромко произнесла драконица, глядя на меня самыми красивыми глазами, в которые, как в водоворот, должно засасывать не только принцев, но и всю их родню мужского пола.

— Сейчас придумаем! — напряглась я и почесалась. — Он у нас Филипп? Отлично! Будешь Авророй! Пиши дальше! Заколдовала и похитила прекрасную принцессу Аврору! И ее приданое! Это отдельно в скобочках, но большими буквами! На обороте рисуем точный маршрут, стрелочками указываем, где находимся. Кстати, тут есть какие-то опознавательные знаки? Вот и рисуй! Все, давай сюда!

— Что-то ты не очень похожа чудовище! — засомневалась драконица, поглядывая на меня сверху вниз и протягивая мне листочек.

— Ты меня просто знаешь с пушистой стороны! — скромно заметила я, глядя на нее снизу вверх. — Так! Ты принца хочешь? Хочешь! Так что сгрузи меня где-нибудь недалеко от таверны! А дальше, я все сама! Поверь мне, прискачет, как миленький!

Я пробиралась в сторону дороги, поглядывая на покосившуюся таверну. Осторожно шмыгнув в приоткрытую гостеприимно дверь, я услышала пьяный голос: «Неси еще! Она меня бросила!».

Я бы внесла корректировки! Не бросила, а сбросила со своих хрупких плеч.

На столе, в позе неоднозначной, но вполне объяснимой стонал в салате прекрасный принц. От него разило выхлопом за километр, так что поцелуй с драконом может вполне стать последним фейерверком в его жизни. Рядом несколько крупных крыс доедали хлебшек. Вижу, что мальчишник в самом разгаре! Как раз вовремя! Я тут, между прочим, целого дракона держу в заложниках совести!

— Даже она меня бросила! — икнул принц, пока крысы тащили у него с тарелки остатки бывшего пиршества. Одна из них даже привстала, выражая герою сочувствие.

Ну да! Я же — среднестатистическая какушка, которая внезапно отвалилась с царской подошвы.

— Я тут значит перед ней, — нетрезво всхлипнул Филипп, ударяя по столу. Крысы солидарно подпрыгнули. — А она

Где-то есть социальная сеть «В печенках», где сидят вот такие красавцы в поисках своей ненаглядной. Есть и другая «в», но туда попадают после череды скандалов!

Моя пушистая лапка осторожно подложила принцу листочек. Позади меня послышался голос трактирщика: «Забирай своего героя! Он мне всех посетителей распугал!».

— Называйте таверну «Пьяный Принц» и показывайте его за деньги! — вздохнула я, глядя, как одна из крыс, интереса ради, решила проверить, жив ли наш герой, за что

вызвала у меня прилив пушистой солидарности. Филипп заворочался, перевернул кружку на стол, сообщая своим пушистым друзьям о том, что «Она только деньги и любит!».

— Он вам изменял! Вы не видели, как он полчаса назад поймал ту белую, жирную крысу и пытался расколдовать поцелуем! Думал, что крыса не выживет, но нет! Он ей даже замуж выйти за него предлагал! — вздохнул старенький трактирщик, пока я смотрела на огромную белую разлучницу, задумчиво грызущую корочку хлеба.

— Она согласилась? — поинтересовалась я, глядя, как разлучница снова полезла к герою, обнюхивая его.

— Мне кажется, что она еще сомневается, — тяжело вздохнул старенький трактирщик, бросая тряпку на стол.

— Но с родственниками уже познакомила! — порадовалась я, глядя на набегающую хвостатую родню.

— Еще бы! Это — мальчик! Но даже он не хочет упустить своего принца! — согласился трактирщик, давая мне кусочек морковки, от которой я вежливо отказалась. — Убери его отсюда, умоляю! Ну невозможно работать! Хоть закрывайся! И вышвырнуть не могу. Принц все-таки. И поить бесплатно вынужден, потому что чуть что — за меч хватается! Вон сколько скамеек изрубил, когда с крысой поругались! С криком: «Все вы — стервы! Всем вам только деньги нужны!». Потом долго искал, чтобы помириться! Ну, как видишь.

— Сегодня его уже здесь не будет! — клятвенно пообещала я, глядя, как принц напился до кроликов. — Скажите ему, что я — чудовище, которое заколдовало прекрасную принцессу. Сейчас расскажу, где она находится! У принцессы огромное приданое! Вот этот пункт вы обязательно укажите!

— Все! Достали! — вздохнул трактирщик, глядя на меня страдальческим взглядом. — Уйду в какой-нибудь замок работать! При королевской кухне! А то я ему говорю, что ничего нет, а он бежит и проверяет! И, главное, находит!

— Давайте сюда все бутылки! Все пойло, что осталось! Я его покупаю! — обрадовалась я, сбегав к дракону за деньгами.

Мне вручили связку с несколькими бутылками, которые я бережно волокла в сторону драконицы, требуя, чтобы меня отвезли в ближайший населенный пункт, дабы все дружно поддакнули, точно указав наш адрес. Немного пахнущего кошечками золота сделали свое дело, а я превратилась в почетное исчадие ада.

Я немного поспала, лежа поверх твердой чешуи, требуя разбудить меня тогда, когда принц придет. Проснулась я оттого, что превращаюсь в человека.

— Был? — спросила я, слезая с подруги и глядя на улицу.

— Не-а, — тоскливо ответила она, тяжело вздыхая. И мы сели ждать.

— Слушай, а может дорогу перепутал? — поинтересовалась с горестным вздохом драконица, не сводя глаз со входа. — Мало ли А вдруг бандиты перестреляли? Ограбили?

Я дико хотела воды, поэтому откупила одну из бутылок, делая глоток кислящего вина.

— Будешь? У нас тут как бы девичник? — я протянула ей бутылку, а она превратилась в человека и сделала глоток, отдавая возвращая бутылку мне.

— У тебя как у самой-то с личной жизнью? Тоже одно сплошное разочарование? — заметила Аврора, открывая еще одну бутылку. — Что-то не спешит Точно бандиты поймали!

— И судя по-всему, — усмехнулась я, сидя рядом с ней на гряде золота. — изнасиловали!

— Спасать его надо! — занервничала драконица, оглядываясь по сторонам. — Вытаскивать нашего принца!

— Не вздумай! Хватит, я уже вытаскивала одного! У меня такое чувство ик! - лениво заметила я, морщась и снова делая большой глоток. — Что если бы в нашу семейную пещеру ворвались злобные соседи с целью грабить мужиков и насиловать баб, то я бы долго смотрела на пустой кошелек, пока мой предпредыдущий муж бегал бы по пещере с криком: «Ты ничего не видела! Не вздумай никому рассказывать!».

— Вот козел невкусный! — шмыгнула носом драконица, глядя на меня затуманенными глазами. Ее золотые волосы струились по ее плечам. — Ты когда-нибудь ела козла?

— Бери выше! Я с ним жила! — вздохнула я, чувствуя, как все вокруг становится расплывчатым и дружелюбным. — Ну, что тебе рассказать про брак? За пару лет так называемого брака мой нервный канат превратился в чахлую ниточку.

— Рассказывай про брак все! — взмолилась драконица, отставляя пустую бутылку и беря вторую.

— Жизнь моя в браке — уныла до изжоги. Запомни фразу: «Всем вам, бабам, от меня только надо!». Вот по этой фразе сразу поймешь, где конкретно споткнется и разобьется твоя женская самооценка и что тебе конкретно от этих отношений можно не ждать вообще! — снова икнула я, причмокивая кислятиной. — Лежишь себе, смотришь в потолок и думаешь, ремонт пора бы делать, а денег как не было, так и нет. А он ползает по тебе скользкой слюнявой улиткой с социологическим опросом: «Ну как? Тебе хорошо?». А тебе уже ни холодно, ни жарко. Ты отработала на двух работах, приползла домой. В этот момент я думаю о его проблемах и пустом холодильнике. Так получают самые натуральные «охи». Воодушевившись, герой начинает великую эпоху географических открытий! Пытается выяснить, кто он? Америго Веспуччи или Христофор Ик! Колумб! Лежит себе, как в окопе партизан, выглядывает периодически на предмет стонущего и раненого врага на горизонте. Иногда даже оглядывается по сторонам, словно где-то неподалеку ходит святая инквизиция, и застав его за этим богомерзким процессом, тут же схватит и оттащит на костер! При этом изображает маленького спеленатого младенца с жалобным взглядом: «Мама, роди меня обратно!». Ик! А потом почетный некрофил орет: «У тебя руки холодные! И ноги холодные! Не обнимай меня! Я заболею!».

Мне почему-то стало так грустно, что я чуть не всплакнула.

— Нет что-то принца Может, притащим его сюда? — предложила драконица, облизываясь и снова делая глоток. Вокруг нас дружно хороводились кошки, а из под ног сыпалось золото. — Слетаем, найдем Если надо — отобьем! Он же такой маленький и беззащитный! Мне уже его жаль!

— Нет! — принципиально заметила я, чувствуя прилив дружелюбия к мурлыкающей пушистой братии. — Настоящий мужик должен прийти сам. Не придет — найдем другого! Тем более, что он каждую монетку считает!

— Я таких люблю! Помнится, был у меня дракон, который все из пещеры вынес! Но он и принес — мне протянули вторую бутылку, а я погладила мурчалку из династии Серунов. — Неприятности

— Так всегда бывает, — покачнулась я, ласково чеша подбородок Черныша Надцатого. — Вынес с ноги дверь, а лучше бы мусор! Убрал планы в долгий ящик, а лучше бы за собой носки! А все мне говорят: «Он прямо у тебя святой!». Я смотрю и понимаю, что при жизни таковым еще никто не становился! И это наводит мне на странные мысли, которые противоречат уголовному кодексу. У всех нормальных людей левая рука чешется к деньгам, а смотрю на свой кошелек, и понимаю, что просто аллергия!

— А что ж ты с ним жила? — поинтересовалась драконица. — Я бы такого давно бы сбросила!

— Не знаю, — почему-то вздохнула я, чувствуя какую-то странную злость. — Жалко было Вот реально жалко Смотришь на него, а у тебя в душе комок жалости. А как только пытаешься выгнать, так в ноги падает, руки целует, мол, люблю-люблю, без тебя умру и так далее.

— Как говорила моя мама, небо ей сокровищами, главное, чтобы мужик на тебе не

катался! Я вот не понимаю, что значит, мужик без тебя умрет Мужики обычно умирают со мной, — усмехнулась Аврора, а мы посмотрели мужской стриптиз до кости. — Он что без тебя? Дышать разучится? Дышать может — и поест найдет.

Я зевнула, откидываясь на груды золота, а потом содрала с трупа плащик, заворачиваясь в него, как в одеяло.

— Если принц придет — буди! Помни! Ты — несчастная узница! Как только принц придет — кричи: «Спаси меня, о мой герой!». — заметила я, устраиваясь поудобней. Впервые в жизни мне приходилось спать на целой груды золота, выставив дракона, как будильник.

Проснулась я от того, что кто-то истерично орет: «Помогите! Спаси меня, о мой герой!». Я тут же открыла глаза, глядя на силуэт, стоящий на пороге в плаще и сверкающих доспехах.

— Ты разбудил древнее зло! — прокашлялась я, всем видом пытаюсь показать, что пушистое зло — не дремлет! — Проклятие падет на твою голову, герой!

А кто может похвастаться тем, что с утра он добрый и пушистый? Это был тот самый случай, когда спасти мир могла чашечка кофе и душ, но и меч, на который положил руку принц, вполне мог бы решить эту проблему.

— Ну вот и ты, мой маленький друг! Ха-ха-ха! — я забралась на груды сокровищ, чтобы пушистое зло было лучше видно. — Ну что! Доставай свой мечик! Или боишься? Мои чары спадут, если ты меня победишь! О, трепе ик! щи, смертный!

Я посмотрела на огромную морду Авроры, а потом тихонько прошептала: «Подыгрывай!».

— Ай! Спаси меня от этого чудовища! — заныла она, шарахаясь от меня в угол пещеры. — О, прекрасный принц! Я так ждала, что кто-то меня освободит от этой злой ведьмы! Помни, она коварна!

— Продолжай в том же духе! — прошептала я, подмигивая «несчастной» драконице, и тут же продолжила. — Ну что? Убежишь и трусишь?

— Ты, это, — шепотом заметила Аврора, не забывая трепетать всем телом, пока я пыталась залезть еще повыше. — Не подсказывай ему, где выход

— Или будешь сражаться до конца! — пафосно намекнула я, чувствуя, что последние полбутылки вчера были явно лишними даже для маленького пушистого зла. — Поверь, меня не одолел Кризис Финансовый, Кризис в личной жизни, Пустой Кошелек, Аврал на работе! Хотя очень пытались! Ха-ха-Ик!

Принц молчал, стоя напротив меня. Темные волосы выбивались из капюшона, а на груди сверкал знакомый по вчерашним приключениям, герб.

— Чего молчишь? Испугался? — злобно потерла я лапки, а потом решила сделать скидку на интеллект. — Чтобы уничтожить меня и разрушить мое злое колдовство, тебе нужно разбить корону! Ха-ха-ха!

Мой взгляд упал на корону, которая валялась среди груды золота.

— Вон ту! Корону всевластия! — уточнила я, показав лапкой на груды золота. — Нет, не соседнюю, а именно вот эту! С красным камнем и зубчиками! И тогда — проклятье будет снято! Только не вздумай это делать! Не вздумай ее трогать, а тем более ломать! Иначе я погибну!

Где-то дружно аплодировали стоя все воспитатели детского сада. «Молодец!», — прослезилась нянечка, глядя на меня, поэтому я решила еще немного подбодрить принца.

— Я злой и страшный чародей, Ты побеждать меня не смей! Гноблю и мучаю людей! Пока не дали — пафосно намекнула я, поглядывая на героя.

Да, видимо, с рифмой у принца были проблемы. Драконица стенала и всхлипывала,

поддакивая каждому моему слову, всей необъятной тушкой трепеща передо мной.

— А ты молчи, несчастная пленница! Забейся в угол! Сейчас, если рыцарь тебя не спасет, то буду гнобить и дальше! — отозвалась я, почесавшись за ухом.

— Мне кажется, что он испугался и просто оцепенел от ужаса. Такое с ними иногда бывает, — прошептала драконица, поглядывая на героя и снова охая.

— Тихо! Он думает! Я уверена, где-то в нем сидит мужик. Просто пользуется он им как-то неправильно, — прошептала я в ответ, понимая, что сегодня у нас не просто скидка на интеллектуальные способности. У нас тут черная пятница!

— Ай! Ой! — орала драконица, жалобно глядя на героя с очень слабой оперативной памятью.

— Смотри! Чтобы победить меня Ты запоминаешь, что я говорю? Чтобы меня победить и спасти девушку и сокровища, тебе нужно взять вот эту корону и разбить ее мечом! Еще раз! Вот эту корону! Вот так вот мечом! — тонко намекала я, объясняя на лапках. — И тогда я буду побеждена!

Принц даже не пошевелился. Мне кажется, или это такая тактика (, - забить меня до смерти вселенской тупостью.

— Принцесса — очень красивая, — я старалась говорить помедленней. — И приданое у нее хорошее!

Еще пять минут таких разговоров, и зло тихо скончается само.

— Эй, тормоз! Ау! Вернись в наш бранный мир! — закатила глаза я, глядя, как внутри пещеры все стало алым. Солнце медленно садилось за горизонт. — Еще раз. Я — очень злая ведьма! И вот конкретно сейчас нападую на тебя! Не буди во мне чудовище!!! Иначе за ногу укушу! А я могу! Мой укус смертелен!

— Может, он стесняется? — прошептала драконица, имитируя испуг.

— Вчера не стеснялся, а сегодня стесняется, — шепотом ответила я, понимая, почему в мире осталось так много зла. Внезапно я почувствовала, как лапы снова превращаются в руки, а я съезжаю на хвостике с горы золота.

— Ну вот, — отряхнулось зло, беря в руки заросший паутиной меч и пытаясь поддеть его капюшон. Внезапно мой меч отбили.

— Ах так? — обрадовалась я, по крику понимая, что только что наступила на чей-то кошачий хвост. — Ну значит, сразимся!

Еще один удар, а меч чуть не вылетел у меня из рук.

— Трепещи передо мной! — заорала я, глядя, как принц отражает мои неловкие удары.

Я замахнулась мечом, выронила его, извинилась и тут же подняла, снова идя в наступление. Аврора затаила дыхание, глядя на этот поединок.

— Ты скоро получишь свое! — подбадривала я героя, чувствуя, как подо мной съезжает гора золота и пафосные фразы заканчивались. — Я хочу увидеть твой конец!

Еще несколько ударов, и мой меч отлетел на пол, а меня резко прижали к стене. Я бы даже сказала, что загнали в угол, прижимая рукой и не давая мне пошевелиться, чтобы через мгновение впиться в меня поцелуем. Меня целовали так, что у меня чуть не отпал обескураженный хвостик.

— Дорогой принц, а что это ты делаешь? — послышался ревнивый голос Авроры, в тот момент, когда я чувствовала, как умираю от каждого прикосновения губ. — Ах ты, наг проклятый!

— Угадала, — послышалось в тот момент, когда я настойчиво требовала продолжения. Плащ упал на пол, а хвост решил, что где-то неподалеку есть анатомическая пещера, в которую он не прочь спрятаться.

— А где принц? — поинтересовалась я, глядя в желтые глаза.

— С-с-сейчас-с-с придет, — усмехнулся Адильер, отпуская меня с улыбкой и выходя из пещеры. Через мгновение появилась голова принца, а следом и он сам. Смущали лишь то, что его держали за голову. Принц обвел нас мутным взглядом и что-то промычал в качестве приветствия.

— О, я — прекрас-с-ный принц-ц-ц! — послышался насмешливый голос. — Я приш-ш-шел с-с-спас-с-сти прекрас-с-ную принцес-с-су! Где это пуш-ш-шистое з-з-зло, которое нуж-ж-жно с-с-срочно победить? Я готов к с-с-сражению! Ну, з-з-зло, трепещ-щ-щи!

— Эм — заметила я, глядя, как в руку полубессознательного принца вкладывают меч и зажимают.

— Кто это? — прошептала мне драконица, глядя, как нашего принца тащат разрушать корону.

— Это — злой чародей, — заметила я, кивнув в сторону Адильера. — Я у него в плену как бы нахожусь

— А-а-а! — вздохнула драконица, глядя, как нам помахали рукой принца, а потом сгрузили его на груды золота.

Принц тем временем приподнялся, мотнул головой, округлил(и) глаза при виде сокровищницы и чуть не заорал.

— Ой, — произнёс принц, переводя взгляд на нагую красавицу. — Кто вы, о прекрасная незнакомка?

— Ты меня только что расколдовал! — сладким голосом произнесла Аврора, глядя, как герой пытается сообразить. — Ты только что победил зло!

— Что-то я ничего не помню! — помотал головой принц, осматриваясь по сторонам.

— С-с-счас-с-стливо ос-с-ставаться! С-с-совет вам да любовь! С-с-сделал, вс-с-се, что мог! Так что з-з-забираю с-с-свое маленькое з-з-зло, — усмехнулся Адильер, подходя ко мне и обнимая меня. — З-з-заодно и х-х-хвост-с-ст ему оторву. Почему з-з-злой ч-ч-чародей долж-ж-жен переж-ж-живать? Мы, пожалуй, вас-с-с покинем! Мне ещ-щ-ще свой конец-ц-ц показ-з-зывать.

Глава тринадцатая.

По горб жизни

В книгах 18+ все самое интересное 18+

— А может, тебе просто сказку рассказать? Эротическую? Восемнадцать плюс? А? — робко поинтересовалась я, стоя на мраморных плитах возле бассейна.

— А может з-з-за дерз-з-зкий побег показ-з-зать тебе вос-с-семнадцать плюс-с-с? — поинтересовался змей, снимая доспехи и швыряя их на пол вместе с плащом и мечом. — Нес-с-си с-с-скуда хвост-с-ст! С-с-сейчас-с-с отрывать будем!

— Не надо, — уклончиво заметила я, чувствуя, как хвост решил, что не прочь оторваться на полную, глядя на то, как его хвост в мгновение ока превратились в многометровый черный хвост, а черные волосы легли каскадом на интригующе-рельефные плечи.

— А потом я приш-ш-шью его обратно, — усмехнулся Адильер, переводя на меня насмешливый взгляд. Бассейн был полон воды, а я видела, как кольца медленно погружаются в нее. Через пару мгновений его мокрые волосы облепили шею и плечи, а капельки воды застыли на коже. Из глубин бассейна появился кончик черного хвоста.

— Конч-ч-чик видела? — рассмеялся Змей, а кончик хвоста снова нырнул в воду. — Ф-ф-фс-с-се! Показ-з-зал! Нас-с-слаж-ж-ждайс-с-ся!

— А у меня есть сказка, — гаденько заметила я, присаживаясь рядом, а потом шепча ему на ухо. — Очень эротическая

Мой взгляд смотрел на его грудь, на которой блестел капельками воды второй ключ от моей комнаты. Я положила руки ему на плечи, отбрасывая его мокрые волосы на грудь и глядя на золотой ключик. Я, конечно, не Буратино, но, видимо, утонуть мне не суждено.

— Он бегал возбужденный вокруг влажной дырки — страстно прошептала я, осторожно массируя его плечи. — Через мгновение он засунул туда пальцы... Несколько резких, хлюпающих движений, и в его руке была пара волосков Он снова в страстном порыве погрузил пальцы во влажное отверстие, со словами: «Ну же! Давай!». Через минуту он вернулся, держа в руке длинное орудие Он провел им вокруг дырки, а потом резко вошел в нее Он кричал, стонал, рычал, но тщетно И тогда он достал свой огромный инструмент, приложил его к дырке и И зачавкал Он покрывал ее засосами, темп его убыстрялся Он вспотел, чувствуя, что скоро упадет. Как он мечтал погрузиться в нее полностью, раствориться в наслаждении и блаженстве Она издала страшный звук и проглотила все

Я уже прятала ключик в декольте, налегая на чужие плечи.

— Сантехника, специализирующегося на чистке ванн, вызывать не пришлось! — сладко прошептала я, целуя его в щечку. — Спокойной ночи, змеюшка

Да! Ключ теперь лежит в корсете, а я собрала всю коллекцию! Хвостик ликовал, гаденько сжимаясь от предвкушения!

— Какая прелес-с-сть, — прошипел голос в тот момент, когда я уже тихонько собиралась улизнуть. Я почувствовала, как змеиный хвост обвивает мою щиколотку и деликатно намекает, что меня никуда не отпускали.

— Кролик, — прошипел Адильер, награждая меня нехорошей улыбкой. — А куда это ты понес-с-сла мой ключ-ч-чик? А?

— Эм А что кончик твоего хвоста делает в моем декольте? — я чувствовала, как меня обвивали тугие кольца, а кончик холодного и мокрого хвоста пытался ненавязчиво выудить ключ из моего корсета.

— Ищ-щ-щет, — усмехнулся Адильер, подтаскивая меня к краю бассейна. — Предлог Этот ключ-ч-ч не открывает нич-ч-чего, кроме

Послышался смех, а я почувствовала, как хвост отпускает меня, а я теряю равновесия, падая прямо в воду.

— Попалс-с-ся, кролик, — меня держали на руках, прижимая к груди. Я чувствовала щекой влажную кожу, сидя по пояс в воде. — С-с-сейчас-с-с хвос-с-стик отрывать буду

Мои губы накрыли поцелуем, а я чувствовала, как его руки рвут мой корсет и юбку.

— Я же с-с-сказ-з-зал, ч-ч-что х-х-хвос-с-стик — не жилец-ц-ц, — шептал змей, а я осторожно положила ладонь ему на щеку, проводя влажную черту. Я осторожно прикоснулась к его губам, чувствуя, как замирает мое сердце. Мой хвостик задрожал от нежности, в тот момент, когда я кусала его, целовала. «Д-д-дружить х-х-хвостиками — очень даже приятно!», — икнул мой хвостик(, в объятиях другого. Я гладила его плечи, умирала от каждого его прикосновения, ощущая, как скользят по мне его губы, отдаваясь сладкой дрожью, пронзающей все тело.

— Что ты делаешь? — прошептала я, судорожно вздыхая и кусая губы, Мне хотелось умереть, раствориться, забыть обо всем на свете в ту секунду, когда нежные губы превращались в жестокие, а по моему телу скользил раздвоенный язык.

— За-за-зачем же так жестоко? — простонала я, впиваясь руками в его плечи. Мне отвечали лишь поцелуями и улыбкой, в комнате постепенно темнело.

— Ты ты — задыхаясь, шептала я, обнимая его за шею. — Ты просто чудовище

— Я знаю, — слышался шепот в тот момент, когда мои губы поймали поцелуем, а мир растворился во внезапной слабости и сладости.

— Зачем ты меня проклял? — прошептала я, заглядывая в его желтые глаза, перебирая его волосы.

- Это не я тебя проклял Это ты с-с-сама с-с-себя прокляла, а я лиш-ш-шь показ-з-зал тебе твое проклятие, — прошептал Адильер. — Куда бы ты ни беж-ж-жала, ты никогда не с-с-смож-ж-жеш-ш-шь убеж-ж-жать от с-с-себя С-с-с кем бы ты ни была, ты никогда не с-с-сможешь быть кем-то другим. Это ключ-ч-ч к твоему проклятию

Его рука гладила меня, а змеиные глаза смотрели на меня холодным взглядом, заставляя оцепенеть. Его взгляд всегда холоден, как бы он ни улыбался

— Ты не убеж-ж-жиш-ш-шь от с-с-себя, кролик, — прошептал Адильер, едва касаясь губами моих губ, заставляя меня замереть от какого-то необъяснимого чувства. Смесь страха и волнения (, опьяняли не хуже бокала шампанского натошак.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — вздохнула я. — Я уже два года бегаю, как в попу раненный кролик, пытаюсь найти хоть какую-нибудь капусту Я имею в виду деньги!

— Неужели такая крас-с-сивая девуш-ш-шка, — по моим волосам скользнула его рука, а ухо нервно задергалось. — Не с-с-смогла найти муж-ж-жа?

— Был как бы муж. Позапрошлый! Он как бы работал, но (, потом у меня начались проблемы со зрением, — заметила я, чувствуя, как рука нага перебирает мои волосы. — Я постепенно перестала видеть его зарплату! Даже к окулисту ходила, он говорит: «Это — норма!». Так сказать, лечить нужно мужа

— И на ш-ш-што вы тогда вы ж-ж-жили? — осведомился змей, слегка нахмурившись.

— Он на пособие по моральной инвалидности, которое ему платил его работодатель! А я работала на двух работах! — с гордостью ответила я, чувствуя, как его рука легла на мое колено, которое находилось под водой. Я сидела у змея на хвосте, пока все полицейские, преследующие преступника, мне дружно завидовали.

— То ес-с-сть это не он ж-ж-женился на тебе, а он за тебя з-з-замуж-ж-ж выш-ш-шел, — глаза Адильера прищурились, а он откинулся на красивый бортик бассейна. — Х-х-хорош-ш-шо ус-с-строилс-с-ся, надо с-с-сказать Теперь мне оч-ч-чень х-х-хочетс-с-ся проверить, а точ-ч-чно ли ты ж-ж-женщ-щ-щина?

— Проверил? — задохнулась я, чувствуя волнительное оцепенение после нежной проверки, сопровождавшейся осторожным поцелуем моих губ.

— Понимаешь, приходилось экономить на всем, — почему-то произнесла я, отводя взгляд.

— Приятно, когда в отнош-ш-шениях, ты — это вс-с-се Продолж-ж-жай... Это с-с-самая луч-ч-чая эротич-ч-чес-с-ская с-с-сказ-з-зка, которую я, когда-либо, с-с-слышал. Иногда мне каж-ж-жется, что ес-с-сть неутомимый главный герой по имени Ж-ж-жиз-з-знь, — по красивым губам скользнула странная усмешка, а меня обняли за талию, поглаживая пальцами.

— Я делала все, что могла! Я изо всех сил тянула его! — оправдывалась я. В этот момент меня прошибла мысль, что я делала недостаточно. «Мужчину нужно вдохновлять!», — с грустью замечал мой бывший, поглядывая в пустой кошелек. — «А ты меня не вдохновляешь! Знаешь, сколько я зарабатывал, когда встречался с Аней? Есть женщины, которые вдохновляют, а есть такие, как ты».

— З-з-за какое мес-с-сто ты его тянула? — живо поинтересовался Адильер, положив руку на мой мокрый хвостик и нежно поглаживая его под водой.

— А ты догадайся! — нахмурилась я, чувствуя, как на моей щеке остается нежнейший поцелуй.

— Тянула, тянула и с-с-случ-ч-чайно оторвала, — вздохнул наг, глядя на меня с насмешкой. — Так вс-с-егда получае-с-ся, когда кого-то куда-то тянеш-ш-шь Вот я тяну твой маленький х-х-хвост-с-стик Мож-ж-жет, не надо никого тянуть? Мож-ж-жет, пус-с-сть ос-с-тае-с-ся на с-с-своем мес-с-сте? Пус-с-сть будет в том мес-с-сте, где его определила природа? На том с-с-самом с-с-сладком мес-с-сте

Рука четко обозначила то самое место, а хвостик решил поменять дислокацию.

— Ты понимаеш-ш-шь намек? — прошептал Адильер, обнимая меня за талию двумя руками и оставляя в покое маленькую пушистую неприятность. — Поч-ч-чему ты с-с-себя не любиш-ш-шь?

— Я люблю себя! — возмутилась я, глядя в его глаза. — Я очень люблю себя!

— Лжеш-ш-шь, — прошептал наг. — Ты лжеш-ш-шь сама с-с-себе Ж-ж-женщина, которая любит с-с-себя, никогда бы не с-с-стала на с-с-себе экономить Никогда бы не с-с-стала х-х-ходить в обнос-с-сках И никогда бы не с-с-соглас-с-силас-с-сь ес-с-сть капус-с-стный лис-с-стик. Почему ты не додумалас-с-сь отдать приказ-з-з с-с-слугам, чтобы они принес-с-сли тебе то, что ты х-х-хочешь? А вмес-с-сто этого отправилас-с-сь с-с-сама добывать с-с-себе еду. Ты могла приказ-з-з-з в любой момент Я их предупредил. Они ждали от тебя приказ-з-з-з.

— А почему ты мне не сказал? — удивилась я, чувствуя, как меня прижимают к себе.

— Нас-с-стоящая принц-ц-цес-с-са так бы и пос-с-ступила, — усмехнулся Адильер. — Ус-с-строила бы с-с-скандал, пос-с-строила бы с-с-слуг Я ждал от тебя этого, но не дож-ж-ждалс-с-ся.

— И не дожде-с-ся. Я привыкла во всем полагаться на себя. Не ждать милостей от судьбы. Я понимаю, что красивым девочкам в жизни везет намного больше, чем, таким, как я, но — договорить я не успела. — А кто с-с-сказ-з-зал, что ты некрас-с-сивая? С-с-смотри мне в глаз-з-з-з. С-с-с чего ты реш-ш-шила, что ты некрас-с-сивая? — мое лицо развернули к себе, а я смотрела на него с сожалением.

— Ч-ч-что конкретно тебе не нравитс-с-ся? — меня внезапно подняли на руки.

— Волосы! Мне не нравится, что они зеленые, — заметила я. — И короткие Но за короткими проще ухаживать! И шампуня меньше уходит!

Я не поняла, что произошло, а мы стояли перед огромным зеркалом.

— Ц-ц-цвет? — усмехнулся Адильер, пока я смотрела на свое отражение. — Говори ц-ц-цвет, длину

— Не знаю, — отмахнулась я, а волосы на голове зашевелились, меняя цвет на золотой. По моим плечам раскинулись золотые локоны, поигрывая бликами при свете свечей.

— Ты что? Всегда мог это сделать? — удивилась я, рассматривая роскошную шевелюру. — Ты в любой момент мог все исправить?

— Теперь ты с-с-себя любиш-ш-шь? — заметил Адильер, пока я смотрела на каскад роскошных волос. Он провел рукой по ним, и они стали огненно — рыжими. А потом черными, как ночь. Волосы менялись, превращаясь в тугие локоны, расправляясь в длинную соломку, лохматились, пушились, прилизывались, а я стояла с открытым ртом, глядя на преобразования.

— Ну ш-ш-што? — послышался голос за спиной. — Ты с-с-стала больш-ш-ше себя любить? Что еще тебя в с-с-себе не ус-с-страивает? Не с-с-стес-с-сняйс-с-ся!

Через десять минут из зеркала на меня смотрела девушка — уточка, понимая, что с таким огузком меня впору называть «Непотопляемой». Иметь такие параметры не очень экономно. В общественном транспорте придется покупать сразу два соседних места. Зато нет такой амбразуры, на которую не легла бы моя «новая грудь». С такой грудью спокойно можно останавливать как пехотную дивизию, так и танки, чтобы потом оба стратегических полушария приставили к награде. Или награды к ней. Судя по объему, меня можно награждать каждые пять минут, уменьшая площадь для маневра и

количество возможных подвигов.

— Ну ш-ш-што? Ты довольна? — насмешливо заметил Адильер, а у меня из волос, которым позавидует Рапунцель, торчали заячьи ушки. Я уже собиралась уходить, как вдруг меня схватили и прижали к себе.

Мое сердце занервничало и сжалось, моя внешность снова стала прежней.

— Я, Адильер, приношу тебе клятву вечной и искренней любви, — усмехнулся наг, обнимая меня, а я вздрогнула, глядя ему в глаза. Медленно и опасливо я перевела взгляд на свое отражение, видя все те же кроличьи уши, торчащие среди слегка отросших зеленоватых волос.

— Еще раз! Я, Адильер, приношу тебе клятву вечной и искренней любви! — снова послышался голос, целуя меня так, что у меня подкосились колени. — Клянусь в вечной и искренней любви. Тебе

Я еще чувствовала, как задыхаюсь, переводя глаза на свое отражение. Ничего не произошло. Все было так, как и было. Только выражение моего лица слегка изменилось.

— Значит, — вздохнула я, отходя на несколько шагов. — Ты меня не любишь Или любишь, но не искренне

— Женщ-щ-щина, которая не любит с-с-себя, никогда не поверит в чуж-ж-жую любовь — Адильер сделал взмах рукой, и ко мне снова вернулась грудь шестого размера, попя, требующая два билета на один конец и две пухлые, утиные алые створки к воротам рая. — Ну ч-ч-что ж-ж-ж, подож-ж-ждем

Я вернулась в незакрытый сераль, подложив дополнительную подушку под слегка изумленный хвостик. В серале появилось роскошное зеркало, в которое я задумчиво смотрелась.

— Что значит:, я не люблю себя? — я посмотрела на внешность, способную сразить наповал любого мужчину и модельное агентство. — Очень даже люблю! Просто это ты меня не любишь!

Я прилегла, сложив грудь на отдельную подушку, а на губах все еще стыли его поцелуи, а плечи помнили его объятия. Нет, главное, одежда спала, а заклятие нет! Так нечестно!

Стоило мне только уснуть, как вдруг послышалась песня, заставившая меня открыть глаза и содрогнуться, прислушиваясь. Если местная фабрика звезд срочно ищет разнорабочего, уборщика и мастера станочника, то я могу предложить кандидатуру!

— Ты спишь, прекрасная принцесса! Не потревожу дивный сон! — голосил какой-то снайпер — гуманист местной эстрады, гуманно не попадающий в ноты. — О, спи, прелестница, глубоким крепким сном!

Если где-то проходит кастинг на должность предвестника Апокалипсиса, то я, кажется, могу порекомендовать одно голосистое дарование, способное заменить мигалку на кортеже.

— Да заткнешься ты, или нет? — высунулась в окно прекрасная, но очень раздраженная принцесса, глядя на силуэт какого-то светловолосого принца.

На секунду ночная тишина прошелестела мне «спасибо», а я снова улеглась на подушки. Стоило мне только погрузиться в волшебный сон, как вдруг послышалось: «Пусть дарит нежный свет луна!»

— Иди-ка милый просто «на»! — остервенело срифмовала я, швыряя вниз одну из подушек. Принц умолк, поэт иссяк. Судя по звуку, иссяк поэт прямо под замок. Утонченная натура решила оставить свой автограф. Я выдохнула, чувствуя, как дергается глаз, а потом снова улеглась. Но музыкант — рецидивист не успокоился.

— Я буду петь всю ночь напролет, покуда солнце не взойдет! — выл очень одинокий койот, аккомпанируя себе на какой-то бельевой веревке. — И буду вечно сон хранить, когда смогу освободить! Я б злого мага победил, тебя бы я освободил

На голову принцу полетел лоток со всем содержимым.

— И чтобы «Сдох» была твоя фамилия! — простонала я, пытаюсь закрыть уши подушками. Короче! Сил моих больше нет! Я высунулась по пояс, а принц внезапно воспрянул духом.

— О, красавица! Сбрось мне свои волосы, чтобы я мог забраться к тебе! — прокричал он. Я присмотрелась, видя принца под сто пятьдесят килограммов и лежащую неподалеку клячу. Что-то мне подсказывает, что это — достойный представитель племени ирокезов, коллекционирующий скальпы пленных принцесс.

Насобирав на подушках результаты своей линьки, я слепила это все в комок и бросила вниз.

— Надеюсь, — пафосным голосом заметила я, высовываясь по пояс. — это поможет! Жду тебя, о мой спаситель! Пусть земля будет тебе кроличьим пухом!

— Я буду петь тебе до тех пор, пока ты не сбросишь мне свои роскошные косы! — вздохнул принц, разглядывая мою шерсть.

— Это только правая нога! — гадко заметила я, понимая, что принцессы с короткой стрижкой обречены на вымирание. — Есть еще левая, но я ее не брила!

— Сбрось мне косы, чтобы я мог спасти тебя! — требовал упитанный принц, страдающий сразу двумя болезнями. Звездной и зеркальной. Камзол на нем едва сходиллся, а судя по хрипам лошаденки, ей пора за вредность памятник ставить. Увы, уже в граните. Видимо, из башен на него летело многое, потому что герой был на редкость стойким.

— Я привяжу себя к твоим волосам, а ты меня потянешь вверх! — предложил гений от стратегии. — Быстрее, пока злой чародей не проснулся! Если он проснется, нам несдобровать. Я спас уже много принцесс из башен!

У каждого принца наверняка есть свое маленькое кладбище А у этого — целая аллея.

— Злой чародей, сползай и заткни прекрасного принца! Кролик тебя очень просит! Очень-очень! — взмолилась я, закатывая глаза.

— Спустись, красавица, спустись, ко мне скорее прислонись И в нежном шорохе ветвей! — послышалось под замком, а затем раздался звук, намекающий на удар одного тупого предмета по другому тупому предмету.

— Отх-х-хватиш-ш-шь прос-с-сто з-з-звиз-з-здюлей! — закончил знакомый голос. — Кролик, мне, меж-ж-жду проч-ч-чим, пес-с-сенка нравилас-с-сь

Я молчала, обнимая колени, а потом почувствовала, как меня обнимают. Мои ноги обвивал чешуйчатый хвост.

— Я придумал для тебя с-с-самое прос-с-стое з-з-заклинание, — услышала я шепот. — З-з-заклинание, которое с-с-снять проще прос-с-стого Дос-с-статоч-ч-чно полюбить с-с-себя, принес-с-сти клятву с-с-самой с-с-себе в веч-ч-чной любви. Ты мне нравилас-с-сь, но я не был уверен, ч-ч-что в дос-с-статоч-ч-чной мере с-с-смогу полюбить тебя. А теперь я дейс-с-ствительно люблю тебя И не з-з-знаю, как тебе помоч-ч-чь Мой маленький кролик, я дейс-с-ствительно ч-ч-чудовищ-щ-ще, которое х-х-хотело, как луч-ч-чше, но попало в ловуш-ш-шку собс-с-ственной х-х-хитрос-с-сти. А теперь кролик с-с-страдает

Я молчала, чувствуя, как по щеке катится слеза. Меня обнимали, а я шмыгала носом.

— Мне не нуж-ж-жен прес-с-стол Мне нуж-ж-жна ты, — меня обнимали, а я гладила его руку. — И с-с-сколько бы я ни говорил тебе о том, ш-ш-што ты крас-с-сивая, ш-ш-што ты любимая Инач-ч-че, я бы многое не терпел бы Я пыталс-с-ся помоч-ч-чь тебе И теперь понимаю, ш-ш-што более с-с-страш-ш-шного проклятия, я бы не с-с-смог придумать, даж-ж-же, ес-с-сли бы оч-ч-чень з-з-зах-х-хотел С-с-скаж-ж-жи мне, ш-ш-што тебе нуж-ж-жно, ш-ш-штобы с-с-снова полюбить с-с-себя?

Я молчала, поглаживая его руку. По щеке стекла еще одна слеза. Я не знаю. Действительно не знаю. Красивые платья? Роскошные волосы и фигура? Подвиги? Что?

Свадьба — ложь, да в ней намек!

Добрым молодцам урок!

Я долго не спала, радуясь этой мимолетной нежности. Может, ну его? Проклятие? Пусть все остается так, как было. Может быть, когда —нибудь, удастся его снять?

Осторожный поцелуй заставил меня положить руку ему на щеку. В крошечной темноте мы молча целовались, отмеряя время ударами сердца.

— Ты — не пленниц-ц-ца, — прошептали мне, а я выдохнула в ответ, что он вовсе не злой чародей. Ну, может быть совсем чуть-чуть. Не могут у злого чародея быть такими сладкими губы, не могут быть такими нежными руки, которые баюкают маленького сонного кролика, который ждет рассвет. Я гладила его чешуйчатый хвост, чувствуя, как он скользит по моим ногам, заставляя замирать. Хвостики уже нашли друг друга, а я улыбалась, с меня снимают платье, покрывая поцелуями мою шею и глядя изгибы моего тела руками. Платье лежало среди подушек, и тут я почувствовала знакомые признаки трансформации. Сквозь сломанные доски упал малиновый луч света, осветив яркой прозрачной лентой подушки.

— Тиш-ш-ше, — шептали мне, пока я чувствовала, как уменьшаюсь и съеживаюсь. — Тиш-ш-ше. Вс-с-се х-х-хорош-ш-шо

Я лежала на подушках, поджав передние лапки.

— Возьми меня, милый! — выкрикнула я со всей страстью. — Возьми и почеси!

Я почувствовала, как меня со смехом берут на руки, а я располагаюсь на его ладонь, свесив лапы в предвкушении блаженного экстаза толстого блохастика.

— За левым ухом О! О! Попал!!! — вздрогнула я, задрожав от восторга, когда его рука начала почесывать мое любимое место. — Да! Да! Интенсивней! О! Да ты просто мужик моей мечты! Нет, так нельзя! Ты — чудовище! Ненасытное, почесательное чудовище! Ну, милый, ну! Я умираю! О, да! О О! Еще чуть — чуть левее! Мамочки!

Еще немного, и я признаюсь ему в любви! Ой! Да что ж он делает! Чешет мой хребетик Мама! Мама! Я помираю!

— Змееюшка, родной, ты главное не останавливайся! — взмолилась я, чувствуя, как он стал чесать то место над хвостом, куда я при всем желании не могла дотянуться.

— Ты — мое божество! Правее. Правее О! — я смотрела на Зиту, Гиту и других нарисованных девочек, понимая, что такой почесательный экстаз им даже и не снился! Что они могут знать про экстаз? Ничего! Рука то поглаживала, то расчесывала пальцами мои пушистые эрогенные зоны, покуда (я бессильно свесила лапки, наслаждаясь каждым мгновением.

— Я хочу, чтобы ты чесал меня всю ночь, — простонала я, когда была обнаружена еще одна эрогенная зона на загривке. — Ой, как я люблю тебя Ты себе не представляешь! А! А! Нет! Нет! Да-а-а-а!

— Я поч-ч-ти конч-ч-чил. Мне нуж-ж-жно уйти, — усмехнулся обладатель самой лучшей руки на свете, которая вернулась к почесанию моего уха.

— Пол-империи отдам, если останешься и будешь чесать меня дальше, — вздохнуло маленькое зло, чувствуя, как подергиваю лапами от экстаза.

— Мне и ц-ц-целая не нуж-ж-жна Я ещ-щ-ще империю не кормил! — прошипел Адильер, почесывая уже мое мохнатое пузико, пока я подергивала лапкой от восторга.

— погоди, тебе что? Империя не нужна? — замерла на секунду я, пытаюсь осознать услышанное. — А мне казалось, что ты решил стать Императором!

— Ес-с-сли бы я х-х-хотел с-с-стать императором, то я бы с-с-стал им. Не с-с-сомневайс-ся, — усмехнулся наг, положив ладонь мне на животик. — Но давай на ч-ч-чистоту. Империя по с-с-сравнению с-с-с Лагором — ж-ж-жалкая попрош-ш-шайка. И они давно полож-ж-жили глаз-з-з на мои з-з-золотые приис-с-ски, пос-с-сколько там из-з-з полез-з-з-ных ис-с-скопаемых нет даж-ж-же моз-з-згов. Император меня прос-с-сто дос-с-стал с-с-

— Я не хочу войны. Многие ее не хотят, но Адес настаивает на том, чтобы Лагор был завоеван. Он обещал, что сделает то, что не удалось его предшественнику. И народ его поддержал! — заметил гонец, пока мы летели во весь отпор.

Мой несчастный вестибулярный аппарат мысленно требовал приблизить тот день, когда технический прогресс дойдет до автобусов или монорельсов. Но технический прогресс шел медленно, никуда не спешил, а судя по телегам, которые попадались на нашем пути, иногда передыхал. Пыльная дорога заставляла меня кашлять, а я понимала разницу между Лагором и Империей, глядя на покосившиеся домики окраины, грязных и голодных жителей, которые бросались под копыта, настойчиво требуя милостыню.

Иногда деревеньки сменялись унылыми городами, которые мелькали серыми, убогими домами. Я так понимаю, что в местной газете «Вакансий» самое популярное объявление: «Требуется попрошайка! Крышу обеспечим!».

Я уснула, чувствуя, как меня все еще трясет, как в поезде дальнего следования. Иногда я просыпалась, понимая, что пейзажи не сильно изменились.

К вечеру мы подъехали к огромному городу, обнесенному многометровыми стенами. Навстречу нам шла бесстрашная бабка, не желая менять траекторию движения.

— Погадать никому не надо? — спросила она, поднимая на нас слепые глаза. — Всю правду расскажу!

— Останови! — попросила я, а гонец встал как вкопанный.

— Вот! — протянула я лапку старухе. — Гадай!

— Самозванка на престоле! — скрипучим голосом произнесла старуха. — Смерть ждет тебя. Ждет-не дождется. И ведь давненько дожидается! И вот ты прямиком к ней скачешь

— Она бред несет! Никто Императрицу не тронет! — возмутился гонец, не снимая капюшона.

— Слышь, девонька, — обратилась старуха к нему. — Ты почему зря голос на старших не повышай!

— Какая я тебе «девонька»? — возмутился гонец, пытаясь оттолкнуть ее. — Не слушай ее! Ерунду всякую городит!

— Вижу, что с мужиками тебе не везет! Но счастье тебе скоро женское приползет! Встретишь ты своего настоящего мужика и судьбу свою встретишь!

— Бред какой-то! — огрызнулся гонец, сажая меня на коня и ударив его в бока.

— Бред- не бред, а яиц и мозгов нет! — слышался скрипучий голос, а я занервничала.

— Знаешь, я тут что-то подумала, а почему бы не прислушаться к совету? Что-то мне не нравится эта идея. Я требую охрану! — нервничала я, пытаясь унять тревожный хвостик. — Мне не нравится этот Адес!

— Все будет хорошо! Я смогу тебя защитить! — слышался голос, а всадник снял капюшон. — Адес — это я. Поверь мне, тебя никто пальцем не тронет. Я всего лишь верный слуга Императрицы. У меня не было выбора. Либо Империя погружается в смуту, либо я обещаю людям, что освобожу тебя. Но я не хочу войны, поэтому надеюсь, что народ, увидев свою императрицу целой и невредимой, будет счастлив. Поговори с людьми. Если захочешь, сможешь вернуться обратно в Лагор к своему нагу. Я не стану тебя удерживать! Ведь те, кто любят, никогда не станут удерживать любимую. — Это когда ж ты успел? — осведомилась я, вспоминая, не вскакивал ли у меня прыщ на носу и не икалось ли мне долгими ночами.

— Как только я увидел твой портрет, я понял, что влюбился без памяти. Я понимаю, что ты любишь другого. Понимаю, что мы почти незнакомы. Я не прошу твоей любви. Я прошу ради простых людей, — мы доскакали до замка, а Адес спешил, откидывая капюшон. Впервые я видела, чтобы два человека были так похожи друг на друга! Он

даже улыбается точно так же, как и Адильер. И даже глаза похожи. Мне казалось, что стоит ему отвернуться, как я назову его чужим именем.

— Собирайте народ! Они должны видеть свою Императрицу! — приказал Адес, а я смотрела на него и не могла отвести глаз. Каждое движение заставляло мое сердце мучиться и терзаться.

Меня несли в огромный дворец, где все встречали меня, улыбались, а кто-то даже попытался погладить, но я его укусила.

— Народ собрался под балконом! Они ждут Императрицу! — поклонился слуга, пока я поражалась огромному дворцу и его роскошному убранству.

Меня вынесли на балкон, подняли на двух руках, а я почувствовала, что где-то должны забить там-тамы, пробежать антилопы, а африканское солнце осветить утес.

— Я спас Императрицу! Победил злого чародея! И вот она теперь в Империи! Он заколдовал ее, но настоящая любовь сегодня снимет с нее проклятие! Это говорю вам я, Адес! — я хотела возразить, но мне зажали рот. — Сегодня, во дворце состоится свадьба! Сегодня во дворце спадет страшное проклятие! Я принесу клятву вечной любви! И вы все ее услышите! И моя клятва снимет злые чары!

«Адес! Адес!», — скандировала толпа, ликуя и подбрасывая в воздух цветы.

— Я приглашаю всех на нашу свадьбу! Вы все будете свидетелями истинной любви! — голос Адеса утонул в реве восторженной толпы. Многие даже стали обниматься.

Меня вынесли в комнату, а я возмутилась до глубины кроличьей души

— Народ любит сказки, поэтому правители иногда вынуждены рассказывать их! Я попробую снять с тебя проклятие, потому что люблю тебя. Действительно люблю. Люди должны понимать, что нет смысла воевать с Лагором, если Императрица спасена! — ответил Адес, а я отвернулась, понимая, что не могу на него смотреть. — Свадьба — это формальность. Потом ты вернешься в Лагор. Как только мы закончим, ты сможешь вернуться. Я не стану тебя задерживать, если ты не захочешь остаться сама. А раз свадьба — это формальность, то мы должны отрепетировать ее! Людям нужна сказка. Красивая сказка о любви.

Меня тут же схватили и стали расчесывать, а потом прицепили маленькую юбочку, а на голову водрузили венок с фатой. Я на всякий случай осмотрелась на предмет очереди из других любителей нестандартных браков. Почему я не вижу мужика с пылесосом? Где любвеобильный мачо с металлических качелей, вспоминающий их первый поцелуй? Где одинокий паренек и его бревно?

Я сидела на подушечке, а меня немного смущало, что вместо свидетелей была стража. Рядом стоял Адес, с таким видом, словно ему сейчас на голову наденут корону.

— Властью данной мне Империей! — торжественно заявил дряхлый дед, раскрывая огромную книгу. — Я открываю сей фолиант, чтобы увековечить брак Ее Императорского Величества Эванжелины, вдовы покойного императора и героя, храбреца, человека, сумевшего восстановить мир в Империи, предотвратить смуту и мятеж, мужественной рукой взявшего

— Я так понимаю, что покойный муж — это моя единственная заслуга? — перебила я.

— взявшего в руки бразды правления Империей, Адеса! — закончил старик, трясущейся рукой показывая на нас.

— Объявляю вас мужем и женой! — произнес старик, а в тот момент (поняла, что книга нужна не только для моральной поддержки. Из нее вырвалась серебристая лента, и тут же разбилась на мелкие искорки.

— Не понимаю! — проскрипел старик, а Адес заметно нервничал. — Объявляю вас мужем и женой!

Снова вылетела лента, но стоило ей подлететь ко мне, как она сразу рассыпалась в

воздухе.

— Мужем и женой объявляю я вас!!! — заорал старикан, покрываясь холодным потом, а вокруг меня цвел серебристый салют. — Мужем и женой!

— Что такое? — занервничал Адес, оглядываясь по сторонам. — Что происходит? Пробуйте еще!!!

— Объявляю вас мужем и женой! — снова произнес старик, трясущимися руками перелистывая страницу, в тот момент, когда лента снова подлетела ко мне, а Адес попытался взять меня за руку, вокруг меня обвилась черная полупрозрачная змея, страшно зашипев в его сторону. Старик отшатнулся, роняя книгу.

— Наг! — прошептал он, глядя как змея шипит на Адеса, а тот осторожно убирает руку. — Ты не можешь жениться на ней, потому что она уже замужем Он женился на ней!

Когда?!!! Когда это он успел?!! Не помню свадебного платья, торта и кучи гостей! Не помню, чтобы соглашалась Когда это было?

— Как?!! — заорал Адес, глядя на меня. — Почему ты мне не сказала?

— Наги женятся один раз и на всю жизнь. И заклятье его брака хранит невесту. Обычно, — голосом ведущего программы «В мире животных» пояснил старик. — это происходит в воде Я что-то не понимаю! Мы с Адильером поженились? То есть, он — мой муж? Я вышла замуж, но сама об этом не в курсе? И вот после этого он мне говорит: «Не буду тебя задерживать!». И принцы, значит, катались почему зря!

— Тварь! — процедил Адес, переворачивая ногой столик. — Этого я не предусмотрел!

Меня схватили за уши и резко подняли вверх.

— Ты почему молчала? — прошипел он, а его лицо искривилось в не очень приятной гримасе. Меня швырнули на пол, как игрушку, а Адес расхаживал по комнате.

— Срочно, тащите любую девку и готовьте свадьбу! — выдал он, не давая мне уползти. — А ты куда собралась? Я же обещал тебе, что клятва вечной любви снимет с тебя проклятие? Так вот! Проклинаю тебя! Как только я произнесу клятву вечной любви другой, ты умрешь! Мое проклятие нерушимо! И не снимет его никто! Запереть ее! Пусть сидит в комнате! Готовьте свадьбу и девку! Людям нужна сказка — они ее получают! Тащите портрет и невесту! Сделаю все, что смогу! Наложу иллюзию. Как только я поклянусь в вечной любви, часть иллюзии спадет! Что стоите? Этот блохастый комок меха запереть в комнате! Пусть сидит и ждет! Как только я стану императором, надобность в ней отпадет!

Я кусалась, вырывалась, но меня оглушило заклинание. Последнее, что я помню, так это крики за окном: «Да здравствует любовь! Да здравствуют Эванжелина и Адес!». Нам уже и деток побольше желали, а я чувствовала, как отключаюсь.

* * *

Слуги молчали, а я медленно вползал в ее комнату. Среди разбросанных подушек лежала раскрытая коробка, а на зеркале в уголке маленькой кроличьей лапкой было написано: «Люблю тебя, змеюшка! Я не хочу, чтобы ты погиб! Я скоро вернусь! Не скучай! Твой Кролик».

— С-с-собирайте войс-с-ско! — прошипел я, не сводя глаз с зеркала. — Ш-ш-штобы не скуч-ч-чно было никому! Вот не х-х-хотел я

* * *

Я очнулась в маленькой комнатке, лежа на полу. Хвостик жаловался мне, что только что получил, и возможно, даже сапогом. И главное, что ни одно общество по защите прав животных, не устроило пикет под дворцом!

Я запрыгнула на стул, а потом переползла на стол, шевеля в воздухе задними лапками и пытаюсь нащупать опору. На столе лежали какие-то коробочки с белилами, румянами и прочей дребеденью. Была даже острая заколка с цветком, которую я скинула на пол. Пригодится. Ничего! Сейчас я с удовольствием испорчу кому-то свадьбу! Пусть знают, что значит, обижать маленьких и пушистых! Скоро при мысли о кролике они будут бежать дальше, чем видят. И даже во сне у них будут конвульсивно подергиваться ноги, когда им приснится что-то пушистей крысы. Я обмакнула лапку в какую-то черную гадость и нанесла воинственную полосу на морду.

Через минуту я толкала стул к окну, глядя на защелку. Ничего-ничего, из черепа командоса я потом сделаю скворечник! Заскочив на стул, положив лапы на его спинку, я стала тыкать заколкой, зажатой в зубах, в крючок. Мимо! Кролики просто так не сдаются! После десяти неудачных попыток острие уперлось в крючок, который я поддела. Порыв ветра и громогласное «Ура! У нас будет новый Император! Долгих лет жизни Эванжелине и Адесу!». Хорошее пожелание, в свете того, что это третий этаж, а от моей комнаты идет в сторону соседнего открытого окна тоненький, украшенный завитушками карниз, шириной с ладонь!

— Ничего! Сейчас! Мы справимся! — подбадривала я себя, пока внизу желали мне очень крепкого здоровья!

— Спасибо, дорогие мои! — прослезилась я, ступая лапками на карниз. — Вот почему я — не кошечка? Почему не крыса?

Мои лапки дрожали, а хвост заходил в истерику. Зато я отлично сливаюсь с белой стеной.

— Желаем побыстрее обзавестись наследником! — орали люди под окнами, а я чуть не осчастливила их преждевременными родами, когда задняя лапа соскользнула вниз.

Я прошла половину пути, глядя на приоткрытое соседнее окно.

— Чтобы жили вы долго и счастливо! — кричали внизу, пока я старалась не смотреть вниз.

— Только порознь! — успокаивала себя, почти добравшись до окна. Я прислушалась.

— Свадебное платье готово! — произнес женский голос. — Нужно сообщить об этом Адесу. Он должен его увидеть перед церемонией. Пусть невеста примерит его! Может, нужно ушить? Такого красивого платья, еще не было ни у одной невесты Империи!

Шаги удалились, а я пробралась внутрь, глядя на манекен в белоснежном свадебном наряде. Корсет был расшит драгоценными камнями, а многослойная юбка — дорогим кружевом. Рядом стояли какие-то белые тапочки с бантиками.

— Есть такая примета, — вздохнула я, толкнув манекен на пол. — Что нельзя, чтобы жених видел платье невесты!

Мои лапы разрывали ткань, а зубами я отрывала драгоценные пуговицы. Сейчас мы им пол помоем! Я тащила платье в зубах по пыли и грязи. Ловко запрыгнув на трюмо, я смела оттуда всю косметику прямо на роскошный подол. Я просто внесу маленький творческий элемент. Пусть думают, что так модно! Я дизайнер, я так вижу!

Я с наслаждением размазывала лапами какую-то черную грязь, похожую на жидкий гудрон, а потом растирала по корсету румяна. — Белый сейчас не в моде! — усмехнулась я, любясь результатом. От прежней красоты мало что осталось, а мой взгляд упал на туфли.

— Нельзя выходить замуж в новых туфлях. Примета плохая! — вздохнула я, усаживаясь на одну из них, отрывая зубами роскошный бант. — А это — мой маленький свадебный подарок! Говорят, к деньгам!

За дверью послышались шаги, а я шмыгнула к двери, прикидывая, в какую сторону она открывается.

— Вот! Лучшее платье для Ее Императорского Ве Ве — голос замедлялся, а я тихонько шмыгнула в коридор, прячась за гобеленом. — Простите. Я не виновата! Я не знаю, что с ним произошло! Я дверь закрывала! На ключ! Здесь никого не должно было быть!

— Где она? Проверить комнату! — послышался крик. — Ищите любое белое платье! Любое! Приделайте к нему какой-нибудь бантик и сойдет!

Я бы посоветовала пододеяльник, но слишком вежлива, чтобы давать советы профессионалам.

Глава пятнадцатая.

Золушок

Кролик бежал, лапкой махнул,

яичко упало и разбилось.

Принц был госпитализирован с сотрясением мозга.

Обычно на чужие свадьбы мне лениво плевать с высокой колокольни, да и то лень туда лезть, но на этой свадьбе я пусть бывшей, пусть и не девушкой, но Императрицей. Что-то мне подсказывало, что объяснить счастливой толпе тот факт, что сказки о вечной любви пресветлого рыцаря с железными тестикулами и прекрасной принцессы со «Стокгольмским синдромом» не получится, будет весьма проблематично. Народ уже был настроен на массовое гуляние в честь знаменательного события и внеурочного выходного, а я была настроена решительно.

— Чтобы к утру платье было готово! Мне плевать, как, но оно должно быть готово! — орал жених, мечась по комнате, пока я сидела и выглядывала одним глазом в дырку. Сапоги удалились, а паника продолжилась.

Я бросилась бежать по коридору, в надежде, что не натолкнусь на стражу. Мимо меня бежали слуги с какой-то гирляндой. Везде царил паника и суматоха. «Чтобы на свадьбе все было идеально! Это — Императорская свадьба!» — кричал кто-то, погоняя слуг. Мне чуть не отдавили хвост, поэтому я шмыгнула в комнатку, притаившись под креслом.

— Иди сюда! — послышался голос Адеса. — Сойдешь за Императрицу. Раздевайся! Быстро снимай тряпки!

Я выглянула и увидела грязные ноги девушки, которая спешно сдирала с себя платье со словами: «Я готова подарить вам наследника!».

Ага! Наследника вам завернуть или здесь будете?

— Быстрее! У меня мало времени! — возмущался Адес, расхаживая по комнате. Соблазн укусь жениха был велик. До нужного места не допрыгну, а за сапог неинтересно. — Ну вот! Сегодня заклятие спадет после клятвы вечной любви! Сойдет! Тут еще вуаль будет! Издали не заметят!

— Иди мерки снимать! — потащил счастливый жених счастливую невесту, которая семенила босыми ногами по полу. Дверь захлопнулась с таким грохотом, от которого у меня чуть не заложило уши. Меня пугало лишь то, что за окном начинало темнеть. Еще

немного я побуду кроликом, а потом стану человеком. И прятаться в укромных уголках станет намного сложнее!

Я металась, понимая, что вот-вот меня настигнет неумолимая трансформация, но мой взгляд упал на старенькое платье, стоптанные туфли и чепец, которые валялись на полу.

Еще немного и вместо пушистого зла появится очень недобрая Золушка. Сама вляпалась, сама и разгребай. Краем уха я уловила голос Адеса.

— Угораздило ее! — ругался он, что-то круша и ломая. — Проклятый наг! опередил меня!

— Так у них же была свадьба Он же пришел под видом нищего, — возразил кто-то дребезжащим голосом.

— Свадьба нищего с Императрицей была показательной! Никакой свадьбы не было! Мой отец лично проводил этот обряд! Он не скреплял их узами брака! — орал Адес, что-то швыряя. — Под видом нищего должен был прийти убийца, отвести ее в лес и прикончить! Зачем тут брак? Тут и так все понятно! Это была подстава!

Где-то неподалеку слышалось писклявое: «Еще больше цветов! Это же Императорская свадьба! Весь зал должен быть в цветах, как в настоящей сказке!».

— О, для этого достаточно, чтобы он признал ее своей женой и провел над ней свой обряд с совокуплением! Это часть ритуала! В книгах о культуре нагов он описан — дребезжал голос, и тут же замялся. — В подробностях!

— Вот что он в ней нашел? — что-то рвал и что-то метал Адес, а я видела, как солнце уже садится, а в комнату ползет сумрак. — Она же уродина! У нас даже служанки красавицы по сравнению с ней!

Вот зря ты так! Женская самооценка подняла голову и решила мстить так, как не мстила никогда! Еще чего! Какой-то прыщ на белой заднице будет мне тут топтать самооценку! Хватит, надоело! Тоже мне герой! Кого-то он мне напоминает? Где-то в далеком мире есть у него брат по разуму!

Моя самооценка поправила очки, отряхнула платице, подарила миру улыбку ранимого и эфемерного создания, которое тут же достало скрипочку из футлярчика и решило выпилить все нервы в округе. Ничего, я ему голову отгрызу!

Я надевала чужое платье и старый, ветхий фартук, засовывала ноги в растоптанные и дырявые туфли, а потом пригладила уши, пытаясь завязать чепец. Свое платье я бросила в камин, глядя, как огонь пожирает его.

В комнату кто-то вошел, а я тут же присела, кочергой помешивая угли.

— Ты что здесь делаешь? — заорал толстый мужик с пороссячим носом и маленькими глазками, вытирая уголки пухлых губ. — Там на кухне рук не хватает! Бросай свой камин! Быстро на кухню! Сначала бал — помолвка, а потом свадьба! Шевелись!

Я встала, опустила голову и посеменила в коридор, по которому бегали служанки с блюдами. На одном из них был жареный кролик, в естественной среде обитания, щедро украшенный зеленью. Я провожала брата грустным взглядом и урчанием желудка, пытаясь на ходу определить, из какого муравейника ползут эти муравьишки.

— Осторожней! Сейчас гуся уронишь! Вот бестолочь! — ругался кто-то.

- Это не гусь! Это лебедь! — пытался перекрычать еще один женский голос, а мне навстречу из какой-то неприметной двери выплывал огромный лебедь из крема.

— Ищите ее!!! Она где-то спряталась! Вот тварь! — кричал Адес, пока по коридору гроыхала доспехами стража. — Она не могла сбежать! Хотя, пошлите людей! Ее нужно поймать!

Мимо меня пронесся железный табун и поросенок с хрустящей корочкой, которого едва удержала на руках пышная девица, проклиная гроыхающий табун.

— Никого из замка не выпускать! — приказывал Адес, а я нырнула в неприметную дверь, спускаясь по лестнице.

Вот не поехала бы я сюда, всю жизнь потом виноватой себя чувствовала, если бы со змеюшкой что-то случилось. Пусть он и могущественный чародей, но не всесильный. И сражаться против целой Империи он вряд ли сможет. Откуда у меня это странное чувство, словно эту проблему я должна решить сама? Хорошо, ну останься я там, в Лагоре, ну начнись война. Кто от этого станет счастливее? Погибнет столько людей Мне слуг жалко. Только я имею право трепать им нервы. Прости меня, змеюшка. Прости своего кролика. Кролик не хочет всю жизнь прятаться в своей норке.

— Смотри, куда идешь! — наорали на меня, неся огромное блюдо с закусками. — Замечталась тут! Тоже мне, Ымператрыца!

Я никогда в жизни не рисковала. Никогда не бросалась в омут с головой. Я всю жизнь была кроликом в маленькой норке, сидела и не высовывала голову. Адильер был прав. Я — действительно кролик. И ведь могла же выгнать идиота. И вещи на лестничную клетку вышвыривала! И скандалы закатывала! А потом в какой-то момент понимала, что останусь одна. И не факт, что кого-то себе найду. И в этот момент я прощала. Обижалась, но прощала. И ведь за любовницу простила бы. «А что? Все мужики ходят налево? Мой тоже ходит!», — кричали бы коллеги. «Главное, что он не к ней ушел, а с тобой живет!», — поучали бы приятельницы. «Поверь, после двадцати пяти ты уже никому не нужна! Нагуляется, успокоится!», — вздыхали родственницы. «А ты роди ему!», — советовали женские форумы. А ведь простила бы. И было все по — прежнему. Ничего бы не изменилось. И это не из-за жалости. Это банальный страх одиночества и неуверенность в себе, культивируемые обществом. Я надеялась на совсем другое чудо, когда загадывала желание. Я надеялась, что он изменится, а изменилась моя жизнь.

— Вот! Иди сюда быстро! Сейчас торт украшать будешь! — заорал какой-то потный лысый мужик в фартуке, стоя посреди кухни. — Что там подгорело! Опять передержали! Ну я вам сейчас покажу!

Какая служанка ловко стащила яблоко из общей кучи, воровато пряча его в карман. А другая отщипнула кусок теста, которое с остервенением раскатывала! Где-то плакал навзрыд санитарный надзор, глядя, как трясут волосами над каким-то супом, а мимо пробегают шустрый таракан.

— Иди торт украшай! — меня дернули за руку и засунули в комнатку, где уже две девицы пытались изобразить цветочные букеты из крема на многоярусном свадебном торте. На самой вершине стояли две фигурки. Шоколадный заяц имени меня и какой-то рыцарь в доспехах, причем, корона была только у него. Шоколадный заяц косил на один глаз, рассматривая куда-то влево, зато рыцарь напоминал куклу "Барби" с неудачной пластикой.

Я скрутила какую-то зеленую фигу из крема, а потом сделала вид, что прислушалась.

— Вот счастливая, такая любовь! Прискакал за ней, освободил ее! Спас! — вздохнула блондинка, слизывая крем. — Мне бы такую любовь! Всю жизнь о такой сказке мечтала!

— Так ты ж замужем! — прыснула подруга, подправляя розу.

— И ты тоже! Вот бы ради меня кто-то подвиг совершил! И ведь не побоялся Адес! Не испугался! Смотрю на эту сказку, аж зависть берет! — проскулила блондиночка, рисуя листик. — Все бы отдала, чтобы на ее месте оказаться!

Я не выдержала, глядя на них.

— А ведь прискакал бы принц, неважно какой, вы бы и с места не дернулись! — произнесла я, глядя, как они застыли на месте. — Вы бы нашли тысячу отговорок, чтобы ничего не менять в своей жизни. Кролики, вот кто вы.

— А вот и неправда! — завила крайняя, поправляя выбившуюся прядь волос. — Ушла бы! Еще бы! Изменяет! Деньги пропивает! Поколачивает, когда пьяный!

— А что ты до сих пор с ним? — спросила я, глядя на фигурки на свадебном торте.

— А некуда уходить! — ответили мне, пытаюсь нарисовать белоснежный вензель. — Не нашелся мой принц!

— Женщине всегда есть куда уходить. Если на примете нет никого, то она уходит сама к себе! — ответила я, скручивая из крема еще одну «фигушку».

— Глупости какие-то говоришь! — хмыкнули девушки, продолжая украшать торт. — Когда этот торт уже закончится! Вот бы на зал посмотреть! А то, говорят, что там такая сказка, что внукам потом рассказать будет не стыдно!

Я сделала вид, что прислушалась, а потом посмотрела на них!

— Двоих зовут! Блюда носить! — встревоженно заметила я, бросаясь к двери, но меня опередили. Я слышала, как им вручили подносы, а они радостно принялись перемывать мне косточки. Я молча взяла шоколадного принца, а потом с усмешкой посмотрела на его поплывшие черты лица.

— Я же говорила, что тебе голову откушу? — гаденько улыбнулась я, обезглавливая шоколадного мерзавца. Принц оказался намного вкуснее, чем я думала. Поэтому одной головой я не ограничилась, облизывая пальцем верхушку торта. — Кролики, очень мстительные!

Я оторвала огромный кусок, чувствуя, что кулинары постарались на славу.

— Тадам! — заметила я, доедая себя и вытирая руки об фартук. Легким движением руки тортик превращается Свадебный тортик превращается Ай-я-яй! Как же так? Уронила! Это же кошмар какой-то!

Я выждала момент, когда за дверью будет поменьше народу, выскользнула оттуда, а мне в суматохе сунули кролика на золотом подносе.

— Быстро! Скоро бал начнется! Гости уже собираются! — перешептывались служанки, неся блюда по лестнице наверх. — Короли и королевь! Принцы и принцессы!

— Хоть бы меня какой-нибудь принц заметил! А что? — усмехнулась девушка, неся вазу с салатом, оформленную похлеще Сикстинской капеллы. — У них сказка, и я хочу!

Мы шли по коридору, а я уже видела огромный зал, украшенный гирляндами и мишурой.

— Как он ее любит! — вздохнула девушка впереди меня. — Такая свадьба роскошная! Ну хоть посмотрим на нее! Будет, что потом рассказать!

Я молча поставила блюдо на пустое место, глядя на роскошный белоснежный зал, в котором уже постепенно собирались гости. Странно, но я впервые вижу, чтобы Вы что? С ума сошли? Пока где-то Вий орал «поднимите мне веки», я мысленно орала: «Поднимите мою челюсть».

— О, какой чудесный день! — усмехнулась зеленоволосая дама за сорок, хвастаясь короткой стрижкой. На голове у нее стояли заячьи уши.

— Ой, не подскажите мастера, а то мой вашему в подметки не годится, — голосом игрушечной свистульки заметила еще одна дама, поправляя зеленую, обкорнанную прядь волос. У нее на голове громоздились плюшевые заячьи ушки. — Это уже третьи уши Прошлые мне делали из меха, на заказ! Такие чудные получились, но потом надоели!

— Ушки из крашеной норки — это последний писк! — кокетливо заметила еще одна гостья, помоложе. — И главное, чтобы никаких румян! Меня сегодня хотели накрастить, но я сказала, что Императрица не красится. В моде — здоровый цвет лица!

— Ой, какие у вас уши! Просто загляденье! — восхищалась какая-то мадам, бросая взгляд на знакомую. — Зеленый отлично сочетается с розовым! Особенно, если есть бантик! Я себе заказала даже хвостик! Он к платью пристегивается! Брошка с бриллиантом!

— А-а-а! Покажи! — восхитились все дамы, завистливо глядя на маленькую брошку. —

Ничего себе!

— Че встала! — заорали на меня. — Нечего глазеть по сторонам! Марш на кухню!

Я видела знакомое лицо. Один из принцев, который ко мне сватался в тот день, когда я схлопотала проклятие. Надо что-то придумать! Нужно как-то остаться в зале! Думай, хвостик, думай! Меня уже гнали прочь из зала, а я провожала взглядом роскошное убранство. Может, под стол успею?

— Мои уши! — орала какая-то роскошно одетая старуха с зелеными волосами и ушами.
— Мои уши!

— Ваша Светлость, ваши уши на месте! — учтиво заметил молодой лакей.

— Да нет же! Обычные заложило! — капризничала старуха, а я понимала, что мир окончательно сошел с ума.

Стража вытаскивала чумазого мальчишку из-под стола, под смех разодетых господ. Командир стражи отдал приказ, и они стали шарить подо всеми столами, вызывая недоуменный шепот среди гостей.

— Все вон! Марш на кухню! — наорал на нас стражник, выталкивая из зала. — Нечего чумазыми рылами выглядывать! Всех гостей распугаете!

— Ты видела? — перешептывались молоденькие служанки, а одна даже плакала. — Почему кому-то повезло, а мне нет! Почему я не родилась принцессой!

— Я нашла мага, который готов покрасить мои волосы в зеленый цвет! Еще месячишко деньги отложу, и вы меня не узнаете! — вздохнула служанка с роскошными волосами. — Сразу меня подстригут и буду, как благородная дама!

— Главное, чтобы тебя с императрицей не перепутали! — прыснули служанки, а одна из них надрызгла яблоко. — Люблю балы! Столько объедков потом остается!

Я чувствовала, что зашла в тупик.

— Да как вы проглядели свадебный торт? — где-то орал голос Адеса. — Да кто посмел?

Я толкнула первую попавшуюся дверь, вошла и закрылась изнутри. Нужно что-то думать. Что-то делать. Времени мало, а я даже не знаю, что придумать

— А ведь он был прав, — прошептала я, падая в кресло и глядя на порвавшийся ботинок.
— И сейчас мне впервые себя жаль. Искренне жаль. Вот так всегда бывает. Хотела решить проблему мужчины, а влипла сама. И ведь привычка. Привычка тащить все на себе. И в этой сказке не прекрасный принц, а именно злой чародей прав на все сто. Я вспомнила сказку и мультик «Принцесса Лебедь». «Приходи на бал, Одетт! Я поклянусь тебе при всех в вечной любви!». Нет, чтобы заехал и забрал! Тащись, милая в платье по лесу, ковыляй по пыльной дороге! Для влюбленной принцессы и двадцать семь километров — не крюк! Тебе же надо, дорогая? А я пока принцесс развлекать буду и на дверь поглядывать! Уж полночь близится, а лебедя все нет! Эх, сейчас бы добрую фею, которая делает все хорошо! Я смотрела на себя в зеркало, снимая чепец.

— Фея полз-з-зла, — нараспев произнесло зеркало, заставив меня дернуться. — Х-х-хвос-с-стиком мах-х-хнула. И оторвала непос-с-слуш-ш-шному кролику х-х-хвос-с-стик.

— Змеюшка! — воскликнула я, бросаясь к зеркалу.

— 3-з-запомни, раз-з-з и навс-с-егда. Не пытайс-с-я реш-ш-шать мои проблемы, кролик!
— снова произнесло зеркало, а я гладила его пальцами. — Я так понимаю, ш-ш-што кролику 3-з-зах-х-хотелось на бал? Держ-ж-жи, кролик! Тяни время до полуноч-ч-чи. А потом придет 3-з-злой ч-ч-чародей с-с-с армией и кто-то увидит с-с-свой конец-ц-ц!

— Ты с ума сошел? — занервничала я, глядя в зеркало, а оно померкло. Я обернулась и прямо в воздухе повисло сверкающее платье, а потом непонятная дыра в пространственно-временном континууме, выплюнула пару туфель.

«Х-х-хвост-с-ст оторву!» — прочитала я записку, сдирая с себя лохмотья и облачаясь в белоснежный сверкающий бриллиантами наряд. Какая я красивая! Просто невероятно! Никогда не думала, что буду смотреть на себя в зеркало с таким восторгом!

Я вышла из комнаты, гордо вскинув голову.

— Проводите меня в зал! — потребовала я от стражи.

— Конечно! — тут же подобострастно вытянулись они. — Я хотела осмотреть замок и заблудилась. Говорили, что здесь невероятная архитектура!

Я проходила мимо служанок, которые осторожно выглядывали в дверную щель, замирая от восторга. Стражники кышнули на них, пропуская меня вперед.

В зале было столько людей, что не то что яблоку негде было упасть. Мне кажется, что микробы стали чувствовать себя неудобно.

— Я скакал несколько дней и ночей — слышалось откуда-то из центра зала, куда я пыталась пробиться. — Несколько дней я сражался с разбойниками, великанами, чудовищами, но мысль о моей возлюбленной не покидала меня ни на минуту!

— Ах! Как это мило! Я вся расчувствовалась! — какая-то красавица упала в обморок на руки своему спутнику. Ее уши съехали, а слуги бросились поднимать их прилаживать на место. — Я сейчас расплачусь! Адес — мой герой!

— Я помню, как попал в дремучий лес! А на меня со всех сторон бросились разбойники! Их было сорок! И все вооружены до зубов! — повествовал Адес, пока я представляла ужас стоматологов. — Я сражался со всеми по очереди!

— Ага, они прямо так и ждали. Представляю картинку: «Тебя уже победили? Моя очередь!», — гадко заметила я, пробиваясь поближе к сказочнику, а на меня зашикали.

— Какая прелесть! — ревела дама в зеленом, промакивая уголки глаз платочком. — Как же он ее любит!

— Он спас меня! Адес — мой герой! — слышался женский голос.

— Я победил всех разбойников! Всех до единого! — грозно заметил Адес. — Я снова скакал за своей любимой. Я не верил в то, что ее нельзя вернуть! Все это время в тренировался, чтобы спасти ее! И мои знания пригодились мне в бою! И вот однажды, в мрачном лесу я попал в болото! Я понимал, что это — конец! Но Образ любимой встал перед глазами, а я понял, что она погибнет без меня! Я нашарил пучок травы и стал вылезать, думая только о ней!

— Он спас меня! Адес — мой герой! — снова слышался женский голос, вызывая у девушек слезы.

— Я выбрался из болота и продолжил свой путь! Мое сердце верило в то, что однажды я смогу обнять ее и дать клятву вечной любви! И все станете свидетелями этой клятвы! — пафосно продолжал Адес, пока я пыталась протиснуться между двумя барышнями в одинаковых платьях.

— Он спас меня! Адес — мой герой! — снова произнес женский голос, вызывая вздох умиления среди присутствующих.

— И вот я достиг границ Лагора! Меня встретило там целое войско! Но я мужественно принял бой! — голос Адеса дрогнул. — И они испугались и бросились к своему мерзкому хозяину! Они повернули обратно, едва завидев мой меч!

— Неужели еще остались такие мужчины! — захныкала мадам в голубом, кривя губы.

— Он спас меня! Адес — мой герой! — снова повторила заезженной пластинкой самозванка.

— Я не могу — ревела какая-то широкая девица, заградив собой весь угол обзора. — Я не могу Это — самая чудесная история любви, которую я когда-либо слышала! Вот почему

сказки происходят со всеми, кроме меня Я тоже хочу свою сказку!

— Тише! — шикнул на нее тощий и длинный спутник.

— А вот меня ни разу не спас! — обиделась гостя, показав ему заплаканное лицо. — Ни разочка!

Я понимала, что мне еще пробиваться и пробиваться.

— И вот я вошел во дворец! Она кричала мне из своей башни, чтобы я освободил ее! А я А я просто обомлел при виде ее красоты! Она кричала мне, что злой чародей вот-вот вернется, и мне нужно бежать! Но я понял, что не зря столько проскакал! Я — не трус, чтобы избежать боя! Она сказала, что злой чародей Адильер похитил ее из замка, чтобы захватить власть в Империи! Он мечтал стать Императором! Но ему нужно было ее согласие на брак! Каждую ночь он приходил к ней и спрашивал, согласна ли она стать его женой! И каждую ночь гордая Эванжелина отвечала, что нет, не согласна! Что лучше умереть, чем стать женой нага! — вздохнул Адес, а все слушали, затаив дыхание. Я, как официальная супруга нага, скажу вам, что вы многое теряете, дорогие девушки! Очень многое! Да подвинься ты! А! Будь другом! Мужик, уступи девушке место!

— Куда вы лезете? — прошептал какой-то молодой парень, глядя на меня. — Я здесь стою!

— В автобусе будешь хамить! Девушкам нужно уступать место! — возмутилась я.

— Я, между прочим, принц! Вы что? Корону не видите? — надменно бросили мне, а я поняла, что не все идиоты до меня доскакали. И это радует!

— А я — принцесса! И что? Сейчас коронами меряться будем? — осведомилась я, пока принц строил из себя обиженку.

Еще немного! Еще чуть-чуть! Я уже вижу просвет в конце туннеля!

— Вы только что наступили мне на ногу! — возмутился какой-то солидный мужик. — Фу! Как некультурно!

— А вы только что наступили на мою самооценку. И поверьте! Зря вы это сделали! — огрызнулась я.

— Вы из какого королевства! Я объявляю войну ему! Это оскорбление я не прощу! Вы наступили на ногу будущему королю! — возмущался мужик, требуя извинений.

— Не отпала? И хорошо! — усмехнулась я, застыв рядом с какой-то красавицей с короткой зеленой стрижкой и меховыми ушками.

— В тот момент, когда я взял пленницу за руку, появился злой чародей Адильер! «Как ты посмел забрать у меня пленницу!», — закричал он страшным голосом, — вошел в раж Адес. — Так и сказал, сверкнув глазами!

Нагушка у меня молодец! Он перед битвой успел даже к логопеду сбегать! Полчаса они скороговорку разучивали: «Шла Саша по шоссе!». Специально для этой битвы!

— Я, если честно, испугался! Но не за себя, а за любимую! — Адес взял театральную паузу. — Но потом выхватил.

Он прокашлялся, а этот момент в истории уже стал слегка напоминать правду.

— Потом выхватил меч, — продолжил Адес, и видимо вытащил его, раз по зрителям побежал вздох изумления и восхищения. — И сказал: «Сразись со мной, злой чародей! Ибо правда и любовь на моей стороне! Я пришел, чтобы спасти мою любимую из твоих лап!».

Адильер успел бы сходить покушать за это время.

— Я пришел, чтобы вызволить мою возлюбленную! И зло не должно стоять на моем пути! — воскликнул Адес, а я посмотрела на красавицу, которая вздохнула. Рядом с красавицей в короне стоял знакомый принц.

— Котик, принеси мне пирожное с розовым кремом! Что-то аппетит разыгрался! — вздохнула красавица, а принц бросился сквозь толпу.

— Злой чародей бросил(ся в меня заклинание, но я сумел отразить его! — вдохновенно врал Адес, пока к нам пробивался принц с пирожным, оберегая его руками.

— Молодец, котик, — сладко заметила красавица, съедая его в один укус и тоскливо глядя по сторонам. — Я люблю тебя, мой сладкий!

Я видела, как он целовал ее пальчики, испачканные в креме.

— Я обожаю тебя Ты — самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел! О, моя королева! — задышался принц, а я снова заглянула в ее лицо.

— Аврора, — конспиративным голосом позвала я, видя, как она посмотрела на меня. — Аврора!

— О! Какая встреча! Вас тоже пригласили? — заметила она, вытирая руку о камзол принца, который снова схватил ее, покрывая поцелуями. — У нас все хорошо! Котики переехали в замок! Правда, родственники принца были против котиков, поэтому пришлось объяснить им доступно, что котики на улице не останутся! Так я стала королевой. И знаешь, это просто чудесно! Я никогда не думала, что это настолько приятно быть королевой! Особенно, когда тебя любят! Мы с ним даже ни разу не поругались! Представляешь!

Ага, попробуй поспорить с драконом!

— Да, котик? — улыбнулась Аврора, обращаясь к Филиппу. — Не жалеешь, что такого мужчину мне отдала?

— Знаешь, главный залог женской дружбы, — я мерзко улыбнулась Филиппу. — разные вкусы на мужчин и одинаковые на вино!

— Бой продолжался несколько часов! О! Это был самый страшный поединок в моей жизни! — кричал Адес. Часы! Который час?

— Аврора, а который час? — поинтересовалась я, а потом увидела часы. Одиннадцать! Еще целый час!

— И вот! Он упал на колени передо мной, умоляя о пощаде! — выдохнул Адес, пока все внимали каждому его слову. «Колени» и «Адильер» обычно редко встретишь в одном предложении. — Пощади! Я отдам тебе свои сокровища! Забирай, что хочешь, но сохрани мне жизнь! Я Я занес над ним меч и ударил!

— Он спас меня! Адес — мой герой! — снова воскликнул женский голос.

— Злой чародей был повержен, а я тут же устремился к возлюбленной! И мы отправились во дворец! Я пообещал ей, что при всех принесу ей клятву вечной любви, которая снимет проклятие! — вздохнул Адес, а зал опять поплыл от умиления. И вот этот момент настал! Дорогая моя! Бесценная Эванжелина! Я — твой верный слуга, твой рыцарь, который спас тебя, хочу принести свою клятву! Мое сердце верит, что она разрушит злые чары, и мы будем жить долго и счастливо! ЯЯ пробилась вперед, раздвигая толпу.

— Остановитесь! Я — ваша Императрица! — произнесла я. — А этот театр из героя, который вам лапшу вешает на уши, и переодетой служанки — должен гастролировать в другом месте!

— Кто это? — закричали все. — Да она просто приревновала! Ей тоже хочется сказки!

— Взять самозванку! — заорал Адес, а ко мне бежала стража. Рядом с Адесом стояла зажатая девушка в простеньком белом платье с бантом. — Немедленно! Терпеть не могу самозванцев!

— Конкуренция не нужна? — возмутилась я, глядя, как ко мне бегут стражники.

— Да! Схватить ее! — переживала толпа, пока я сопротивлялась. — Неужели вам хочется разрушить прекрасную сказку? Да у вас сердца нет! Вы что? Не видите, как они любят друг друга!

— Не верьте ни единому его слову! — кричала я, бросая в стражу еду со стола. — Это ложь! Наглая и подлая ложь! Салат полетел в шлем одному из стражников, а меня схватили за руку, которую я попыталась вырвать.

— Так тебе и надо! Нечего разрушать чужую сказку о вечной любви! — выкрикнул женский голос.

Глава шестнадцатая.

Не рассказывай мне сказки!

Я клянусь себе в вечной любви!

На меня смотрели, как на врага народа, одаряя гневными взглядами, а меня душила злость!

— Казните ее! — послышался экзальтированный женский голос. — Такую любовь нельзя разрушать! Как ты посмела?

На меня кричали, а Адес улыбался, прижимая к себе самозванку. Та льнула к нему, заглядывала в глаза, не веря своему счастью. Я видела, как дрожала ее рука, прикасаясь благоговейно к расшитому драгоценностями камзолу «жениха».

— Я призываю вас всех в свидетели! Никто и ничто не смеет встать на пути истинной любви! Никто и ничто! — заорал Адес, обводя взглядом присутствующих.

Я видела, как в центр зала медленной поступью выходит Аврора, а все возмущаются «еще одна! Да сколько их тут! Сидели бы и не высовывались!». Через пару мгновений стражник, который держал меня, молча упал в обморок при виде огромного дракона.

— Милая, ты там осторожней! — заикался Филипп, глядя на свое чешуйчатое счастье, которое случайно перевернуло стол с угощением.

— Спокойно, котик! Брысь к стенке, чтобы не зацепила! — ласково заметила драконица, пока дамы падали на пол. Может, они и рассчитывали упасть на руки мужчин, но те уже быстро смекнули план эвакуации, образовав остервенелую давку в проходе.

— Пропустите меня! Я — король! — орал кто-то, пытаясь протиснуться в дверь. Из боковых дверей набегала стража и тут же роняла челюсти, глядя с ужасом на развернувшегося в зале дракона. Адес пятился, оттолкнув от себя «любовь всей своей жизни», которая испуганно жалась к нему.

— Он — маг! Осторожней! — заорала я, глядя, как самозванка падает в обморок и остается лежать рядом с драконьей лапой.

— Groш цена вашей сказке! Бросил невесту ваш любимый герой! — усмехнулась я, глядя как Адес швыряет заклинание в Аврору, а та отмахивается хвостом подбежавший отряд стражи.

— Милая!!! — заорал Филипп, бегая и нервничая. — Осторожней! Да как ты смеешь трогать мою жену!

Он схватил один из мечей, валявшийся рядом со стражниками, и бросился в бой.

— Котик! Не вмешивайся! — заорала Аврора, сощутив глаза и устремляясь к Адесу, который швырнул в нее огонь. — А то укушу! И это будет больно!

Адес поливал ее яркими брызгами волшебного пламени, а я оттаскивала несчастную самозванку в сторону столов, надеясь, что ее никто не затопчет. Она же не виновата, что тоже поверила в волшебную сказку!

— Ах ты, маленький наг! — возмутилась Аврора, пытаясь дотянуться до него. — Ничего! Нажье отродье! Ты у меня сейчас попляшешь!

Она выпустила густую струю огня, пока Филипп прикрывал ее тыл, отбрасывая ногой одного из стражников, а второго отметая мечом.

Внезапно в нее ударило заклинание, Аврора посмотрела на меня как-то странно и рухнула вниз.

— Авочка! — заорал Филипп, бросаясь к ней. — Авочка!

Те, кто пришли в себя, стояли и с ужасом смотрели, как принц обнимает ее огромную голову.

— Моя Авочка Ты за это ответишь! — заорал Филипп, бросаясь на Адеса, но тот отшел от заклинанием. Я видела, как Филипп подполз к дракону, глядя ее чешую.

— Котик, — просипела она, пытаясь открыть глаза.

— Не покидай меня Я только тебя нашел Я тебя Я тебя всю жизнь искал — Филипп гладил ее по чешуе, а я пыталась понять, как же так? Для меня он, мягко говоря, чудак, а для нее Часы показывали без одной минуты полночь.

— А теперь ты умрешь! Как только я поклянусь тебе в вечной любви, ты сдохнешь! Я, Адес, клянусь в — заорал маг, а я схватила меч, понимая, что продержаться нужно лишь одну минуту. Одну несчастную минуту! Любой ценой! Меня отбросило, больно ударив об стену, а бросилась к столу, швыряя ему в лицо все, что попадает под руку.

— Клянусь в вечной любви Императрице Эванжелине Будь кроликом до конца своей жизни! — закричал любитель экстремальных ощущений, а мне в грудь ударились заклинание. Я чувствовала, как дрожат мои руки, роняя поднос.

— А вот и оч-ч-чень з-з-злой ч-ч-чародей, которого недавно героич-ч-чески победили, — послышался голос, а стрелки часов сомкнулись на полуночи, а всех отшело от входа, а Адеса намертво прибило к стене. Послышался вскрик «Авочка!», а по залу шустро полз нагушка, в красивом доспехе и плаще. Я упала на колени, чувствуя, как силы покидают меня, а я почему-то съеживаюсь, превращаясь в маленького кролика, которому салатик будет пухом. Все плыло перед моими глазами, а я смотрела на моего змеюшку, чувствуя, как меня поднимает с пола и салата ладонь.

— Ка-какой же т-т-т-ты красивый, — мой голос был слаб, а я смотрела на него и любовалась. — Змеюшка Змеюшка

Я чувствовала, как начинаю плакать, глядя на его лицо. Какой же он красивый!

— Почеши меня, — прошептала я, чувствуя, как меня прижимают к груди. — Пожалуйста За За ушком... Почеши в последний раз

Его рука нежно гладила меня, а я чувствовала, как его пальцы погружаются в мой мех, вызывая приятное ощущение нежности.

— Кролик, — прошептал он, а все молчали. Я не слышала ни единого звука, кроме его голоса. — Я тебе х-х-хвост-с-с-с оторву Ты слыш-ш-шишь! Х-х-хвост-с-с-с оторву

— Оторви — вздрогнула я, обнимая его палец и потершись об него мордочкой и чувствуя, как меня гладят так, как не гладили никогда. — Спас-с-с-с-с тебе, нагуш-ш-шка

Я обвела мутным от слез взглядом всех, кто застыл на месте, глядя на нас. Змеюшка сидел на чужом троне, бледный, как смерть, держа меня на ладони.

— Не плачь, змеюшка, — прошептала я, пытаясь дотянуться пушистой лапкой и вытереть его слезу. — Только не плачь Прошу тебя Я Я сделала все, что могла Просто

просто он успел раньше

Я гладила его лапкой, чувствуя, как его пальцы нежно проводят у меня за ушком, заставляя улыбнуться сквозь слезы. Он никогда не был так нежен. Мой Змеюшка. Мой любимый Змеюшка

— Спасибо, — слабым голосом прошептала я, чувствуя неземное блаженство от почесания. — Я люблю тебя, Змеюшка И я рада, что ты пришел за мной Жаль Как жаль

— Тиш-ш-ше, — шептал Адильер, прижимая меня к своей щеке.

— Поклянись — прошептала я, едва слышно, — что ты будешь чесать и гладить меня до конца моей жизни

— Клянус-с-сь, кролик, клянус-с-сь, — прошептал наг, а его губы дрогнули.

— Жаль — снова икнула я, чувствуя, как дрожит мой маленький пушистый хвостик. — Жаль, что Адес Поклялся В вечной любви

Хвост снова сжался, предчувствуя близкий конец.

— Не мне, — заметила я. — А какой-то несуществующей принцессе с портрета!

— Так! Я что-то не понял! — заметил Адильер, замирая рукой.

— Я так не играю, — вздохнула я, а хвост уже колотил панику, предчувствуя, что сейчас его оторвут. — Он даже не знал, как меня зовут на самом деле! И ты не знаешь

— Ева, — усмехнулся Адильер, а я хвостик сжался. — Однаж-ж-жды ты с-с-сама мне вс-с-се рас-с-сказ-з-з-зала Только ты это не помниш-ш-шь Ах-х-х ты маленький, пуш-ш-шистый с-с-симулянт!

— Зато ты меня так никогда не чесал! — обиделась я, чувствуя, как от его взгляда хвостик подумывает отвалиться сам, чтобы не мучиться.

— Я тебя полдня начес-с-сывал! Ч-ч-чуть пальц-ц-цы по локоть не с-с-стер! — услышала я, пытаюсь осторожно уползти с его ладони.

— Но сейчас ты чесал по-другому! Я — кролик, и мне виднее! — я честно попыталась спасти свою маленькую жизнь. — Тогда ты плохо чесал, а сегодня хорошо! Тем более, что ты поклялся чесать и гладить меня до конца моей жизни! Вот!

Я видела, как он смеется, глядя на меня усталыми глазами.

— Ваше Величество! — закричал кто-то. — Столица под нашим контролем! Какие дальнейшие приказы! Войска сдались!

— Не могу понять, з-з-зачем они нам с-с-сдалис-с-сь? — вздохнул Адильер, глядя на меня с усталой усмешкой. — Видимо, ес-с-сть х-х-хотят

В молчаливо застывшем зале послышался стон.

— Отойди, Котик! Еще бы немножечко и меня бы убили! Но ты защитил меня, — прошептала Аврора, открывая один глаз. Филипп вскочил на ноги, бросаясь к ее морде с криками: «Авочка!». Не знаю, какая пара в конкурсе заставила челюсти проломить пол, а, может, это и не пара вовсе, а чье-то заклинание, но все хранили гробовое молчание.

Я что-то не понимаю в их отношениях. Я видела, как на месте дракона снова была красавица в слегка разорванном платье, которую поддерживал принц, не сводя с нее глаз. Аврора подняла на нас глаза, вздохнула, бросая мимолетный взгляд на «Котика», который готов обдувать ее со всех сторон.

— Принеси мне водички! — простонала она, глядя на Котика, который метался между оставшимися столами, в поисках водички.

— Спасибо тебе, — вздохнула я, чувствуя, как чужая рука поджимает мой хвостик. Хвостик как бы радовался, но слегка тревожился, понимая, что заслужил.

— Я сделала это из-за благодарности. Нет, не за принца! Такого принца я всегда бы себе нашла, — усмехнулась она. — За то, что ты дала мне понять. Даже если ты — огромный, зубастый, непобедимый и страшный дракон, ты всегда должна оставаться женщиной. Иногда слабой, ранимой и очень нежной!

— Вот водичка! Нашел! — Котик протягивал ей кубок, откуда Аврора сделала один ленивый глоток. — Ты как себя чувствуешь? Он тебя сильно ранил?

— Но это не означает, что нужный момент, ты не откусишь кому-то голову, — улыбнулась она, а я боялась посмотреть на нагушку, но потом осмелела, не смотря на руку, которая наминает мой хвост!

— Я теперь навсегда могу остаться кроликом, — вздохнула я, погладив его лапкой — И кроме почесания, мне, в принципе, ничего не светит- Я люблю тебя. Даж-ж-же пуш-ш-шистой з-з-заноз-з-зой! — усмехнулся очень злой волшебник, а я краем глаза видела бездыханное тело прекрасного принца, понимая, что в нашей сказке принц не нужен, а его клятва в вечной любви чуть не стоила мне жизни.

— Вот за что меня можно любить? Я понимаю, любить Аврору! Тут тебе и жена, и армия, и казначей! А я Я-то по сути никто. Просто девушка, которая попала сюда случайно! Я ничего в своей жизни особо выдающегося не сделала! За что ты меня можешь любить? — спросила я, глядя ему в глаза. — Скажи, чтобы хоть знала.

— Глупый вопрос-с-с. Ес-с-сли бы я з-з-знал, з-з-за ш-ш-што тебя люблю, то наверняка бы оторвал и ос-с-ставил с-с-себе! А ос-с-стальное пус-с-стил с-с-сеять с-с-смуту, раз-з-здор и с-с-смерть! — заметил Адильер, снова беря меня за хвостик кролика Апокалипсиса.

— Мне нужно зеркало Пусть принесут, — вздохнула я, а передо мной появилось огромное зеркало, в котором отражался нагушка, сидящий на императорском троне, и маленький, уже слегка чумазый кролик, который свесился с его ладони, глядя на перепачканную мордашку.

— Повторяй за мной, — прошептал Адильер. — Просто повторяй. Я люблю с-с-себя Люблю такую, какая я ес-с-сть

Я видела, как на глаза кролика навернулись слезки.

— Я люблю себя Люблю такую, какой я есть — всхлипнула я, глядя на маленького кролика, сидевшего на чужой ладони и всматривающегося в отражение. В горле кролика стоял ком.

— Я клянус-с-сь, что никогда не поз-з-зволю обращ-щ-щаться с-с-с тобой уни-з-з-зительным образ-з-зом, как это делала ты с-с-сама, — усмехнулся наг, пока я плакала, глядя на себя. — Я клянус-с-сь, что буду береч-ч-чь тебя, потому ш-ш-што с-с-сама с-с-себя береч-ч-чь ты не умееш-ш-шь

— Нагушка, — всхлипнула я, проглатывая ком. — Нагушка Я действительно сегодня испугалась, что могу умереть Я же не знала, что он даже не удосужился узнать мое настоящее имя И в этот момент я поняла, что очень люблю себя и не хочу умирать Я клянусь себе в вечной и искренней любви

Я сначала увидела какой-то странный свет, идущий от меня, а потом почувствовала, как свет проходит, словно пронзая насквозь. А через мгновение, когда в глазах снова прояснилась я видела себя (, без ушек, сидящей на коленях у нага. Если, конечно, слово «колени» применимо к нагу!

— Получилось! — выкрикнула я, а сердце зашлось от радости. — Получилось! Неужели. Так! А что это ты там держишь? А? Змеюшка! Я тебя сейчас убью! Почему уши исчезли, а хвост остался?

— Но мне ж-ж-же нуж-ж-жно ш-ш-што-то гладить Пуш-ш-шистое. Вот х-х-х-хвос-с-стик и ос-с-стался Мой маленький х-х-хвос-с-стик! — прошептали мне, а я поняла, что бедному хвосту отдуваться за всех!

Я чувствовала, как он стекает с трона, глядя на присутствующих, которые ровным счетом ничего не поняли. Один, даже особо нахальный, заметил, что предыдущая сказка

ныне покойного Адеса, была намного лучше! Но нам было плевать. Я стояла и прижималась к Адильеру, чувствуя, как он обнимает меня.

— Так! Я не поняла! Ты сказал, что если бы знал, за что я тебе нравлюсь, то оторвал бы это? — заметила я, сложив ручки у него на груди. — Ладно, все что тебе не нравится, решило удалиться. Придется тебе оторвать себе все, что тебе нравится, пока есть такая возможность.

Я попыталась дернуться, но меня держали крепко-крепко, заставляя тихонько улыбаться.

— Ус-с-спокоилс-с-ся мой кролик? — меня прижимали к себе, а я понимала, что сложно тут успокоиться. Тем более, когда тебя дразнит чужой кончик хвоста! — Уч-ч-чти, тебе придетс-с-ся любить с-с-себя веч-ч-чно Ты — моя ж-ж-жена, так ш-ш-што прож-ж-живеш-ш-шь столько же, с-с-сколько и я.

— То есть, пока ты жив, меня убивать бесполезно? — возмутилась я. — Ах ты Наг! Ты все прекрасно знал! Знал, что мне ничего не будет! Бессовестный змей! А я еще как-то умудрилась выйти за тебя замуж! Кстати, когда ты умудрился на мне жениться? Что улыбаешься! Отвечай! Кролик требует! Кролик очень требует!

* * *

Я шла мимо комнаты и услышала голос кормилицы. Осторожно приоткрыв дверь, я увидела, как она сидит на кровати, заправляя одеяло.

— А принц скакал несколько дней, чтобы спасти свою принцессу! В темном-темном лесу его окружили сорок разбойников!

— И он их-х-х вс-с-сех-х-х победил? — спросил голосочек одной маленькой змейки, которой, как и папе, срочно нужен логопед. Правда, узнав, что они оба ядовитые, логопеду будет проще поменять фонетические правила!

— Да! Он сражался с каждым по очереди! И всех победил! Всех-всех-всех! — вздохнула кормилица. — В этот момент он думал о своей любимой, которую держит взаперти злой чародей!

— А когда это было? — уточнила одна маленькая вредная змейка. — Рас-с-скажи!

— О! Этой сказке уже лет и лет! Мне ее еще моя прабабушка рассказывала! — усмехнулась кормилица. — Так вот! Принц спешил с коня, а потом понял, что попал в болото!

Да, у нас поздний ребенок. Мы просто решили пару столетий пожить для себя! — А! — ужаснулся мамин любимый змееныш. У нас недавно молочные клыки выпадали и хвост линял! Натерпелась мама! Ой, натерпелась!

— Но принц подумал о своей принцессе, и тут же схватился рукой за пучок травы, вытаскивая себя! Он думал только о любимой! А потом он прискакал к границам темных земель, где его встретило войско злого чародея! — таинственным голосом заметила кормилица, а мой маленький змееныш уже замер в предвкушении.

— Надеюсь, принц его победит! — занервничал мой маленький червячок.

Я не выдержала и вошла в комнату.

— Ваше Императорское Величество, — прошептала кормилица. — Я тут сказку рассказываю. Очень хорошую! О любви! Для нашей маленькой принцессы! Однажды к ней прискачет прекрасный принц!

— Рассказывайте, я послушаю, — усмехнулась я, глядя, как под одеялом ерзает

маленький хвостик. Мне кажется, что у нас самый красивый ребенок на свете! У нее папины волосы и мамины глаза. А еще у нее папин хвостик.

— И жили долго и счастливо, пока не умерли в один день! — кормилица встала, поправила одеяло и поклонилась мне, покидая комнату.

— Мама! Я тож-ж-же хоч-ч-чу, ш-ш-штобы меня с-с-спас-с-с прекрас-с-с-ный принц-ц-ц! — моя принцесса тянула меня лечь рядом, обвивая своим хвостиком.

— А если я расскажу тебе, как было все на самом деле? — улыбнулась я, убирая пряди волос с ее лица. — Что, если этой принцессой была твоя мама?

— А!!! — глазенки расширились, а в меня вцепились изо всех сил. — Рас-с-с-казывай!

— Папа не долж-ж-ждался маму и реш-ш-шил помоч-ч-чь, — я почувствовала, как меня обнимают. Все! Маленького кролика поймали родные змейки. И обвинили его со всех сторон.

— Твоя мама понравилас-с-сь мне с-с-с первого вз-з-згляда! — рассмеялся Адильер. — И я реш-ш-шил з-з-заколдовать ее!

— А принц-ц-ц будет? — прошептала наша принцессочка, пока папа рассказывал о том, что добрая мама толкнула его на паперть.

— Будет, но недолго, — вздохнула я, глядя на то, как принцесса затаила дыхание, слушая новую сказку. Под конец сказки, ребенок был точно уверен, что в первую очередь будет смотреть на злых чародеев. Мне с детской непосредственностью доказывали, что принцы ее больше не интересуют.

Папа уполз, а я обняла ее, глядя ей в глаза, пока мне рассказывали, про то, что никогда бы не подумали, что тетя Аврора, тоже приняла участие в этой истории. И никогда бы не подумали, что «Котик» — это дядя Филипп.

— Помни, Одиллия, не важно, принц или чародей. Главное то, чтобы он тебя любил, — прошептала я, целуя ее в макушку.

— По — настоящему! Женщина, которая не любит себя, никогда не поверит в чужую любовь.

КОНЕЦ